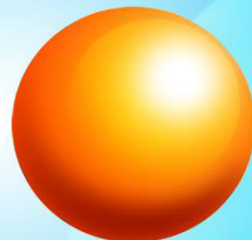
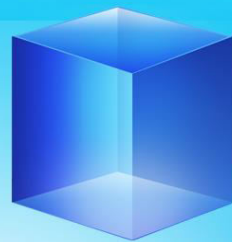

Humanities, Social Sciences and Environment Conference

Milan, Italy

november 30. 2016

www.scipro.ru

**Scientific public organization
Professional Science**

**HUMANITIES, SOCIAL SCIENCES AND
ENVIRONMENT CONFERENCE**

materials of the I international research and practice conference

November 30th 2016

www.scipro.ru
Milan, Italy 2016

UDC 300-399
LBC 60

H 34

Editor: N.A. Krasnova
Technical editor: Y. Kanaeva

Humanities, Social Sciences and Environment Conference: materials of the I international research and practice conference November 30^h, 2016, Milan, Italy: Scientific public organization “Professional science”, 2016. 182 p.

ISBN:978-1-370-83049-7

The collection of materials of the International Humanities, Social Sciences and Environment Conference, November 30th, 2016 is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://www.scipro.ru>

UDC 300-399
LBC 60

ISBN 978-1-370-83049-7

9 781370 830497

- © Editor N.A. Krasnova, 2016
- © Article writers, 2016
- © Sole proprietorship N.A. Krasnova, 2016
- © Smashwords. Inc.

CONTENS

SECTION 1. HUMANITIES	5
Barkova E.V. «Understanding the world as a whole, indivisible»: A.L. Chizhevsky about a human and the universe connection.....	5
SECTION 2. LANGUAGE AND LINGUISTICS.....	11
Aleokhina A.R., Tatarnikova I.V. Etymological peculiarities of indigenous place names in the state of Alaska.....	11
Dordzhieva B.V, Khan D.V, Lidzhieva O.S, Olyadykova B.B. Linguistic personality: the main areas of research	19
Prokopeva S.I. Contrastive analysis of the lexico-semantic groups of adjectives with the meaning of big size	30
Shkapenko T. M. On the problem of borrowed linguistic sign introduction	34
SECTION 3. HERITAGE AND HISTORY.....	44
Burdina G.M. Documents of the population registration as a source of the study of the Russian urban family of the second half of XIX - beginning of XX century (on materials of the Vyatka province)	44
Kharina N.S. The relationships of merchants and indigenous people in the north of Tobolsk in the XIX th century.....	50
MartyanovaYe.G., ChesnovaYe.N. Cultural and educational tourism in the Tula region (for example literary-tourist route «Anna Karenina: yesterday, today, tomorrow»)	59
Somkina N.A. Auspicious Animal Symbols of Chinese Culture.....	76
SECTION 4. ENVIROMENT.....	93
Ocminina E.S., Isakova Yu.B. The development of memory in children of primary school age	93
SECTION 5. SOCIOLOGY AND ANTHROPOLOGY.....	107
Khrienko T.V. Socio-political identification of Crimean young people in current conditions	107
Nadutkina I.E., Kompaniets S.A. Social protection as an essential element of social change in the policy of regions: possible risks.....	119
SECTION 6. DEVELOPMENT STUDIES	126
Odinokova T.D. Russian life insurance market: problems of development and integration into the global insurance space and their solutions.....	126
SECTION 7. PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY.....	137
Kuznetsova M.A. Expertise and modeling educational environment, contributing to the development in primary school children cooperation skills	137
Nevolina V.V. Professional self-development as a pedagogical phenomenon.....	151
Tukhtieva N.Kh. Influence of irrelevant information on the contradictions.....	164
SECTION 8. JOURNALISM.....	172
Anikienko S.V. Origin and Development of Music Journalism in the Kuban Region in the Historical Aspect.....	172

SECTION 1. HUMANITIES

UDC 091

Barkova E.V. «Understanding the world as a whole, indivisible»: A.L. Chizhevsky about a human and the universe connection

«Понимать мир как нераздельно-целое»: А.Л.Чижевский о связи человека и мироздания

Barkova Eleonora Vladilenovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
barkova3000@yandex.ru

Баркова Элеонора Владиленовна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

Abstract. In the context of historical and ecophilosophical analysis the author proves the prospect idea of the wholeness and communication between a human and the cosmos, developed in philosophy of cosmism and scientific creativity of Alexander Chizhevsky.

Keywords: ecophilosophy, A.L.Chizhevsky, space, history, subject, culture, wholeness, planetary space, history of ecophilosophy.

Аннотация. В контексте историко-экофилософского анализа обоснована перспективность идеи целостности и связи человека и космоса, развитая в философии космизма и научном творчестве Александра Леонидовича Чижевского.

Ключевые слова: экофилософия, А.Л.Чижевский, космос, история, субъект, культура, целостность, планетарное пространство, история экофилософии

Формирование планетарного бытия XXI века на существенно обновленных основаниях выдвинуло в центр пространства современной науки развитие экофилософии, призванной интегрировать в логику взаимодополнения знания, уже открытые в философами, культурологами, медиками, биологами, специалистами в области экологии человека, культуры, природы и социальной экологии. [1]. Однако вопросы исторического становления экофилософских представлений, в ходе которого происходил отбор наиболее перспективных идей, концепций, продуктивных научно-практических проектов, в отечественной науке пока не стали предметом систематического философского

исследования, хотя определенные шаги в этом направлении сделаны. [2], [3], [4].

Между тем, экофилософия, ориентированная на сохранение и развитие ценности жизни на Земле, включая жизнь человека, на уровне всеобщего осваивает категории бытия и сознания в их истории и современности. При этом она исходит целостности бытия человека и его истории как процесса, органически связанного с космосом, культурой, природой, обществом, что подтверждает развитие картина мира, развиваемая наукой и философией на основе антропного принципа. [5]. Поэтому, вероятно, в последнее время развитие получает точка зрения, согласно которой экологическая парадигма приходит на смену парадигмам математизации и информатизации. «Экологическая парадигма, экологические критерии и регулятивы становятся органической составной частью новой картины мира и методологии её построения современным естественнонаучным и социогуманитарным познанием. Сегодня на стыке «природознания» и «человекознания» происходит формирование новой области знания — философии экологии, к которой можно отнести и экологию человека» [6].

Одним из ключевых источников формирования экофилософии, несомненно, является философия космизма – одно из самых ранних направлений философской мысли, получившее в эпоху серебряного века исключительно мощное и многовекторное развитие. Его своеобразным «истоком» стало учение о всеединстве великого русского мыслителя В.С.Соловьева, который впервые осмыслил и исследовал категорию «человечество», раскрыв ее роль и значение в формировании ответственного отношения к общему бытию людей. В теологической форме в его учении была осознана целостность космоса, природы, духа, души как, прежде всего, нравственного космоса человека-микрокосма.

Теоретические основы, заложенные в этом, опередившем свое время, направлении, были продолжены в творчестве великого русского советского мыслителя-космиста Александра Леонидовича Чижевского (1897 – 1964).

«Леонардо да Винчи XX века - так назвали А. Л. Чижевского участники состоявшегося в Нью-Йорке в сентября 1939 года I Международного конгресса по биологической физике и биологической космологии» [7]- написали в статье об А.Л.Чижевском А.В.Манакин и Л.Т. Энгельгард.

А.Л. Чижевский – классик философии русского космизма, исследователь-энциклопедист, продолжатель великого наследия традиций мировой классической науки, мыслившей в логике целостности космоса и человека как микрокосма. Наряду с К.Э.Циолковским и В.И.Вернадским, он проложил дорогу космопланетарному мировидению, без которого едва ли могло бы состояться освоение космоса. Результаты его исследований высоко были оценены и в мировой и в советской науке.

Развивая исходную для экофилософии идею единства мира, он доказал: все земное пульсирует в ритме Солнца, все субстанциальные процессы в ее взаимодействующих оболочках развиваются в согласии с ним. Но и «вся солнечная система является частью системы звезд нашей звездной галактики». [8, с. 18]. Поэтому, полагал он, в науках о природе идея о единстве всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигала такой ясности и глубины, как в наши дни.

Не случайно А.Л.Чижевский – поэт и блестящий знаток русской поэзии в опубликованной в 1924 году работе «Физические факторы исторического процесса» цитировал Ф.И.Тютчева:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе;
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем [9].

Открытая именно им теория гелиотараксии (от греч. – Гелиос - Солнце и тараксио – возмущение) впервые научно обосновала влияние солнечных процессов и излучений на эндокринную и нервную системы организма человека. Поэтому, зная эти связи и ритмику процессов, протекающих на солнце, можно прогнозировать проявления агрессии, войны, массовые психические заболевания. Отсюда – и в этом проявился гуманистический потенциал космизма А.Л.Чижевского – востребованность в разумном преобразовании природы и использовании науки для повышения устойчивости человеческого организма к воздействиям солнца. Этой задаче соответствует одно из самых известных изобретений Чижевского – люстра, названная его именем.

Органическое единство бытия человека и космоса было конкретизировано А.Л.Чижевским в осмыслении им человеческой деятельности как результата космической энергии. Это положение нашло свое проявление не только в научном, но и поэтическом творчестве философа-космиста:

Мы – дети космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувством себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен...
И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества – от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая. [10].

Сегодня, когда формируется новое содержание пространственно-временного континуума культуры и новый уровень целостности бытия планетарного человечества, важно, чтобы моделям глобализации, техно-человека и постсовременности, в которых перспективы жизни осмыслены в категориях,

связанных исключительно с развитием технологий и объектных процессов, получила приоритетный смысл концепция А.Л.Чижевского, не только в тексте, но и в контексте которой – забота и мысль о перспективах Человека, развитии его здоровья, культуры и творческого потенциала.

References

1. Баркова Э.В. Экофилософия как ответ на гуманитарные вызовы эпохи: к вопросу о предпосылках становления «зеленой» культуры России и мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2014. Т. 3. С. 109-116.
2. Никольский А.А. Великие идеи великих экологов. История ключевых концепций в экологии. – М.: ГЕОС. 2014. – 190с.
3. Баркова Э.В. Встреча с философским наследием - работа на будущее. К реконструкции «линии» Эпикура - Лукреция Кара // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2015. Т. 4. С. 116-125.
4. Баркова Э.В. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С.Соловьева // Человеческий капитал. 2016. № 8 (92). С. 8-11
5. Баркова Э.В. Гуманитарный смысл антропного принципа //Человек в современных научных и философских концепциях мироздания: Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» 2016. С. 30-38.
6. Сартаева, Р. С. Экология человека в структуре современного научного познания [Электронный ресурс] / Р. С. Сартаева, А. Н. Нысанбаев, А. Сагикызы // Вопр. философии. – 2015. – № 4. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1150

7. Манакин А.В., Энгельгардт Л.Т. Леонардо да Винчи XX века// <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=11&id=13>
8. Чижевский А.Л. Земное эхо космических бурь. – М.: Академический проект; Альма-Матер. -2013. – 272с.
9. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса. М.: Принтэкс – 1924. – 72с.
10. Чижевский А.Л. Мы дети космоса // <http://agniyogaineverydaylife.bestforums.org/viewtopic.php?f=13&t=203>
11. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры (философско-культурологический анализ) // Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоград, 2003

SECTION 2. LANGUAGE AND LINGUISTICS

UDC 81'25

Aleokhina A.R., Tatarnikova I.V. Etymological peculiarities of indigenous place names in the state of Alaska

Этимологические особенности коренных топонимаций в штате Аляска

Aleokhina Anastasia

Crimean Federal University, Simferopol
nastya.un@mail.ru

Tatarnikova Irina

Crimean Federal University, Simferopol
tatarnikova.i@ukr.net

Алёхина Анастасия Руслановна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Татарникова Ирина Викторовна

Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Abstract. The article presents the results of the research which encompasses the investigation of the etymological background of indigenous place names of some geographic features in Alaska with particular accent on the local hydronymy. The findings testify to the fact that a great number of such place names either reflect peculiarities of landscape and geography or are prompted by the associations aroused by the objects in the minds of local people.

Keywords: indigenous place names, toponymy, hydronym

The place names of Alaska the roots of which can be traced in the local aboriginal languages, the Russian language of the first explorers, travellers and languages of European settlers constitute a very important layer in the toponymic system of the USA and have always attracted the attention of researchers who intend to study them from different angles. One of the possible vistas of perspective investigation concerns the linguistic evaluation of the etymology of the original place names and the scope of modifications which they might have undergone.

The history of Alaskan toponymic nominations is mainly connected with the history of the formation and development of this territory. The state of Alaska is situated in the northwest of North America and is the largest U.S. state by area with the population amounting to about 738,432 in 2015. According to the estimations of the U.S. Census conducted in 2010 Amerindian and Alaska Native residents constituted about 14,8 % of the total population of the state [4].

The analysis of the linguistic situation in Alaska [3; 4; 5] which is one of the least populated states in the U.S. shows that by the time of its accession to the USA the region had been populated by native speakers utilizing about 20 autochthonous languages which referred to Athabaskan-Eyak-Tlingit and Eskaleutan language groups.

Though at present only about 5.2 % of speakers claim to use Alaska Native languages in oral communication and the local aboriginal languages are threatened and are hopelessly approaching the verge of extinction, Bill HB 216 with the full title «An Act adding the Inupiaq, Siberian Yupik, Central Alaskan Yup'ik, Alutiiq, Unangax, Dena'ina, Deg Xinag, Holikachuk, Koyukon, Upper Kuskokwim, Gwich'in, Tanana, Upper Tanana, Tanacross, Hän, Ahtna, Eyak, Tlingit, Haida, and Tsimshian languages as official languages of the state» has recently been adopted with the purpose of preserving, rendering protection and promotion to languages indigenous to this particular locality [10].

The above-mentioned North American languages are usually confined to certain areas of Alaskan territory and serve as a linguistic basis for the creation of place names. The preliminary results of the analysis of the semantic structure of indigenous place names in the state of Alaska which has been conducted on the basis of special dictionaries [7; 9] suggest that their main function is to particularize certain natural features, states or phenomena which characterize geographical objects related to them.

According to one of the widely spread classifications of toponymic

nominations place names can be conventionally subdivided into two big categories: the ones defining natural features and those related to tribal or personal names.

As for the manifestation of natural features place names can be further subdivided into lexico-semantic toponymic groups which reveal: (a) hydrographic features, (b) peculiarities of landscape and geology; (c) zoological and (d) vegetation characteristics. But the toponymic evidence testifies to the fact that this division appears to be somewhat conventional due to the superimposition of one semantic reference over the other.

The hydronymy of Alaska seems to be heavily loaded with elements of indigenous languages typical for this region. Hydrographic features represented by names of rivers, streams, lakes and bays help to reveal the origin of such naming. Hydronyms, i.e. names of bodies of water, on contemporary maps of Alaska [2] and in the database of the Geographic Names Information System [8] are usually represented by the following pattern: an indigenous element + the appropriate English geographical term.

The results of the topographic analysis give ground for presuming that in the process of labelling hydrographic features Native Americans used to take into account the size of bodies of water surrounding them. On the territory of Alaska the names of four rivers have been found to denote literally “*big river*”. Among them one should mention the Kobuk (from Inuit) River in the northwestern part of Alaska (length: 451 km, basin 31,880 km²); the Koyuk (from Inuit) River in the Seward Peninsula (length: 185 km, basin 5,200 km²); the Kuparuk (from Eskimo) River in the North Slope Borough (length: 322 km, basin 8,107 km²); the Kukpuk (from Inuit) River (length: 201 km) in the western North Slope Borough; the Kukpowruk (from Inuit) River (length: 257 km), which literally means “*fairly large stream*” or “*stream*”, in the western North Slope Borough. In the course of time the spelling of all these hydronyms had undergone certain modifications.

The evaluation of small dimensions of hydrographic objects is sometimes

also manifested in their names: the Kuk (from Inuit) River (length: 56 km), which means “*river*”, in the North Slope Borough; Auke (from Tlingit) Lake (surface area: 0.65 km²), which literally means “*little lake*”, and is located in Junea.

The other feature of indigenous hydronyms is naming by the location, characteristic features of the coastline, character of water, depth and form. Thus the Kvichak (from Eskimo) River (length: 80 km) in the southwestern part of Alaska means “*from- or up to- great water*”; Teshekpuk (from Inupiaq) Lake (surface area: 830 km²) which is situated in the Arctic area of Alaska, literally means “*big enclosed coastal water*” or “*big coastal lake*”. The Atchuelinguk (from Yup’ik) River (length: 266 km) flowing southwest from the Nulato Hills means literally “*clear water*”. The Utokok (from Eskimo) River (length: 362 km) in the North Slope Borough means “*old*” or “*ancient*”. The Egegik (from Yup’k) River (length: 45 km) which flows on the northern coast of Alaska peninsula means “*swift*”. The Igushik River (from Eskimo) (length: 80 km) which heads at Amanka Lake means “*crooked*” or “*snake*” because of its winding course. The Susitna (from Dena’ina Indian) River (length: 504 km) in the southcentral part of Alaska means “*sandy river*”.

Zoonyms or animal names and phytonyms or plant names appear to be recurrent in Alaskan toponymic nominations. The reason is that because of the nomadic way of life ancient tribes attached much importance to nature. They lived in harsh natural environment with flora and fauna being the key sources of their existence. Such types of place names give us the idea of patterns of vegetation and wildlife distribution at that distant time.

Zoological elements are very indicative of Alaskan indigenous toponymy. These place names contain lexemes denoting different kinds of animals and fish which are typical for this North American region. The Tinayguk (from Inupiat) River (length: 71 km) which is a tributary of the North Fork Koyukuk River means “*moose*”. It used to be one of the most hunted animals and its meat belonged to staple foods of Native Americans.

Sometimes names were given by the peculiarities of the vegetation. The Kokolik (from Inuit) River (length: 320 km) in the western North Slope means the “*alpine bistort*” which refers to edible plants. Besides this perennial herb might have been used for medicinal purposes.

There are cases when the English geographical term is not used in the toponymic nomination which can be seen from the following examples. An island near the mouth of the Susitna River is K'tl'ila T'el'ih (from Dena'ina) which means “*where Indian potatoes are gathered*”. This place might have been extensively used for the cultivation of starchy and edible tubers which were traditionally eaten by Native Americans. An island above the mouth of Kroto Creek is Ggis Beq'e T'el'ih (from Dena'ina) which means “*where celery is gathered*”. This plant was a part of the local edible tradition and was also used for medical treatment.

Landscape and geology features have also produced their imprint on local place names. The Aniak (from Yup'ik) River (length: 153 km) in the southeastern part of Alaska means “*the place where it comes out*” indicating the mouth of the river itself. Adugak (from Aleut) Island (length: 2 km) is a small island which belongs to the Fox Islands group and means “*something long*”. Akutan (from Aleut) Island (the land area is 334.13 km²) belongs to the Fox Islands group and means “*I made a mistake*” (presumably because of inextricable and meandrous landscape features). Amaknak (from Aleut) Island is at present the most populous island in the Fox Islands archipelago (the land area is 8.5 km²) and it means “*burial place*” or “*place of impurity*”. Amatignak (from Aleut) Island which is uninhabited and is a part of the Delarof Islands means “*wood chip*”. Chuginadak (from Aleut) Island (the land area is 170 km²) which is considered to be the largest island in the Islands of Four Mountains subgroup, means “*simmering*” (presumably because of the stratovolcano located on its territory).

Aleknagik (from Yup'ik) Lake which is located in Dillingham Census Area means “*wrong way home*” (implied reference to the possibility of becoming lost in

fog on the way home). According to other theories it might mean “*well-studded with beautiful pine-covered islands*”. Ugamak (from Aleut) Island which belongs to a subgroup of the Fox Islands might mean “*ceremony island*”.

Some of the above-mentioned place names can be called associative because ancient people used to memorise the locality in connection with certain events arousing such associations. It is due to this fact that Europeans later began to re-name geographic features by adding pole reference indicators.

There is a large group of toponyms which are used in the function of spatial identifiers reflecting the location of geographical objects. The relevant examples of such place names in Alaskan toponymy include: North Island, North Slope, North Deception Lake, South Deception Lake, Fairbanks North Star Borough, Northwest Arctic Borough, Southeast Fairbanks, Aleutians West Borough, Aleutians East Borough, South Trick Lake, North Trick Lake, West Togiak Lake, North Suicide Peak. In contemporary life such orientation in space has become possible and accurate due to the appearance of a compass. While in old times when there were no navigation means people could take their bearing only from the sun, the sunset, the dawn and stars relying mainly on associations, intuition and experience.

The comparison of historical and contemporary maps of Alaska [1; 2; 6] shows that in the course of time some geographical features with indigenous place names have been re-named by giving way to English designations. Thus Alexander Lake in southeastern Alaska replaced Deldida Bena which means “*tree squirrel lake*” famous for the feeding grounds of this tree-dwelling species. Mt. Spurr replaced K'idayq'eni (K'idazq'eni) (from Dena'ina Athabascan) which means “*that which is burning inside*”. The original name is connected with the mountain being a stratovolcano. Its re-naming was done in honour of J.E. Spurr, a geologist who explored this area in 1898. Pierce Creek is modern name for Etl' Ghilgetnu (from Dena'ina) which means “*rotten beaver dam creek*”.

The results of the investigation show that in the majority of cases indigenous

place names appear to be sufficiently motivated. The ones that seem to have no semantic motivation are based on the associations and events the meaning of which can be disclosed only through the study of local history, culture and folklore.

References

1. Исторические карты США [Электронный ресурс]. URL: <http://humus.livejournal.com/4782711.html>
2. Карта административно-территориального деления Аляски [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8F%D1%81%D0%BA%D0%B0>
3. Корсун С.А. Иллюстрированное собрание МАЭ по народам Северной Америки / С.А. Корсун // Радловские чтения. 2004: Тезисы докладов / Отв. ред. Чистов Ю.К.- СПб. : МАЭ РАН, 2004. - С. 106-109.
4. Косенков А.А., Татарникова И.В., Шереметьева Е.В. Языковая политика и её особенности в штате Аляска (на материале основных законодательных актов) // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Нижний Новгород : НИЦ «Открытое знание», 2016. – С. 16-21.
5. Краусс М. Э. Языки коренного населения Аляски: Прошлое, настоящее и будущее / М.Э. Краусс // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. - М. : Наука, 1981. – С. 149-182.
6. Alaska. Historical Maps and Atlases. - [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicmapworks.com/Browse/United_States/Alaska/
7. Bright W. Native American Placenames of the United States / W. Bright. – Norman (Okl.) : Univ. of Oklahoma Press, 2007. – 608 p.
8. Geographic Names Information System (GNIS) - [Электронный ресурс]. URL: <http://geonames.usgs.gov/apex/f?p=136:1:28252692459187>
9. Orth D.J. Dictionary of Alaska Place Names / D.J. Orth. – Washington (D.C.) : USGS, 1971. - 2nd edition. – 1092 p.

10. The Alaska State Legislature. Bill: HB 216. Short title: Official Languages of the State. - [Электронный ресурс]. -
http://www.legis.state.ak.us/basis/get_bill.asp?session=28&bill=HB216

UDC 8

Dordzhieva B.V, Khan D.V, Lidzhieva O.S, Olyadykova B.B. Linguistic personality: the main areas of research

Языковая личность: основные направления исследования

Dordzhieva Bulgun V.

Student of The Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation, Elista.

Khan Darina V.

Student of The Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation, Elista.

Lidzhieva Olga S.

Student of The Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation, Elista.

Olyadykova Bulgun B.

Student of The Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation, Elista.

Дорджиева Булгун Викторовна

Студент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», РФ,
г. Элиста.

Хан Дарина Владиленовна

Студент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», РФ,
г. Элиста.

Лиджиева Ольга Сергеевна

Студент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», РФ,
г. Элиста.

Олядыкова Булгун Бадмаевна

Студент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»,
РФ, г. Элиста.

Abstract. This article deals with the basic areas of research that set in modern linguistics for solving the problems of the linguistic personality. Nowadays research of the linguistic personality is analyzed with different approaches, using specific methods of study, thanks to the specific aspects of problem-solving, and on the basis of observations of individual objects.

Key words: language, linguistics, linguistic personality, cultural linguistics, linguodidactics.

Аннотация. В статье проводится исследование базовых направлений, которые выделяют в современной лингвистике при решении проблем языковой личности. На сегодняшний момент исследование языковой личности происходит с разных подходов, при помощи определенных методов изучения, благодаря отдельным аспектам решения проблем, и исходя из отдельных объектов наблюдения.

Ключевые слова: язык, лингвистика, языковая личность, лингвокультурология, лингводидактика.

Исследование языковой личности в нашей лингвистике взаимосвязано с ученым В. В. Виноградовым, который выработал на основе материалов художественной литературы методы описания языковой личности автора и

героя. Понятие языковой личности в первый раз употреблено в статье В. В. Виноградова «О художественной прозе». В современный период термин языковая личность уже сформирован в отечественной лингвистике (Ю. Д. Апресян, Г. И. Берестнев, Г. И. Богин, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, В. И. Шаховский). Во многих исследованиях языковой личности, которые появились в 80-90-ые годы 20 столетия, разграничены две концепции: лингводидактика и лингвокультурология. Лингводидактическая и лингвокультурологическая трактовка по-разному описывают языковую личность.

Лингводидактика выделяет большой объем описания языковой личности, где центром внимания выступает личность в качестве совокупности способностей речи. Лингвокультурология, в свою очередь, трактует небольшой масштаб описания языковой личности, где объектом изучения выступает «национально-культурный прототип носителя определенного языка...», культурно-исторический образ – «ЯЛ проявляется в культуре, отражается в языке, в общественном сознании на различных стадиях (научном, бытовом и т.п.), в поведении, в предметах культуры и др. Основное влияние в культуре относят к ценностям нации, являющимся концептами смыслов». Итак, в первой трактовке языковая личность – это совокупность ипостасей, где индивидуальность выражает себя при помощи языка, а во второй трактовке ЯЛ выступает в качестве совокупности индивидуальностей, составляющий единый образ языковой личности.

Лингводидактика отражает языковую личность в произведениях современных ученых-лингвистов, таких как Г. И. Богина, которая трактует языковую личность в качестве человека, который рассматривается как индивид, готовый производить речевые поступки. Лингводидактика разрабатывается на основе современного, синхронного материала, для этого его сторонникам

свойственно отношение: языковая норма – речевая реализация. Ю. Н. Караулов, представитель лингводидактического направления, в своих трудах «Русский язык и языковая личность» дал такую трактовку языковой личности: Языковая Личность – это способности и характеристики индивида, которые обуславливают создание и воспроизведение речевых произведений, различающиеся структурно-языковой сложностью, отражением действительности, конкретной целевой направленностью...». Полное научное представление Ю. Н. Караулов открыл в своем трактате «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть», где языком выступает возможность речи, определяющая качественный образ естественного языка вместе с языком совокупных текстов и системно-структурным образованием языка.

Лингводидактикой на протяжении долгого времени являлось определение материального носителя ядерного понятия способности речи, которое определено Ю. Н. Карауловым, как ассоциативно-вербальной сетью языка, выражающейся в ассоциативном тезаурусе.

Для лингвокультурологии направление изучения лингвистики сформировалось в конце 70-х годов 20 столетия путем разрешения задач представления информации о стране и культуре языка благодаря филологической методики обучения. Предмет лингвокультурологии – это взаимосвязь «язык–культура–этнос», рассматриваемая на материалах словаря: «Лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц для понимания всей полноты содержания и оттенков, в максимально приближенной степени восприятия носителями этого языка и культуры».

Лингвокультурология, которая в качестве специальной области науки появилась в 90-е гг. 20 столетия, является гуманитарной дисциплиной, изучающей воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в

языковых процессах материальную и духовную культуру. Существуют школы лингвокультурологии: 1) школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, которая описывает константы культуры в диахроническом аспекте; верификация их содержательности, проводимая на материалах текстов различных эпох; 2) школа Н. Д. Арутюновой, исследующая универсальные термины культуры, которые извлекаются из текстов различных времен и народов; 3) школа В. Н. Телия, которая исследует языковую сущность с точки зрения рефлексии носителя живого языка при помощи имитации речедейательностных ментальных состояний индивида; 4) исследующая безэквивалентную лексику школа лингвокультурологии под руководством В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина и др., которые развивают лингвострановедческую позицию Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова.

Ю. Н. Карауловым введена трактовка понятия Языковая Личность в широконаучное применение, в которой он выделил уровневую модель Языковой Личности. Эта модель Языковой Личности была востребована в лингводидактике и лингвокультурологии, представляющая совокупный тип индивида, когда конкретные личности рассматриваются в качестве вариативности. Модель Ю. Н. Караулова дает способ изучения Языковой Личности с разной формой взаимодействия, предопределявшей прогресс в изучении состава Языковой Личности путем создания аспектных моделей. В современное время есть много аспектов анализа Языковой Личности, которые определяют разные позиции ее существования: “полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачев), элитарная Языковая Личность (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская Языковая Личность (Ю. Н. Караулов), Языковая Личность и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), Языковая Личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная Языковая личность (В.

И. Карасик), эмоциональная Языковая Личность (В. И. Шаховский)», диалектная Языковая Личность, Языковая Личность “средневекового человека” и т.д.

В настоящий момент растет внимание к изучению Языковой Личности в качестве динамического, развивающегося феномена. По мнению Ю. Н. Караулова, в изучении Языковой Личности возможно 2 пути: при помощи временной протяженности ассоциативного эксперимента, а также при помощи анализа текстов Языковой Личности различных исторических этапов. Первый случай использует метод наращивания ассоциативных цепей либо метод вербального ассоциативно-частотного ряда, который обращается к материалам А. Н. Леонтьева и Р. М. Фрумкиной, обнаруживших иерархию слов в идеолексиконе согласно частоте употребления в речи индивида. Второй случай исследования Языковой Личности ограничен изучением вербального ассоциативно-частотного ряда, который зафиксирован в письменных документах.

Изучение Языковой Личности на материалах письменных источников при сравнении с ассоциативным экспериментом сужает извлекаемые сведения о Языковой Личности, этот метода изучения Языковой Личности является наиболее верным, однако исследование Языковой Личности разной исторической эпохи пока остается единственным способом изучения.

Языковую Личность, которая принадлежит другой исторической эпохе, можно назвать Исторической Языковой Личностью. Лингводидактическое направление изучения Языковой Личности описывают конкретную Языковую Личность, которая отдалена по временному промежутку от ученого, опираясь на тексты. Проблемой описания Исторической Языковой Личности в лингводидактическом направлении - это “нормативная отдаленная

историческая эпоха текста”, своеобразная инварианта, в сравнении которого изучается Языковая Личность при его реализации.

Лингвокультурологическое направление исследования Исторической Языковой Личности происходит на материалах текстов, которые созданы одним человеком, разными людьми и на материалах словарей.

Письменные произведения очень часто ограничены жанрово, идейно-тематически, стилистически и отражаются на моделируемом образе Исторической Языковой Личности. Эти произведения являются “результатом объективации личности в пространстве письма”, т.е. несут некий отпечаток индивида в тексте, обусловленный характером письменного документа. На базе письменного источника невозможно составить национально-культурный “фоторобот” того времени, ни показать особенность созданной Языковой Личности литературного произведения в контексте того времени.

Особенность присуща и реконструкции Исторической Языковой Личности по словарям, отражающим лексическое богатство древнерусского языка по фрагментам, а в отрыве от текста высокочастотные слова не образуют ярко выраженных семантических объединений. Исследование Исторической Языковой Личности лексикографическим способом очень трудоемко, оно предполагает их дословное изучение, так как отсутствует программный инструментарий лингвистического объяснения текстов. Моделирование Языковой Личности с помощью словаря объясняется применением статметодов когда моделируется естественный язык, но этот метод в современное время невозможно использовать.

Безрезультатность этнолингвистического направления при изучении ПВЛ исследована В. В. Долговым на основе статьи Н. И. Толстого “Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных

лет”.

Лингвокультурологическое исследование, применяя совокупность словарных единиц, изучает роль разночтений – следов исторического развития текста, гетерогенная по происхождению летопись воспринимается как целое произведение.

Немного удачнее цель возрождения Языковой Личности, отдаленной в исторической эпохе, в лингвокультурологии путем привлечения нескольких текстов, к примеру это труды Т. В. Михайловой и А. В. Михайлова, где анализируемым материалом выступает несколько произведений XV –XVII веков. К примеру, в труде «Использование эмоциональных смыслов для выражения оценочных значений в Повестях Смутного Времени XVII века» учеными проанализированы эмоциональные смыслы высказываний в качестве элементов тезауруса, где исследователи определили, что в текстах Смутного Времени «описываются эмоция не как психическое состояние объекта, а выражается оценка описания его близости к Всевышнему, крепости его веры и связи его с Всевышним». В материалах «Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV-XVII вв.)» Т. В. Михайлова и А. В. Михайлов изучили «стратегии символического конструирования» древнерусских источников, что описало прагматическое устройство источников XV-XVII веков, и смоделировали идею Московского государства. Учеными были определены основные идеи Московского государства: богоизбранность Русской земли, единство Руси, установка почитания бога среди княжеской власти, соборность; дан образ идеального князя: беспорочность, созидание, древность и непрерывность династии, смиренность.

Моделирование Языковой Личности древних исторических этапов по

сравнению с изучением Языковой Личности Новой эпохи имеет свою особенность. Исследование ограничено письменными источниками, представляющими литературное наследие древней эпохи пофрагментарно. Сохранение целостности изучения Исторической Языковой Личности лингводидактической направленности осуществляется на материалах одного из памятников письменности, являющегося единственным произведением её исследования, или множеством памятников, которые обладают общим жанром, регистром, школой письменности лингвокультурологического направления.

В лингвокультурологическом изучении Повесть Временных Лет можно использовать только для сопоставления с различными летописями. Такое исследование было предпринято Н. И. Толстым в труде «Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII–XVIII веков.», где ученый проанализировал славянские хроники и сделал вывод, что славянские хроники запечатлели сформированные мифологические картины этногенеза славян. В мифологии хронистов об этногенезе отразилось исторически укрепившееся осознание славян «об их единстве и об их приверженности и сопричастности к мировой культуре, одним из прообразов была библейская культура и традиция». В отечественной традиции Повести Временных Лет по летописным писаниям представлено идейное и повествовательное ядро, относительно стабильное в эпохе. Для этого Повесть Временных Лет не рассматривает устойчивого культурного «фоторобота», который описан в летописи, потому что сама является основой отечественной летописной традицией.

Итак, Языковая Личность изобретателя Повести Временных Личности не рассматривается в лингвокультурологическом направлении: Языковая Личность писателя Повести Временных лет не сводится к единству идиолектов летописцев, фрагменты, которые дошли до нашего времени не дают

анализировать Повесть Временных Лет в качестве летописной вариации культурного описания домонгольской эпохи Древней Руси.

Изучение Языковой Личности автора Повести Временных Лет в лингводидактическом направлении не обращается к литературным источникам Повести Временных Лет, потому что выполняет роль инвариантности «нормативного текста», составляющей Языковой Личности автора Повести Временных Лет – книжно-письменной традицией анналистического направления средневековой историографии. Основным затруднением реконструкции является традиционность искусства средневековья: искусство Средних веков стремится описать коллективные чувства, коллективное отношение к описываемому. И многое в нем зависит не от составителя произведения, а от жанровой принадлежности произведения. Составитель меньше всего, чем в современной период времени, заинтересован во внедрении индивидуальности в литературный источник. Любое жанровое направление строго вырабатывает описание составителя образ автора, «исполнителя». Традиционное художественное выражение настраивает читателя на необходимый манер. Традиционные жанровые направления, сюжеты служат сигналом формирования у слушателя определенного настроения. Стандарт входил в самую суть художественной системы средневековой литературы.

На сегодняшний день осуществляется поиск способов определения книжно-письменного источника Языковой Личности его авторов. По мнению В. А. Рогожиной, для создания образа составителя Повести Временных Лет были исследованы языковые средства применения интенций летописца: “Не имея возможности высказать свое истинное отношение к происходящему, летописец должен был передать свое мнение через субъект речи, присутствие которого в тексте и целевую установку эксплицирует интенциональность – содержание, которое отражает коммуникативность субъекта речи...”.

Основными средствами языка по реализации целей летописца признаются те, которые отражают «присутствие» субъекта текста. Интенциональность взаимосвязана с категориями семантического языка, в качестве оценки, эмотивности и субъективности.

Другое направление исследования Исторической Языковой Личности предложено Л. И. Шелеповой, где пословное исследование списков Есиповской летописи характеризуется групповыми Языковыми Личностями книжников, которые переписывают и изменяют летопись в течение XVII века при помощи Лексической Замены: “Разрешение вопроса организации ЯЛ в древнюю эпоху анализирует тексты, которые сохранились в нескольких списках, либо ЛЗ, допущенная книжником при переписывании летописи, т.е. индивидуальная реакция книжника на стимул–образец протографа”. Итак, моделирование Исторической Языковой Личности снимает потребность в моделировании “нормативного для книжно-письменной традиции изучаемого источника». В качестве инварианта предстает текст протографа, а выявленные ЛЗ позволяют судить о принадлежности книжника к той или иной школе письменности, диалектной группе, охарактеризовать индивидуальные особенности словоупотребления летописца. Подобный анализ возможен благодаря жесткой традиционности “письменного языка старшей поры”, для которого была характерна каноничность, ритуальность текстов и подражательность, “возведенная в идеал”. При всех преимуществах данный метод малоприменим к ПВЛ, так как уже на этапе становления ПВЛ не обладала однородностью, но представляла собой, как это было доказано А. А. Шахматовым, летописный свод. Так как в ПВЛ обнаруживается “наличие четырех слоев, а значит и четырех летописцев (Никона, Ивана, Нестора и Сильвестра), то говорить о языковой личности на основе всего летописного текста будет некорректно. В этом случае мотивационный уровень может быть представлен неоднородными, иногда даже взаимоисключающими целеустановками...”.

Таким образом, реконструкция книжно-письменной традиции ПВЛ представляется самостоятельной задачей, которая может быть решена при помощи текстологической стратификации летописи, произведенной А. А. Шахматовым, выявившим в составе ПВЛ предшествующие ей летописные своды, определившим их характер и состав.

Поэтому в ЯЛ составителя ПВЛ выделяем два компонента: 1) групповой, представленный книжно-письменной традицией русского летописания и 2) личностный, который реализуется в многочисленных разночтениях и представляет собой вклад летописца – создателя ПВЛ в развитие книжно-письменной традиции летописания (вариант инварианта книжно-письменной традиции).

References

1. Аникин Д. В. Из диссертации «Исследование языковой личности составителя “Повести временных лет”», размещенной по адресу: <http://starling.rinet.ru/~minlos/thesis/Anikin2005.pdf> (дата обращения 30.11.2016 г.)
2. Салимова Л. М. Теория языковой личности: современное состояние и перспективы исследования // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 17. №3(1)

UDC 81'373.42

Prokopeva S.I. Contrastive analysis of the lexico-semantic groups of adjectives with the meaning of big size

Сопоставительный анализ лексико-семантических групп прилагательных со значением
большого размера

Prokopeva Sardana Ivanovna,
North-Eastern Federal University, Russia.

Прокопьева Сардана Ивановна,
Северо-Восточный федеральный университет, Россия.

Abstract. The article is devoted to contrastive analysis of the lexico-semantic groups of English and Russian adjectives with the meaning of big size. The author differentiates these adjectives and gives the brief characteristic by their meanings. The aim of project is to compile a parallel bilingual corpus of Russian and English adjectives and to carry out cross-linguistic studies on the basis of corpus. Research method is contrastive analysis. Results: the analysis of the linguistic material witnesses that between the separate members of this lexical category of words in each of the compared languages are observed the relations of the complete equivalence, that in particular, is revealed in its substitution in the attributes to the nouns – to the names of various parameters.

Keywords: contrastive analysis, semantic groups, lexical fields, adjectives, similarities and differences, cross-linguistic studies.

Contrastive analysis is a branch of linguistics that describes similarities and differences among 2 or more languages at such levels as phonology, grammar and semantics, especially in order to improve language teaching and translation.

Contrastive analysis is one of the most important methods of learning language. Teachers agree that mother tongue and target language merit comparison many courses incorporate the results of contrastive study.

The purposes behind this project are:

- 1) to establish the stuff of the groups of the adjectives signifying the big size;
- 2) to bring out the semantic structure of these groups;
- 3) to reveal similarities and differences between the semantically closed

“lexical fields” of compared adjectives’:

- 4) to carry out cross-linguistic studies of the structure.

Research. Our research focuses on the adjectives signifying big size. They are one of the most frequent lexical groups of the adjectives in any language. We divide them into two groups:

- a) The adjectives indicating general big size of object,
- b) The adjectives characterized the objects which differentiate big size in one certain relation.

a) Here we can describe English adjectives “large, big, great” and Russian adjectives «большой, крупный, великий». Except that they indicate the big sizes of material objects, each of these adjectives can point to some features of outward appearance, form, etc. Thus, “large” quite often has the additional shade of meaning “having large space (area)”, “differed by large capacity”: the tube was mounted in large basin. “Big” often emphasizes big volume, mass or great weight of object: down by the river there was a big boulder. “Great” manifestly prevails in the combinations with the nouns, expressing the objects of extremely big size (the cosmic bodies, the mountain ranges, the reservoirs): the spiral galaxies all have great clouds of gas.

b) In this group are included English adjectives “massive, heavy, robust, bulky, cumbersome, vast, extensive, voluminous, spacious, capacious, roomy” and Russian adjectives «массивный, тяжелый, мощный, громоздкий, обширный, объемистый, объемный, вместительный, емкий, просторный». All of them indicate not only the big sizes but also amplify what kind of size they mean. So, “massive, heavy and robust” point to the big mass and weight of object, moreover “robust” particularly accentuate its strong construction. The objects, having excessively big mass and weight, that make them sluggish are characterized by the adjectives “bulky and cumbersome”, where cumbersome is referred only to the names of things. The large

area is expressed by the adjectives “extensive, vast and spacious”. The meaning of large volume is often conveyed with the adjectives “voluminous, capacious, ample”.

The adjectives, signifying the big size of the physical parameters. They are characterized by the adjectives “great, high, strong, intense, heavy, powerful, mighty, violent”. In Russian language for the expressing of big size of the physical parameters serve the following adjectives «большой, высокий, глубокий, сильный, интенсивный, мощный» and the predicative adjective “велик».

The analysis of the linguistic material witnesses that between the separate members of this lexical category of words in each of the compared languages are observed the relations of the complete equivalence, that in particular, is revealed in its substitution in the attributes to the nouns – to the names of various parameters. Thus, for example, in English language the high degree of concentration is expressed by the adjectives “great, heavy, high”. In Russian language this meaning is conveyed by the adjectives «большой, высокий, сильный» and the predicative adjective «велик». For the indicating big size of the absorbability are used English adjectives “high, strong, heavy” and Russian adjectives «большой, великий, сильный»; the meanings of energy are expressed in English by the adjectives “high, large, great” whereas in Russian in the capacity of the characteristic of energy on the first place by the frequency are the adjectives «большой».

For the characteristic of strong field all English combinations, indicating the big size of field of force can serve to one equivalence: ... have strong magnetic fields – «... обладают сильными магнитными полями», ... have intense magnetic fields – «... с сильными магнитными полями»; high)large) magnetic fields.

At the same time there is the opposite position when in English is used the same number of this synonymic category, but in Russian its meaning is conveyed by the several adjectives: ... the intensity is high - ... интенсивность велика; ... at very high magnification... - при очень сильном увеличении; ... with a high degree of precision - ... с большой степенью точности.

The adjectives which are able to signify both the big sizes of material objects and the big sizes of the physical parameters, in the both languages are few. They are English adjectives «large, great, vast” and Russian adjectives «большой, мощный» and also the predicative adjective «велик».

Thus, the analysis of the linguistic material shows that between the separate members of this lexical category of words in each of the compared languages are observed the relations of the complete equivalence that in particular, is revealed in its substitution in the attributes to the nouns – to the names of various parameters. For the characteristic of strong field all English combinations, indicating the big size of field of force can serve to one equivalence. The adjectives which are able to signify both the big sizes of material objects and the big sizes of the physical parameters, in the both languages are few.

References

1. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / Сост.: В. П. Нерознак, В. Г. Гак. — М.: Прогресс, 1989. — С. 5—17. — 438 с. — (Новое в зарубежной лингвистике).
2. Исенова Ф.К. Сопоставительное языкознание и контрастивная лингвистика в современной языковой парадигме // Вестник КарГУ. Сер. филологическая. — Караганда: Изд.-во КарГУ, 2007. №1. — С.71-77.
3. Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с. — ISBN 5-85270-031-2.

UDC 81.139

Shkapenko T. M. On the problem of borrowed linguistic sign introduction

К проблеме интродукции заимствуемых лингвистических знаков

Shkapenko Tatiana Michajlovna

I.Kant Federal Baltic State University, Kaliningrad
tshkapenko@kantiana.ru

Шкапенко Татьяна Михайловна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

Abstract. The paper presents the peculiarities of process of borrowed linguistic sign introduction into semiotic system of recipient language. It is proved that the way of their introduction depends on the type of borrowed linguistic sign. In the case of descriptive sign the process of introduction is carried out by means of monosemiotic operations, while interactional linguistic sign (interjection) causes the necessity of multimodal form of their presentation.

Keywords: semiosis, Anglo-American loanwords, borrowed interjections, primary emotive interjections, interjection *wow*, multimodal texts

Аннотация. В статье описываются особенности процесса вхождения заимствуемого языкового знака в семиотическую систему языка-реципиента. Обосновывается, что способ их интродукции зависит от принадлежности заимствования к разряду дескриптивных или интеракционных речевых единиц (междометий). Введение денотативно-содержательной лексики осуществляется в рамках различных моносемиотических операций, в то время как интродукция заимствуемых междометий вызывает необходимость поликодовой формы их презентации.

Ключевые слова: семиозис, англо-американские заимствования, заимствованные междометия, интеръективы, первичные эмотивные междометия, междометие *вау*, поликодовые тексты, креолизованные интернет-тексты.

В своей известной работе «В поисках сущности языка» Р. Якобсон писал об «эпохальном значении» выполненной американским мыслителем Ч. С. Пирсом работы по созданию общих основ семиотики [11]. По его мнению, «если бы работы Пирса не остались большей частью неопубликованными вплоть до тридцатых годов или если бы, по меньшей мере, его опубликованные работы были известны языковедам, они, несомненно, оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе» [11, с. 102].

С момента выхода в свет трудов Пирса и изложения его идей в работе Ч. Морриса в 1938 году прошло не одно десятилетие, когда можно уже

констатировать, что возлагаемые Якобсоном надежды на семиотический прорыв в языкознании были в значительной степени завышены. На сегодняшний день семиотическая парадигма остается одним из многочисленных подходов описания языковых явлений, а внутреннее развитие данного направления происходит, в основном, в рамках теоретических дискуссий об основополагающих теоретических понятиях. К числу наиболее обсуждаемых проблем следует отнести:

- сомнения в ингерентной «знаковости» естественной системы языка в противовес искусственным системам;
- проблему «произвольности» языкового знака;
- разделение знаков на символы, иконы и индексы, а также другие способы их классификации;
- особенности семиозиса (функционирования знака) и семиогенеза (эволюции языкового знака) и др.

Как видно из вышеперечисленных проблем, внимание работающих в семиотической области ученых направлено, в основном, на критический анализ трудов предшественников и интерпретацию разработанных ими теоретических положений.

Другая часть исследований может быть охарактеризована как «переложение» на семиотические термины различных областей гуманитарного научного знания, что приводит к созданию разнообразных семиотических моделей: семиотическая типология коммуникации и культуры [8]; описание политического, исторического и правового дискурса в рамках «закона семиотического ослабления знака» [10], постмодернистская деконструкция знаковости посредством прокламирования идеи о существовании ареферентных знаков-симулякров [1], модель семиотической интерпретации социологии общества [3] и многие другие.

Примечательно, что, если в области семиотической интерпретации

различных типов дискурсов можно наблюдать использование некоторых эмпирических приемов, то в рамках исследований на уровне собственно слова-знака продолжает полностью доминировать интроспективно-теоретическая модель. Движение в рамках некоего замкнутого герменевтического круга взаимного истолкования не позволяет ученым выйти за пределы диахронической перспективы и приложить семиотическую теорию к непрерывно осуществляющемуся процессу производства новых языковых знаков. Несмотря на постоянно обновляющийся состав лексических единиц, вокруг них царит семиотический «заговор молчания», а традиционной областью их описания остается неология, или лексикология.

При этом упускается возможность реального наблюдения за процессами становления и эволюции языкового знака в их непосредственной динамике. Разработка соответствующих механизмов эмпирических исследований способна дополнить устоявшуюся интроспективно-реконструктивную парадигму дескриптивно-эмпирическим подходом, позволяющим фиксировать конкретные стадии протекания эволюции языкового знака [12]. Отдельной областью в рамках данного подхода может стать исследование семиозиса заимствуемых лингвистических знаков.

Как известно, составляющими компонентами семиозиса являются: 1) знаковое средство (знаконоситель, или тело знака), 2) то, на что указывает знак (десигнат), 3) воздействие, в силу которого объект воспринимается как знак (интерпретанта), 4) тот, кто интерпретирует (интерпретатор) [5, с. 48]. Как важнейшую из характеристик языкового знака В.И. Карасик выделяет также вложенную в него «программу его интерпретации, культурно-смысловой ген передаваемой переживаемой информации» [там же].

При релокации знака в чужую языковую среду из всех четырех компонентов семиозиса актуальным остается только его означающее, а перед иноязычным интерпретантом встает задача установления отношения имени

знака к его означаемому. То есть, та «встроенность» семиотического отношения между означаемым и означающим, которая была свойственна ему в среде языка-донора, прерывается; законодатель отрывается от уже сформированного десигната, и в новой языковой среде ему еще только предстоит обрести новый опыт и «обрасти» культурно-смысловыми генами.

В связи с таким раскладом компонентов в процессе заимствования языкового знака вполне очевидным представляется выдвижение гипотезы о реверсивном характере семиозиса заимствованных языковых знаков – от готового имени знака – до установления его обозначаемого [12]. В качестве механизма эмпирических наблюдений за процессом вхождения и функционирования импортируемого языкового знака нами была предложена и апробирована методика отсроченного по времени анкетирования носителей принимающего языка [см. подробнее там же]. Методика состоит в анкетировании носителей языка на предмет знания и понимания ими значения недавно заимствованного знака, и в последующем проведении такого же анкетирования с временным интервалом в несколько лет.

Безусловно, данная методика требует дальнейшей верификации и совершенствования, что может быть достигнуто за счет увеличения как числа анкетированных, так и количества исследуемых заимствованных знаков. Тем не менее, полученные результаты позволяют прийти к выводу о верности сделанного предположения о реверсивной форме «настройки» сигматики знака [2, с. 25], от его формы к содержанию. Такое установление характера «означаемого» осуществляется в результате постоянного соотнесения получаемых знаний о вероятностном значении в результате взаимодействия интерпретанта с языковым знаком, т.е. с приобретением того, что А.В. Кравченко именуется «опытом знака» [6].

Изучение акта семиозиса заимствуемого знака продемонстрировало, что конкретные способы его интродукции (введения) в новую языковую среду

находятся в тесной связи с характером самого заимствуемого знака. Если речь идет о заимствовании обладающих номинативной функцией дескриптивных единиц, то их интродукция происходит в рамках традиционных операций, характеризующихся Е.С. Кубряковой как метаязыковых. «Для определения значения знака ему следует поставить в соответствие эквивалентное ему выражение, а это достижимо тремя разными способами: 1) используя другой знак того же кода, т.е. синоним; 2) используя другие знаки того же кода, т.е. парафразу или же 3) используя знаки другого семиотического кода, т.е. прибегая к переводу» [7, с. 500]. Т.е., любой знак может быть интерпретирован другим знаком или последовательностью других знаков.

Самый простой, одномоментный акт установления сигматики заимствуемого знака имеет место в том случае, если его означаемым является имеющий материальное выражение денотат. В ситуации заимствования знаков, имеющих абстрактный десигнат, отношение между обозначающим и обозначаемым первоначально устанавливается посредством его перевода на семиотический код родного языка. Нахождение в нем идентичных или синонимичных знаков на первом этапе создает иллюзию их «тождественности» с конкурентным заимствованием. И только в результате постепенного формирования «опыта знака» происходит более полное осознание его внутреннего содержания, осуществляется достраивание означаемого, его насыщение дополнительными, не всегда совпадающими с языком-донором смыслами. Результаты выполненного нами анкетирования указывают, что формирование «означаемого» не лишено эмоциональной и аксиологической оценки, и на этом пути означаемое внешне синонимичного знака в родном языке зачастую несет смысловые потери, в то время как знак заимствованный осуществляет адаптационную функцию интерпретатора к транслируемым ценностям.

К данным выводам нам позволили прийти проведенные с интервалом в 10

лет (в 2006 и в 2016 году) анкетирования носителей русского языка. Предметом анализа стал семиозис заимствований *креативность и креативный*. Анкетлируемым предлагалось ответить на вопрос, знают ли они слово *креативность*, предложить собственную дефиницию, а также выполнить субститутивные тесты по замене прилагательного *творческий* на *креативный* и *креативный* на *творческий* в различных контекстах. В тестировании приняли участие сотрудники и студенты БФУ им. И. Канта в количестве 50 человек.

Сравнительный анализ результатов двух этапов тестирования продемонстрировал, что для первого этапа установление отношений между знаком и его десигнатом осуществляется на уровне интенционала значения. Затем опыт взаимодействия с заимствуемым знаком происходит в направлении достраивания его экстенционала. В последнем по времени анкетировании в дефинициях уже указываются новые, не свойственные русскому аналогу «творческий» смыслы: прагматичность, конкретность, «мелкость» достижений, нацеленность на коммерческий успех. В такой аксиологической достройке ведущую роль играет увеличение частотности анализируемых слов, рост числа контекстов их употребления, о чем свидетельствуют также результаты выполненных субститутивных тестов. Основным способом ознакомления с содержательной стороной знака становится его непосредственное функционирование в различных видах дискурса: коммерческого, образовательного, социологического и культурологического и т.п.

Совершенно иных приемов интродукции требует успешное осуществление акта семиозиса заимствуемых междометий. Следует пояснить, что мы ведем речь о ранее не встречавшемся явлении заимствования первичных эмотивных междометий, состав которых всегда был закрытым в каждом национальном языке. Процесс глобализации снял неписанный запрет с заимствования способов эмоциональной реакции, характерных для этногенетически чуждого социума. Многие лингвисты выражают в связи с

этим недоумение, изумляясь, как можно свои подлинные чувства передавать с помощью заимствованных междометных возгласов [6, с. 24].

Заимствование первичных эмотивных междометий представляет особый интерес с точки зрения определения его «означаемого» принимающим языковым коллективом. В отличие от вышерассмотренной лексики с дескриптивным значением, легко вписывающейся в различные синтаксические структуры, в случае заимствования интеръективного знака движение в направлении референции невозможно, поскольку междометия выражают эмоции, но не называют их. Предлагаемые Е.С. Кубряковой метаязыковые операции в данном случае не применимы, а предлагаемые словарями толкования выражаемых междометиями различных эмоций недостаточны и нефункциональны. Кроме того, вряд ли можно надеяться на массовое использование словарей в качестве источника знания смысла таких фонетически примитивных интеръективных знаков, как например, *вау*, *йес*, *унпс* и т.п.

Как указывает А.В. Кравченко, для того, чтобы акт семиозиса состоялся, необходимо наличие «контекста интерпретации, в котором возможно осуществление онтологической категоризации данного эмпирического объекта как знака» [5, с. 80]. Однако, если в случае с описательными единицами типа *креативный*, *креативность* в качестве такого контекста интерпретации выступает их использование в различных дискурсивных контекстах, то междометия не способны встраиваться в синтаксическое высказывание. Таким образом, использование моносемиотического кода в процессе их интродукции представляется невозможным.

Специфическая природа интеръективного знака, казуируемого различными ситуациями общения, обуславливает необходимость применения в процессе интродукции поликодовых средств. В случае с междометием *вау* основным средством интродукции становятся различные рекламные

телеролики, демонстрирующие способ употребления данных междометий. Роль таких полимодальных презентаций вводимого знания трудно переоценить. Во-первых, они формируют постепенно накапливающийся в сознании интерпретатора фонд релевантных стимулов-реакций, способствуя тем самым созданию некоего ситуативного инварианта употребления междометия. Во-вторых, свойственная телерекламе поликодовая форма репрезентации обеспечивает передачу просодических особенностей импортируемого знака, а также сопровождающую его произнесение телесную кинестетику.

Примечательно, что акт семиозиса междометия *вау* происходит также в процессе его креативного освоения интернет-пользователями, создающими различные креолизованные интернет-продукты (интернет-картинки, демотиваторы, комиксы и т.п.). В отличие от телероликов, иконический ряд в них представлен статически, с помощью соответствующего выражения лица (человека или животных), передающего потрясение, удивление, восхищение и прочие сильные эмоции. Следует отметить, что и рекламные ролики, и креолизованные интернет-продукты нередко используют в качестве смысловой опоры рядом с англо-американским *вау* его приблизительные русские аналоги, например: «Вау! вот это да!», «Вау! Ну вообще!», «Вау! Нет слов» и др. Таким образом, введение интеръективного знака с помощью средств полимодальной презентации не исключает также попыток авторов привязать заимствуемый знак к аналогам в родном языке.

Активное формирование «опыта знака» осуществляется также путем демонстрации его использования уже в речи самих носителей русского языка. В случае с междометием *вау*, такие образцы чаще всего встречаются в различного рода массовых развлекательных шоу, а также в соответствующих сюжетах переводных, а затем и отечественных фильмов. Проведенное по адаптированной к интеръективному знаку системе отсроченное анкетирование носителей языка также продемонстрировало динамику функционирования знака *вау* в процессе его освоения заимствующим социумом. Для этой динамики характерно все большее «вживание» *вау* в речевые конвенции носителей русского языка, а также характерное на данный момент семиозиса сужение «семантику» знака по сравнению с его аналогом в языке-доноре. В качестве передаваемых данным междометием эмоций все анкетлируемые указывают только исключительные по своей силе положительные эмоции.

Такая положительная центрированность в определенной степени обуславливается преобладающими способами его интродукции в рекламных роликах и других поликодовых текстах.

Таким образом, вхождение в язык-реципиент дескриптивного знака осуществляется посредством его презентации в различных контекстах, демонстрирующих область конкретной референции знака и вероятных прагматических и аксиологических смыслов. Интеракциональная природа интеръективных знаков обуславливает необходимость их интродукции с использованием семиотически гетерогенных средств, в качестве которых чаще всего выступают рекламные телепродукты и другие типы поликодовых текстов.

References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. URL: <http://exsistencia.livejournal.com>. Дата обращения: 21.07. 2016.
2. Зегет В. Элементарная логика / пер. с нем. И. М. Морозовой. – М. : Высш. шк., 1985. – 257 с.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. - М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
4. Карасик В.И. Лингвoseмиотическое моделирование ценностей. Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). – С. 43-50.
5. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Иркутская областная типография М 1, 2001. – 261 с.
6. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.
7. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004. – С 492 - 504.
8. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. Вып. 6. С. 227-243.

9. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 37-89.
10. Проскурин, С. Г. Закон "Семиотического ослабления признака" в культурном, юридическом и лингвистическом аспектах / С. Г. Проскурин, А. С. Комкова. – С.172-175.
11. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С.102-117.
12. Шкапенко Т.М. К проблеме семиозиса заимствованного знака // Вестник Балтийского федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2016, № 3. – С. 18 - 25.

SECTION 3. HERITAGE AND HISTORY

UDC 908

Burdina G.M. Documents of the population registration as a source of the study of the Russian urban family of the second half of XIX - beginning of XX century (on materials of the Vyatka province)

Документы учета населения как источник по изучению российской городской семьи второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Вятской губернии)

Burdina Gulnara Mansurovna
Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute, Elabuga

Бурдина Гульнара Мансуровна
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Елабужский институт, г. Елабуга
burdinagm@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the record keeping documents of population registration of municipal Dumas and government in the second half of XIX century, as well as the questionnaire of the census of the population of the Russian Empire of 1897, which are valuable sources for the study of large complex historical-demographic characteristics of the urban family in Vyatka province of the second half of XIX - beginning of XX century.

Keywords: Russian Empire, philistine book, family register, questionnaires, urban family, Vyatka province.

Аннотация. В статье анализируются делопроизводственные документы по учету населения городских дум и управ второй половины XIX в., а также переписные листы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, являющиеся ценными источниками для изучения большого комплекса историко-демографических характеристик городской семьи Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Российская империя, обывательская книга, посемейные списки, переписные листы, городская семья, Вятская губерния.

Изучение развития института семьи традиционно привлекает пристальное внимание исследователей разных направлений. Для историков большой интерес всегда представляли вопросы, касающиеся изменений, происходивших в семье под воздействием общероссийских и региональных тенденций. Процессы

модернизации в России второй половины XIX столетия, затронувшие все сферы жизни общества, в первую очередь коснулись городского образа жизни, что в свою очередь оказало влияние не только на демографические характеристики городской семьи, но и на весь семейный уклад горожан в целом. Изучение демографического развития семьи является важным и необходимым аспектом в исследовании истории городской семьи Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв. и требует привлечения большого комплекса разнообразных источников.

Для историко-демографического анализа городских семей Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. были привлечены несколько видов источников, такие как городские обывательские книги, посемейные списки городов и материалы первой переписи населения Российской империи 1897 года. Эти источники имеют значительные информационные возможности для анализа большого комплекса демографических характеристик семьи. Сведения, приведенные в данных документах, позволяют путем применения количественных методов исторического исследования изучить людность городской семьи в ее исторической динамике, поколенный состав семьи, провести типологический анализ семей горожан, проследить жизненный цикл городской семьи. В работе были исследованы материалы Государственного архива Кировской области (ГАКО) и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ).

Необходимо отметить, что обывательские книги и посемейные списки также как и переписи являются массовыми источниками. В отечественных и зарубежных исследованиях к массовым источникам относят регулярно составлявшиеся с различной целью списки населения, которые велись государственными и духовными учреждениями. Цель, преследуемая при составлении данных документов, во многом обуславливала содержащиеся в них сведения. Так, в городские обывательские книги вносились горожане, имеющие

в городе недвижимую собственность, землю или место. «Книга записей жителей уездных городов губернии за 1868 г.» содержит копии обывательских книг по уездным городам Вятской губернии: Нолинск, Орлов, Котельнич, Яранск, Малмыж [1]. В городские обывательские книги вносились следующие сведения: фамилия, имя и отчество; старожил, родившийся или вновь прибывший; возраст; холост, женат, вдов, на ком женат; дети: пол, возраст, имена; есть ли за ним дом или иное строение, место, земля; построено, куплено, в наследство или приданное получено, в каком месте в городе и под каким номером расположен; в городе ли обыватель или в отлучке; основное занятие обывателя; в каких городских службах был или есть. Существенным недостатком исследуемых обывательских книг является отсутствие в них единой системы учета городских сословий. «Городская обывательская книга по г. Нолинску с 1862 г. по 1868 г.» содержит подробные сведения о купцах и мещанах. Остальные социальные группы: крестьяне, солдаты, чиновники, имеющие в городе недвижимое имущество, записывались в отдельную группу «разночинцев», в которой указывались только краткие сведения о домовладельце: фамилия, имя и отчество, сословие и где в городе находится дом [2]. Городские обывательские книги являлись официальными актами записи гражданского состояния, поэтому достоверность данного вида источники можно оценить достаточно высоко. Однако, к сожалению, количество сохранившихся обывательских книг в архиве незначительно. После введения городского положения 1870 г. книги уже не составлялись, поэтому чтобы проследить динамику изменения демографических характеристик семьи последующего периода возникает необходимость использования другого вида массовых источников, таких как городские посемейные списки.

В посемейные списки вносились семьи податных сословий, на основе которых, согласно Уставу о воинской повинности 1874 г., составлялись списки призывников. Посемейные списки велись с 1858 г. городскими управами. С

этого же времени ежегодно приходские священники сверяли городские посемейные списки с метрическими книгами. «Посемейный список купцам и мещанам г. Уржума», заполняемый с 1874 г. включает в себя записи о 633 семьях Почетных граждан, купцов и мещан [3]. **Посемейный список состоял из следующих граф:** № по порядку; № по X ревизии 1858 г.; фамилия, имя и отчество главы семьи и всех его родственников мужского пола; возраст по ревизии; возраст на дату составления списка и дата рождения по метрике для каждого члена семьи мужского пола; отметка о прибытии (убытии) мужчин после составления списка (сюда записывались сведения об умерших, новорожденных, бракосочетавшихся); отметка о лицах, которые поступили на военную службу за последние 6 лет до составления списка, с указанием года призыва; имена и отчества всех родственниц женского пола и их возраст на время составления списка; отметка о прибытии (убытии) лиц женского пола после составления списка. Используемый нами «Посемейный список г. Слободского», составленный Слободской городской управой в 1886 году состоит из 4-х томов, в каждом из которых содержатся сведения о примерно пятистах семьях. В ГАКО имеется лишь второй том с номерами от 501 до 1000, таким образом, по данному источнику было исследовано 499 семей [4]. При изучении «Посемейного списка г. Слободского на 1886 г.» были выявлены некоторые недостатки данного источника такие как: отсутствие у многих членов семьи женского пола указания возраста; непонятно место проживания членов семьи (совместное или отдельное), а также не указан род занятий членов семьи. Данные такого характера могли бы существенно дополнить как демографическое исследование городской семьи, так и повседневную сторону жизни горожан.

Переписные листы переписи населения Российской империи 1897 года являются ценным информативным источником для изучения структурно-количественного состава домохозяйства [5]. Необходимо отметить, что в XIX

веке понятия *семья, семейство, двор и домохозяйство* являлись тождественными и означали совокупность близких родственников, живущих вместе и ведущих совместное хозяйство, управляемое одним человеком – хозяином. При этом главным критерием единства родственников в одном домохозяйстве являлось не совместное проживание членов семьи «под одной крышей», а наличие общего неразделенного имущества и одного главы, который управлял как имуществом, так и всеми делами семьи [6, с. 237]. При исследовании структурно-количественного состава семьи по переписи населения 1897 г., следует учитывать то, что переписные листы составлялись именно на домохозяйство, которое включало в себя не только членов семьи связанных родством, но и проживавших вместе с ними прислугу, жильцов, служащих и рабочих хозяйского предприятия, магазина и других заведений, снимающих отдельные комнаты или «углы», призреваемых и т.п. Несмотря на то, что формально не родственники не были членами семьи, они учитывались в составе хозяйства наравне с родственниками. Переписные листы переписи населения 1897 года содержат ценные сведения о членах домохозяйства такие как: половозрастной состав, степень родства относительно к главе домохозяйства, семейное состояние, сословную принадлежность, место рождения и проживания, вероисповедание, сведения об образовании, занятиях – основных и побочных, воинской повинности.

В целом, изучив документы учета населения городских магистратур, такие как обывательские книги, посемейные списки, а также материалы переписи Российской империи 1897 года, можно сделать вывод о значительной информативности и достаточно высокой степени достоверности данных источников для историко-демографического анализа городской семьи Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Библиографический список

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 583. – Оп. 603. – Д. 423.
2. ГАКО. – Ф. 583. – Оп. 603. – Д. 423. – Л. 8 – 111.
3. ГАКО. – Ф. 861. – Оп. 1. – Д. 5.
4. ГАКО. – Ф. 862. – Оп. 2. – Д. 13.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). – Ф. 991. – Оп. 1. – Д. 1 – 20.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. т. 1. – 583 с.

UDC 346 (571.1): 39

Kharina N.S. The relationships of merchants and indigenous people in the north of Tobolsk in the XIX th century¹

Взаимоотношения предпринимателей и коренного населения Тобольского Севера в XIX в.

Харина Наталья Сергеевна

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

HaNaSe83@yandex.ru

Kharina Natalia Sergeevna

Ugra State University, Khanty-Mansiysk

Abstract. Despite active research in the area, different aspects of the history of Siberian enterprise remain scientifically significant and relevant. Much attention is paid to the relationship of entrepreneurs and the indigenous population of the Tobolsk North.

Keywords: Enterprise, merchantly, trade relations, tools, rental, Sands fish, fishers, indigenous peoples.

Аннотация. Несмотря на активную исследовательскую деятельность, научно значимыми и актуальными продолжают оставаться различные аспекты истории сибирского предпринимательства. Большое внимание уделяется взаимоотношениям предпринимателей и коренного населения Тобольского Севера.

Ключевые слова. Предпринимательство, купечество, торговые отношения, средства, аренда, рыбные пески, рыбопромышленники, коренные народы.

Данная тема всегда привлекала внимание исследователей. Дореволюционные публикации в основном представлены поверхностными очерками о деятельности отдельных предпринимателей. Выделить можно работы В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, Н.М. Костомарова и др.

Для историографии советского периода характерна тема социально-классовых характеристик предпринимателей на региональных материалах (И.Г.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Разработка научно-методических и практических основ формирования эффективного механизма управления информацией о культурно-историческом и социальном развитии коренных малочисленных народов ХМАО-Югры.», соглашение № №15-13-86007/16 от 22.04.2016г. и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры № 07/16.0243-10/16-ЮГУ-170 от 03.08.2016г.

Мосина, Г.Х. Рабинович, С.В. Бахрушин и др.)[9, 18].

Единственной научной работой в советский период, раскрывавшей общую карт

В 1990-е гг. появляются работы, носившие описательно-публицистический характер (В.Г. Афанасьев, А.Р. Соколов, С.А. Кубанов, М.Р. Голубев, Б.С. Локшин и др.)[1, 7, 17]. Отдельно можно назвать работы Ю.А. Афонина, В.Г. Рябкова, Ф.И. Шамхалова[2, 21].

Энциклопедия под редакцией О.А. Платонова «1000 лет русскому предпринимательству. Из истории купеческих родов» содержит богатый материал о жизнедеятельности российских предпринимателей[13].

Деятельность сибирских купцов, факты социально-культурной деятельности раскрыты в «Энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» (в 4-х т.) и сборник «Предприниматели и предпринимательство»[22]. В 1996 г. был издан трехтомный юбилейный сборник «Российское предпринимательство»[19].

Интерес к истории российского предпринимательства был и со стороны зарубежных исследователей (Т.Оуэн, А. Хенрикссон, Е. Амбургер, Р. Пайпс, Д. Ракман и др.)[12].

Большое значение по истории предпринимательства Тобольского Севера представляют исследования А.А. Абрамова, А.А. Дунина-Горкавича, Х.М. Лопарева, К.М. Голодникова, М.М. Громько, В.К. Белобородова и др.[3, 6, 8, 14, 20].

Взаимоотношения предпринимателей и коренного населения Тобольского Севера рассматривает в своем исследовании В.В. Глазырина[4].

Под понятиями «предприниматель» чаще упоминались те, кто занимался только торговлей и рыбопромышленники (арендаторы рыболовных песков, занимающиеся рыбодобычей, торговлей и организацией рыбных заводов и др.). Слой предпринимателей Тобольского Севера был относительно

немногочисленным и отличался высокой социальной мобильностью. Местные предприниматели представляли собой активную и динамичную часть населения данного региона. Рыбопромышленники в основном были выходцами из местных крестьян, крупного местного купечества и «пришлыми» из соседних Тобольского, Тюкалинского, Тюменского уездов, представляющие различные слои населения: мещанство, крестьянство, купечество. Взаимоотношения предпринимателей и коренного населения отличались достаточной противоречивостью.

Предпринимателей Тобольского Севера можно разделить на мелких и крупных. Первые при начале промыслов брали у последних разные припасы и товары в долго. В исследовании «Поездка на Северный Урал летом 1892 г.» упоминалось, что многие мелкие предприниматели были уже в долгах, поэтому «купец, отдавая товар человеку, которые ему должен за прежние годы, необходимо налагал лишний процент на каждый пуд хлеба, на каждый аршин, на каждую вещь. Затем, мелкий промышленник ту же самую вещь, полученную от купца, отдает остяку и так же в долг, при чем тоже налагает проценты. Можно себе представить, во что обходится остяку самая простая вещь, пуд муки, фунт табаку и т.д.»[15, с. 194].

А.А. Дунин-Горкавич писал, что «крупные промышленники располагали оборотным капиталом, необходимым для аренды помещений, неводов, лодок, содержания рабочих. Более совершенные орудия ловли позволяли добывать ценные сорта рыбы. В мелком промысле с его небольшим размером оборотных средств, соответственно, работало небольшое количество рабочих, использовались только малые неводы и добывались только малоценные сорта рыбы. Способы эксплуатации рыбных угодьев были достаточно разнообразны, а варианты договоров, заключаемых между владельцами песков и арендаторами, доходили до 20 разновидностей...»[6].

Из общего числа предпринимателей Тобольского Севера можно

выделить: А.М. Серебрякова, А.А. Сыромятникова (с. Березово), И.И. Пластинина (с. Реполово), К.Г. Горкушенко (с. Кондинское), К.И. Добровольского (с. Березово), Новицких (с. Шеркалы, Березово), Г.С. Клепикова, Г.Ф. Смирнова, П.И. Шитова, Кондаковых (Кондаковы) и Тверетиновых (Тверитиновы) (г. Сургут) и В.Т. Земцова, А.Н. Шеймина, И.Г. Кузнецова, Ф. К. Соскина (с. Самарово) и др.

Основой предпринимательской деятельности в XIX в. была рыбная промышленность, сосредоточенная в основном в Березовском уезде. Крупный рыболовный промысел находился исключительно на рыбопромышленных песках, которые чаще всего арендовали, так как они находились в пользовании коренного населения края.

В работе «Поездка на Северный Урал летом 1892 г.» указывалось, что «рыболовные угодья в Березовском округе принадлежат, как известно, инородцам и арендуются у последних русскими рыбопромышленниками часто по баснословно дешевой цене»[15, с. 194].

Рыбопромышленники заключали с владельцами-инородцами договора на аренду песков на длительные сроки до 15 лет. За это время владельцы успевали залезть в большие долги и заемы. Арендная плата уже не выплачивалась и рыбопромышленник выдавал владельцу участка подъем-ссуду деньгами, продуктами, обязывая добытую рыбу сдавать по установленной им цене. В результате, владелец оставался еще и должен арендатору, оказывался в экономической кабале[6].

Рост добычи рыбы сдерживали большие издержки на транспортировку продукции и слабо специализированном производстве. На недостаточном развитии сибирской рыбопромышленности сказывался низкий уровень технологии переработки рыбы и рыбопродуктов. Низкие цены на рыбную продукцию вели к разорению мелких рыбопромышленников. Для развития рыбопромышленного предпринимательства нужны были подготовленные

специалисты и крупные вложения капитала.

Однако, говорить об упадке рыболовства нельзя. Река Обь и ее притоки были обильны рыбой. Поэтому рыболовство надолго останется преобладающим занятием в регионе как у коренного, так и у русского населения.

К числу важнейших функций государственной власти была забота о развитии коренных промыслов, поэтому предпринимательская деятельность находилась постоянно под контролем государства.

К концу XIX в. промысловая добыча постепенно приобретает товарный характер, а продукты промыслов будут поступать на внутренний рынок. Аренда охотничьих угодий была запрещена, добычей зверя занимались исключительно коренное население. Русское население охотилось по договоренности с владельцами угодий в небольших размерах.

Большое значение стали отводить кедровому промыслу: из Кодских городков, Березова, Сургута, Самаровской, Кондинской и Елизаровской волостей вывозилось до 50 тыс. пудов орехов[5].

В публицистической и художественной литературе встречаются сведения, что капиталы прирастали путем обмана, а иногда и почти неприкрытого грабежа коренных жителей Тобольского Севера, так называемых «инородцев». Купцы нередко обменивали ценную пушнину на водку, спирт, порох и безделушки, обмен был совершенно неадекватным, ибо охотники-промысловики не представляли истинной ценности мехов, рыбы и т.д.

Известны случаи нечестной торговли и даже бесстыдного надувательства купцами коренного населения. В основном это было во время купли-продажи: привлекали переводчиков-толмачей, работающих зазывалами на ярмарках; практиковали «перехват» инородцев на стойбищах; их спаивание и даже ночную торговлю. Часто навязывались дорогостоящие и ненужные в быту предметы роскоши: варенье, чесучовые пиджаки, жилеты, драповые пальто и пр. Торговали, как правило, в домах самих купцов, где инородцы

останавливались как на постоялом дворе и несколько дней пьянствовали. Часто сами инородцы провоцировали в отношении себя многочисленные случаи обмана и нечестной торговли, так как были безмерно доверчивы, наивны и очень сильно подвержены пьянству. После торговли они обычно отправлялись в кабаки и пропивали почти всю выручку[10].

К.Д. Носилов отмечал десятки случаев, характеризующих отношение купцов и «инородцев». Березовских купцов он называл «алчными до наживы». Он указывает, что «...вогулы живущие только по реке Сосьве, должны были известному купцу и меценату А.М. Сибирякову не один десяток тысяч рублей...»[11, с. 78].

К.Д. Носилов не понимал «...к чему такие долги сделала фирма г. Сибирякова...Цены действительно подняты так, как и не ожидал, даже больше того, что, бывало, меня так возмущало прежде в руках мелких местных березовских торгашей. Достаточно сказать, что там мука г. Сибирякова ныне продается по 70-80 копеек за пуд, когда она рядом, в городе Березове, всего в нескольких стах верстах водного пути, даже на самой реке Сосьве, продается по 40-50 копеек. Подобная же дороговизна и во всем, что привозят пароходы Сибирякова...». И сам К.Д. Носилов объясняет это тем, что «...сами вогулы смотрят на г. Сибирякова, как на богатого человека; богатый человек, по их понятию, должен кормить их и одевать в долг, и они просят у него всего этого ежегодно, когда он проезжает, и, видимо, просят так, что он не в силах им отказать, хотя это прямо идет в разрез с его коммерческими взглядами. И так как вогулы не платят и десятой части своих долгов, то он волей-неволей должен поднять цены на свои товары, тем более что этому некому препятствовать, потому что конкуренции в крае нет...»[11, с. 156–158, 166–169].

По мнению К.Д. Носилова все это приводило к тому, что вогулы «...того, что они достают из своих рек, озер, того, что они добывают в своих лесах, не хватает для уплаты обмена...», поэтому коренному населению «...приходилось

пускаться на какие-нибудь хитрости, или задалживаться с тем, чтобы никогда не уплатить...И нисколько не удивительно, что вогулы стали из честных должников теперь явными мошенниками, что их обмен уже стал плутовством..., что их юрты уже ныне запираются на замки, когда прежде они оставались без своих хозяев все лето незапертыми..., что воровство в крае стало таким же обыкновенным делом...»[11, с. 167].

Известный исследователь Тобольского Севера А.А. Дунин-Горкавич тоже указывал своих исследования: «...главная торговля между инородцами и русскими проводится ночью во дворах последних с наглухо закрытыми воротами, и при этом торг, которому предшествует угощение, инородцев обвешивают и обсчитывают...»[6, с. 266].

Безусловно, взаимоотношения предпринимателей с коренным населением во многом зависели от личности предпринимателя и морально-этических установок. Встречаются примеры внимательного отношения к нуждам коренного населения, когда предприниматель изучал потребности, местные обычаи и язык населения.

Таким образом, взаимоотношения предпринимателей и коренного населения Тобольского Севера были достаточно непростыми и неоднозначными. Во многом они зависели от индивидуальной позиции предпринимателей.

References

1. Афанасьев В.Г., Соколов А.Р. Благотворительность в России: историографические проблемы. – Спб., 1998.
2. Афонин Ю.А. Российский промышленный малый бизнес: социально-экономические и духовные предпосылки становления. – Самара: Самар. кн. изд-во, 1994. – 106 с.

3. Белобородов В.К. Обитаемое прошлое [Текст]: книга негромких приключений / В. К. Белобородов; Учреждение Ханты-Манс. авт. окр. - Югры «Гос. б-ка Югры». – Тюмень: Мандр и Ка, 2011. – 256 с.
4. Глазырина В.В. Социальные проблемы становления и развития предпринимательства на Российском Севере: исторический опыт и современность (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа)[Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук / В.В. Глазырина. – 1999. – 23 с.
5. Голодников К. М. Тобольская губерния накануне 300-летия завоевания Сибири. Репринтное издание 1881 г. СПб.: Альфарет, 2010.
6. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. – М.: Либерия, 1995–1996.
7. Кабанов С.А., Кулевский Л.К. Во благо России: очерки о предпринимателях и меценатах России. – М.: Боньч, 1997. – 207с.
8. Лопарев Х.М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 264 с.
9. Мосина И.Г. Состав и численность буржуазии в Сибири в период империализма. Ученые записки Томского педагогического института. – Томск, 1969.
10. Неклепаев М. Самоедские ярмарки в Сургуте //Сибирский листок. – 1893. - № 4.
11. Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски / К. Д. Носилов– Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 303 с.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993.
13. Платонов О. 1000 лет русскому предпринимательству. Из истории купеческих родов. – М.: Современник. – 1995. – 470 с.
14. Подорожник [Текст]: краеведческий сборник. Вып. 1 / [ред.-сост. В. К. Белобородов]. – Тюмень: Вектор Бук, 2002. – 191 с.

15. Поездка на Северный Урал летом 1892 года / сост. по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. Репр. изд. Тюмень: Мандр и К', 2004. – 211 с.
16. Предприниматели и предпринимательство (XVI – начало XX вв.). – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – 206 с.
17. Предпринимательство: истоки, проблемы, перспективы [Текст] / Ю.Н. Голубев, Э.Х. Локшина, Т.Д. Часова и др. – Спб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1994. – 162 с.
18. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. – Томск, 1975.
19. Российское предпринимательство: история и возрождение: в 3 т. / ред. Ю. В. Волков. - Москва: Русское Деловое Агентство, 1997. – Т. 1. – 1997. – 382 с. Т. 2, Т. 2. – 1997. – 335 с.
20. Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII - начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном / В. К. Белобородов. – Тюмень: Титул, 2013. – 349 с.
21. Шамхалов Ф.И. Предприниматель в России – становление и проблемы развития. – М.: ИЭ, 1996. – 363 с.
22. Энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. – Новосибирск, 1994–1999.

UDC130.2:314.7:379.85:392.3:392.311:796.51:796.57:929

MartyanovaYe.G., ChesnovaYe.N. Cultural and educational tourism in the Tula region (for example literary-tourist route «Anna Karenina: yesterday, today, tomorrow»)²

Культурно-познавательный туризм в Тульской области (на примере литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра»)

Yelena Georgievna Martyanova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula
helenal83@yandex.ru

Yelena Nikolaevna Chesnova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula
Elenika.Nova@gmail.com

Елена Георгиевна Мартьянова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула

Елена Николаевна Чеснова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула

Abstract: The article analyzes one of the creative forms of cultural tourism - literary tourism. A special place is given to the analysis of literary prospects of tourism development in the Tula region. The article offers the first fully elaborated variant literary-tourist route "Anna Karenina: yesterday, today and tomorrow." The authors are proved the choice of places, the order of visits by tourists, it is proposed route map. This tourist route is developed in the framework of the literary and artistic direction of literary tourism.

Keywords: Cultural and educational tourism, literary tourism, a literary-tourist route, Tula region, Anna Karenina, Leo Tolstoy, Yasnaya Polyana.

Аннотация. Статья посвящена анализу одной из креативных форм культурно-познавательного туризма – литературному туризму. Особое место уделяется анализу перспектив развития литературного туризма в Тульской области. В статье впервые предлагается полностью разработанный вариант литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра». Авторами статьи обосновываются выбор мест, порядок их посещения туристами, предлагается карта маршрута. Данный туристический маршрут разработан в рамках литературно-художественного направления литературного туризма.

Ключевые слова. Культурно-познавательный туризм, литературный туризм, литературно-туристический маршрут, тульская область, Анна Каренина, Л.Н. Толстой, Ясная Поляна,

В настоящее время *культурно-познавательный туризм* является одной

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-13-71001

из наиболее востребованных и перспективных отраслей туристской индустрии. Это специализированный подвид культурного туризма, представляющий собой путешествие с целью познания «знакомства с культурно-историческим достоянием той или иной страны» [12, с. 201]. Важной творческой формой культурно-познавательного туризма, по мнению Н.В. Дорониной [6, с. 37], является *литературный туризм*. В основе литературного туризма лежит целенаправленный познавательный интерес, который направлен на памятные места: 1) связанные с писателем и его творчеством; 2) прототипы и места действия произведения; 3) музеи, музеи-квартиры, музеи-усадьбы, мемориалы и природные заповедники. Главным требованием при выборе мест является то, что объект посещения представляет «интерес для почитателей писательского таланта» [16, с.680; 9, с. 264-265]. Данный познавательный аспект литературного туризма приводит неизбежно к тому, что турист включает в область своего интереса культурные традиции, идеи, верования народа(-ов) региона (области, штата, земли, графства, района) страны и мировое литературное наследие (а также художественные произведения, если они связаны литературным наследием). Это происходит опосредованно в рамках достижения главной цели в осуществляемом путешествии и в посещении экскурсий - *приобщение к жизни и творчеству известного писателя и/ или погружение воживающий «мир произведения» и восприятие окружающего географического пространства* сквозь известные литературные образы героев и мест. Это имеет в своей перспективе большое значение как для самого туриста (*интеллектуальное, эстетическое и духовно-нравственное образование и воспитание, развивает воображение, формирует активную волю и действенную позицию личности*), так и для страны, конкретного региона (*улучшение туристской инфраструктуры, увеличение турпотока и социально-экономическое развитие*). Подтверждение этому мы находим, например, у отечественных исследователей К.В. Асламова, И.Е. Карасева [3, с. 161].

Наибольшее развитие и популярность литературный туризм имеет в странах Европы и США. Это проявляется в появлении специальных турфирм, создании литературно-туристических и экскурсионных маршрутов, литературных карт и путеводителей. Сюда, например, можно отнести такие европейские и американские города как Лондон (Великобритания), Стратворд-на-Эйвоне(Великобритания), Эдинбург(Шотландия), Дублин (Ирландия), Париж (Франция), Рим (Италия), Нью-Йорк, Конкорд, Сан-Франциско (США) и др. Среди известных литературно-туристических маршрутов всего мира мы можем выделить такие, как «По маршруту Гарри Поттера» (Англия), «По следам героев Джойса» (Ирландия), «По следам Холдена Колфилда» (США), и т.д.

В России, несмотря на наличие богатейшего культурного и литературного наследия, в настоящее время данный вид туризм не получил широкого развития и популярности. Но Россия имеет богатейший потенциал для развития данного вида туризма в таких крупнейших городах страны, как Москва и Санкт-Петербург, так и на периферии. Последнее можно наглядно проиллюстрировать примерами: Ясная Поляна – усадьба Л.Н. Толстого, Дворяниново – музей-усадьба А.Т. Болотова, Богучарово – усадьба А.С. Хомякова, Мелихово – усадьба А.П. Чехова, Щельково – имение А.Н. Островского, Спасское-Лутовино – имение И.С. Тургенева и т.д.). В виду богатейшего литературного и исторического наследия, просторов страны довольно большой процент мест для познавательного интереса туриста находится именно на периферии. Например, вне культурной и государственной столиц жили и творили выдающиеся отечественные писатели и поэты XIX-XX веков, оставившие после себя богатейшее культурное и литературное наследие. В этом плане мы согласны с мнением отечественной исследовательницы Т.Е. Фошиной, которая отмечает: «Писательские усадьбы с прекрасными парками могли бы стать центрами просвещения и культуры. Это и есть тот самый поэтический мир «дворянских

гнезд», воспетый в русской литературе. Они хранят подлинную обстановку знаменитых русских писателей». [16, с. 681].

Поэтому *развитие литературного туризма и разработка литературно-туристических маршрутов в России* важны и актуальны. Они находятся не только в тренде современных туристских интересов, но и отвечает культурной политике страны. Применительно к нашей стране литературный туризм лучше развивать на *основе посещения «дворянских гнезд»* писателей и поэтов XIX-XXвв. Так как это даст большой географический охват многих регионов Российской Федерации, будет способствовать консолидации общества, приобщению к традициям, ценностям главенствующей и региональной культуры, а в перспективе – воспитанию подрастающего поколения, будущих членов общества. Несомненный интерес в этом плане представляет **Тульская область**. Это обусловлено ее большим вкладом в формирование сокровищницы культурного наследия России, благодаря жизни и творчеству таких выдающихся литераторов, как А.Т. Болотов, В.А. Жуковский, А.С. Хомяков, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, М.В. Лодыженский, В.В. Лодыженская (Ладыженская, в замужестве Сомова), В.В. Вересаев и др. А также проводимой работой в направлении развития литературного туризма в Тульской области на региональном уровне. «Мы можем проследить ее на примере таких разработанных литературно-туристических экскурсий и маршрутов, представленных на культурно-туристском портале Тульской области «Культурный навигатор»» [9, с. 270], как «*В усадьбы писателей*», «*Дом-музей В.В. Вересаева и музей А.С. Хомякова*», «*Из Дворяниново в Ясную Поляну*», «*От Хомякова до Толстого*», «*И.С. Тургенев и Чернский край*», «*Маршрут по литературному Ефремову*», «*Окские усадьбы*», «*По усадьбам Тульской области*», «*Тула-Ясная Поляна, экскурсионный тур*», «*Экскурсия «Белев литературный*» и др. [9, с. 270]. Однако, представленные экскурсии и

маршруты, на наш взгляд, «носят преимущественно литературно-биографический характер» [9, с. 270] и практически не раскрывают литературно-художественного направления литературного туризма [См. подробнее об основных направления литературного туризма 16, с. 680]. Примером маршрута литературно-художественного направления в литературном туризме можно считать *литературно-туристический маршрут «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра»* (Авторы-разработчики Чеснова Е.Н., Мартынова Е.Г.). Идейным ядром выступает роман *Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина»*. Реализация идеи будет связана с обращением в теоретическом плане к самому роману, его постановкам в отечественном и зарубежном кинематографе, искусстве, к биографии автора и прототипов героев произведения, истории и культурному значению мест-прототипов произведения; практическом аспекте – экскурсии по местам-прототипам произведения, ключевых мест жизни и творчества автора, прототипов героев произведения.

Обоснованием выбора литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра» служили следующие характеристики:

1. Один из самых известных шедевров отечественной и мировой литературы, выдержавший множество переизданий на русском и иностранных языках. «Анна Каренина» – признанный и любимый роман отечественными писателями-классиками при жизни автора. Например, Ф.М. Достоевский считал Анну Каренину особым произведением, обращенным к психологическим глубинам человеческой души, к ее бесам, греховности, преступности, виновности. Отечественный писатель Д.С. Мережковский определяет роман Л.Н. Толстого ««Анна Каренина» как законченное художественное целое, самое совершенное из произведений Л. Толстого»[8]. «Художественный гений Л. Толстого дошел до своей высшей точки, ... до окончательного равновесия между замыслом и выполнением» [8].

2. Чтение литературного произведения в рамках программы (передачи или цикла передач, культурного проекта, посвященного юбилею самого писателя или произведения) на телевидении, радио, в Интернет-сети. В октябре 2014 г. в России был организован международный он-лайн марафон «Каренина. Живое издание» по чтению романа в прямом эфире.

3. 140-летие романа в 2015 году. Это нашло отражение в рамках Года литературы в России в комплексе мероприятий Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», посвященных 140-летию романа как в нашей стране, так и за ее пределами, прошедших с февраля по ноябрь 2015 г. [17].

4. Экранизация литературного произведения отечественными и зарубежными кинематографистами (в рамках фильма, многосерийного фильма, сериала). Произведение Л.Н. Толстого «Анна Каренина» много раз экранизировалось в отечественном и зарубежном кинематографе (более 24-30 киноверсий, 11 стран, не считая экранизаций, которые используют сюжетные линии романа, переносят действие романа в современные дни). Первая экранизация была осуществлена в 1910 году в Германии, в 1911 году в России (самой ранней из сохранившихся частично отечественных киноверсий романа является экранизация 1914 года). Анна Каренина не только была экранизирована в немом кино, но «говорит» в экранизациях, например, на русском, английском, немецком, венгерском, итальянском, армянском, казахском языках.

5. Театральные постановки, постановки мюзиклов, балетов и опер в России и за рубежом. Из современных постановок можно отметить отечественную постановку балета, мюзикла. В 2005 году увидела свет постановка Б. Эйфмана балета по роману «Анна Каренина» [1]. 2016 год был отмечен премьерным блоком спектаклей с 8 по 23 октября с применением новейших мультимедийных технологий мюзикла по мотивам произведения

Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на сцене Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский государственный академический театр оперетты» (театр «Московская оперетта») [5].

6. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» представляет феномен культуры вне времени, выходящий за рамки элитарной и массовой культуры, представляющий своеобразный архетип. Это отразилось и в создании комиксов «Анна Каренина» (например, «Анна Каренина: трагедия одной матери» югославский комикс, который публиковался в журнале «Микиево царство» с 1940 года [См.: 2]). Многие отечественные модельеры (например, задумка модельера И. Чапурина по ассоциации образа модели с образом Анны Карениной на ««Неделе моды» в Москве сезона 2008/2009 года» [1]), певцы и композиторы обращаются к образу, имени Анны Карениной, проводя параллели с ее образом, мятущейся душой (А.Б. Пугачева, Трофим, Б. Гребенщиков и группа «Аквариум» и т.д.) [См.: 1].

7. Исследованию романа, его героев посвящены многие отечественные и зарубежные научные работы в области литературы, искусства, филологии, этики и т.д. Среди земляков тульского края рассматривающих духовно-нравственное мировоззрение Л.Н. Толстого и его преломление в его произведениях, в том числе в «Анне Карениной», можно отметить Е.Д. Мелешко, В.Н. Назарова.

Исходя из выше указанного, обращение к разработке литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра» является закономерным и необходимым следствием. Данный маршрут будет востребованным не только в рамках внутреннего, но и въездного туризма. Будет способствовать развитию региона, налаживанию в дальнейшем межрегиональных связей, приобщению к культурному наследию жителей нашей страны и зарубежных туристов.

В рамках разработки данного литературно-туристического маршрута нами

будут выделены 1) населенные пункты, где был написан роман Л.Н. Толстым; 2) местности, нашедшие отражение в данном литературном произведении и послужившие прототипами для персонажей романа, событий и мест действия героев произведения; 3) места, послужившие для проведения съемок натур фильмов, экранизирующих литературное произведение.

Отправной точкой литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра», на наш взгляд, следует считать **Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»**. Именно в Ясной Поляне Л.Н. Толстым был написан роман о любви «Анна Каренина» (1873-1877). Особенностью построения композиции романа является противопоставление двух сюжетных линий: семейная драма и трагическая любовь замужней женщины Анны Карениной и офицера Вронского изображается на фоне счастливой домашней жизни и семейной идиллии Кити Щербацкой и Константина Левина с демонстрацией масштабной картины быта и нравов дворянской среды Москвы и Петербурга второй половины XIX века, а также сцен из крестьянского быта. В образах, нравах, быту людей романа отразились наблюдения великого писателя за своими близкими, родными, знакомыми, крестьянами. Так, сын писателя С.Л. Толстой отмечает: ««Анна Каренина» писалась в Ясной Поляне. Ближние Толстого узнавали в его книге знакомые картины, знакомых людей и даже самих себя. Материал для нее (для «Анны Карениной») отец брал из окружающей его жизни. Я знал многих лиц и многие эпизоды, там описанные. Но в «Анне Карениной» действующие лица не совсем те, которые жили на самом деле. Они только похожи на них. Эпизоды же комбинированы иначе, чем в жизни» [15, с. 54].

Родовая усадьба Л.Н. Толстого является не только *местом написания романа*, но и люди в ней жившие и бывавшие *послужили прототипами основных персонажей произведения, событий и мест действия героев романа.*

Указание на это мы так же можем найти в исследованиях отечественного толстоведа Т.Т. Бурлаковой: «Ясная Поляна с ее пейзажами, лучшими традициями усадебного быта, семейными преданиями, служила Толстому неисчерпаемым источником творческих сил и вдохновения. И сама неизменно присутствовала в его произведениях: «Романе русского помещика», «Войне и мире», «Анне Карениной» и многих других»[4, с. 65]. Ясная Поляна, происходившие в ней реальные события обычной жизни ее обитателей, самого писателя нашли отражение в романе «Анна Каренина». Для многих героев романа прототипами послужили реальные жители Ясной Поляны. «В целом ряде толстовских героев, – пишет Т.Т. Бурлакова, – мы узнаем черты дорогих писателю обывателей Ясной Поляны» [4, с. 65]. «Константин Дмитриевич Левин имеет много автобиографических пересечений (склад ума, мысли и чувства, ценности, вопросы для духовного поиска, характер, внешний облик, среда обитания и так далее) с самим автором. Исследователи проводят параллель с именем писателя и тем, что в изначальной версии фамилия Левина звучала как Лёвин. Исследователи творчества Л.Н. Толстого проводят параллели героини Китти, жены К.Д. Левина, с женой самого писателя С.А. Толстой» [9, с. 267]. Ребенок Левиных Митя имеет много биографических пересечений с сыном Л.Н. Толстого Сергеем и т.д. Черты усадьбы угадываются в имении Константина Дмитриевича Левина – Покровском. Сам приезд К. Левина в Покровское списан с приезда самого Л.Н. Толстого в Ясную Поляну [11]. Сцена покоса Левина с крестьянами на Калиновом лугу – описание существующего в Ясной Поляне луга вдоль речки Воронки, тянущегося от деревни Грумант до места купания Л.Н. Толстого, а так же указанный в этом отрывке «Машкин Верх» (местное название «Юшкин Верх») – это заросший лесом глубокий овраг, находящийся ниже Тургеневской поляны. В сцене прогулки Левина с гостями на пчельник и грозе в Колке можно увидеть устроенную в 1863 году пасеку за рекой Воронкой. Сам пчельник К. Левина очень похож на пчельник Л.Н. Толстого. Картина езды

на охоту на «катках» напоминает о реальной езде семьи Толстых у себя в имении. Сцена грозы, которая заставила Кити спасаться с ребенком в лесу, имеет своим прообразом старый дубово-липовый участок леса перед яснополянским домом – Чепыж и т.д. [См. подробнее: 11;13]. Все это показывает нам, что за описанными в романе местами, бытовыми сценами из жизни и персонажами стоят *реально* существующие пейзажи, события и люди. Не зря отечественный режиссер С. Соловьев использовал территорию **Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»** для съемок сериала «Любовь и смерть Анны Карениной» (2008 г.) и его телевизионной версии «Анна Каренина» (2009 г.).

Одно из ключевых событий романа – трагическая смерть Анны на железнодорожных рельсах под колесами поезда, также имеет свое реальное нелитературное подтверждение. Об этом, например, писала в своих воспоминаниях Т.А. Кузминская (некоторые события из ее жизни также легли в основу романа «Анна Каренина»), упоминала С.А. Толстая в своей переписке с сестрой Т.А. Кузминской [См.: 7; 10]. Оно имело место быть на станции Ясенки в окрестностях Ясной Поляны (в данный момент – это станция Щекино Тульской области). Реальным лицом была экономка А.С. Пирогова соседа Л.Н. Толстого по усадьбе Ясная Поляна. В результате развязки трагического любовного романа со своим хозяином помещиком А.Н. Бибиковым сожительница А.С. Пирогова, ревновавшая его ко всем его гувернанткам и на этой почве поссорившаяся с ним до окончательного с его стороны разрыва, покончила жизнь самоубийством, бросившись на рельсы под движущийся поезд [10]. Данный случай является нехарактерным для самоубийства женщин, слишком жестоким, ужасающим и не оставляющим тело жертвы без повреждений. По воспоминаниям современников, этот случай произвел сильное психологическое впечатление на Л.Н. Толстого, который впоследствии положил его в основу самоубийства Анны Карениной. Данный

вид самоубийства можно рассматривать как проявление наивысшего пика отчаяния страстной, мечущейся души, нарушающей все религиозные, моральные, общественные установления и запреты, в том числе и негласные. В остальном А.С. Пирогова не является прототипом для Анны Карениной, которая имеет во многом собирательный образ (здесь исследователи творчества Л.Н. Толстого находят параллели с такими реальными женщинами, современницами, знакомыми писателя, как М.А. Гартунг «дочь А. С. Пушкина, послужила типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью» [10, с. 568], М.А. Дьякова, которая покинула своего мужа и повторно вышла замуж, княгиня Е. А. Голицына, ее «открытое сожителство» с Н.С. Киселевым, смерть последнего также нашла отражение в романе в смерти Н. Левина, и т.д.).

В текущем 2016 году в тесном взаимодействии с Государственным мемориальным и природным заповедником «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» проводилась работа по обновлению инфраструктуры железнодорожной станции Щекино и благоустройству прилегающей к нему территории. Итогом проведенной кропотливой работы стало открытие в 28.10.2016 г. историко-культурного комплекса, посвященного Л.Н. Толстому и героям Отечественной войны 1812 года в здании железнодорожного вокзала. На наш взгляд, *историко-культурный комплекс на железнодорожной станции Щекино* должен быть включен в объекты литературно-туристического маршрута «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра» в связи с его прямым и фатальным отношением к одной из ключевых фигур романа «Анна Каренина».

Учитывая тот факт, что имеющая много сходных черт с Кити Левицкой С.А. Толстая и А.С. Пирогова частично (в собирательном плане) являющаяся прототипом Анны Карениной, мы должны обратиться к их персонам более подробно. В рамках туристического маршрута и выбора мест посещения играет важную роль то, что обе женщины захоронены в *Кочаковском некрополе (Никольская церковь и семейное кладбище Толстых) в селе*

КочакиЩекинского района Тульской области, данный населенный пункт отдельно встречается в романе. Поэтому мы предлагаем включить данный объект с разрабатываемый нами литературно-туристический маршрут.

Помимо Ясной Поляны на страницах романа «Анна Каренина» можно найти и другие реально существующие пейзажи и сцены из жизни. Данные объекты мы так же предлагаем включить в литературно-туристический маршрут *«Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра»*. К таковым можно отнести:

1) белокаменный старинный дом в окружении вековых лип и пейзажи одного из *имений рода Толстых в деревне Покровское Чернского района Тульской области* имеет много схожих черт в романе с имением Оболонского–Ергушево;

2) окрестности *усадьбы «Никольское-Вяземское», родового имени Толстых в селе Николо-Вяземское Чернского района Тульской области*, и расположенный рядом *Лядовский лес*, можно обнаружить в романе в сцене продажи Облонским леса на сруб купцу Рябинину (данная сцена напоминает продажу Л.Н. Толстым леса в своем имении Никольское-Вяземское купцу Черемушкину);

3) «прекрасный с колоннами дом, выступающий из разноцветной зелени старых деревьев сада», «усыпанный щебнем и убранный цветником двор» [14, с. 181], удивительный вид сверху из домов *родовой усадьбе графов Бобринских, «Богородицкого дворца-музея и парка»*, входящего в состав Государственного учреждения культуры Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей», является прототипом имения Воздвиженское Вронского. Территория **Богородицкого дворца-музея и парка графов Бобринских** в совокупности с Москвой и Санкт-Петербургом является одним из *мест съемок природы* современного отечественного фильма и сериала «Анна Каренина» Карена Шахназарова (2016 г.). «Выбор места для съемок имеет свое обоснование – сам писатель неоднократно бывал в усадьбе у

графов Бобринских» [9, с. 267] и описал ее в своем одноименном литературном шедевре.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы можем предложить *литературно-туристический маршрут «Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра»* с посещением следующих *туристических объектов* в определенном порядке:

1) *Выезд из Тулы;*

2) *Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская область, Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна);*

3) *Кочаковский некрополь: Никольская церковь и семейное кладбище Толстых (Тульская область, Щекинский район, д. Кочаки);*

4) *Историко-культурный комплекс на железнодорожной станции Щекино (Тульская область, Щекинский район, г. Щекино, ул. Болдина, д.1);*

5) *«Богородицкий дворец-музей и парк» (Тульская область; Богородицкий район, г. Богородицк, территория парка, д. 1);*

6) *Имение Толстых в д. Покровское (Тульская область, Чернский район, д. Покровское, в 2 км. от д. Хитрово на левом берегу р. Снежеди, относится к сельскому поселению Крестовское Чернского района Тульской области, на карте изображено как д. Кресты);*

7) *Родовая усадьба Толстых «Никольское-Вяземское» (Тульская область, Чернский район, п/о Никольское-Вяземское);*

8) *Возвращение в Тулу.*

Карту данного маршрута можно представить на рис. 1

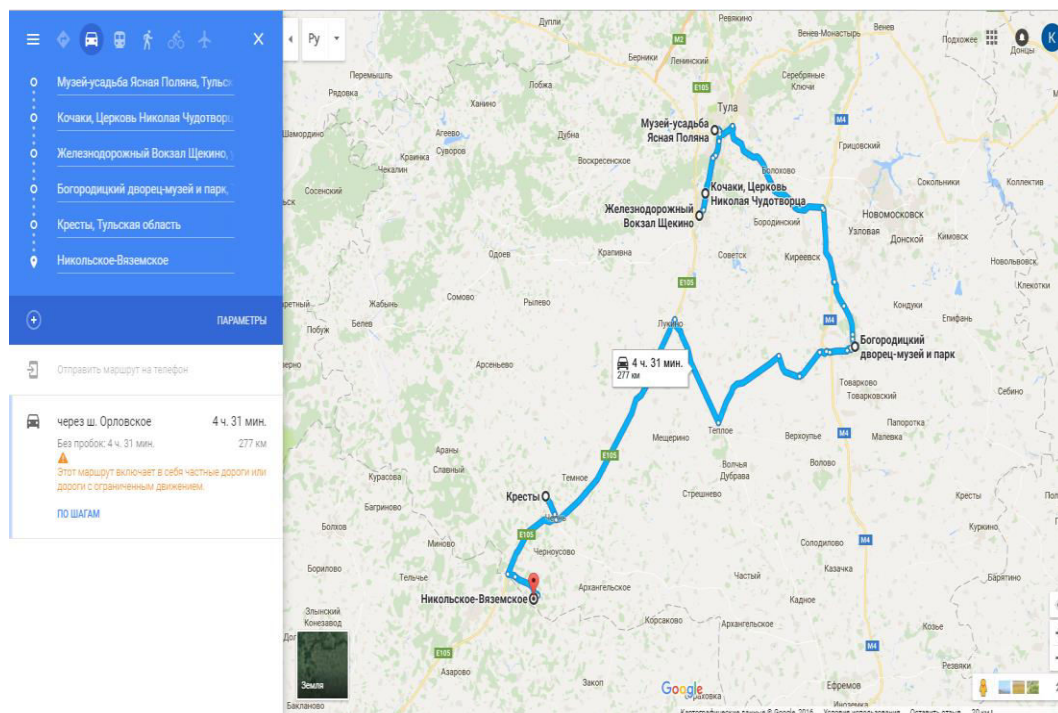

Рисунок 1. Карта маршрута

Согласно Google карте, общая протяженность данного маршрута составляет 277 км, на автомобиле время прохождения пути при отсутствии пробок, хорошей видимости и без учета экскурсий – 4 часа 31 минута (обращаем внимание на то, что маршрут включает в себя частные дороги и/или дороги с ограниченным движением). Мы предлагаем разделить данный маршрут на 2 дня для приобщения к жизни и творчеству Л.Н. Толстого и полного погружения в мир героев романа «Анна Каренина». В первый день посетить туристические объекты № 1,2,3,4, во второй - № 4,5,6. Место на ночлег может быть выбрано и самой туристической группой или туристом самостоятельно, исходя из их предпочтений и состояния, наличия развитой инфраструктуры вблизи выбранных туристических объектов. В своем маршруте мы предлагаем в качестве промежуточного пункта «Богородицкий дворец-музей и парк», расположенный в городе Богородицк, учитывая наличие при нем достаточного количества гостиниц с разным номерным фондом и ценовой

категории.

Подводя итог, можно сказать следующее: представленный в данной статье туристический маршрут является новаторским, ранее никем не разрабатывался, охватывает целый ряд мест Тульской области, имеющих большое историко-культурное, краеведческое, всемирное значение. Литературно-туристический маршрут «*Анна Каренина: вчера, сегодня, завтра*» служит не только развитию целого региона, но выгодно отличает туристическую привлекательность Российской Федерации для зарубежных туристов, включает ее в мировой туристический процесс и в существующие современные тренды.

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-13-71001.

References

1. Аксенов С. Анна Каренина. После Толстого // Знамя – 2010. – 2. –URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/2/ak16.html>(дата обращения 25.11.2016)
2. Антанасиевич И. «Анна Каренина: трагедия одной матери» – югославский комикс 1940 года// Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; Отв. ред. Д. А. Романов, Н. А. Красовская. – Тула, 2016. — 387 с. –С. 316-325.
3. Асламов К.В., Карасев К.Е. Литературный туризм как фактор развития культурного воспитания // История, культура, экономика Урала и Зауралья: Сборник статей Международной научной конференции (12-13 ноября 2015 г. г. Ханты-Мансийск) / под общ. ред. С. Г. Пяткова ; Мин-во образования и науки Рос. Федер., ФГБОУ ВО «Югор. гос. ун-т», Научное управление. – Ханты-Мансийск: Ред.-изд. отд. ЮГУ, 2015. – 266 с. (Приложение к журналу «Вестник Югорского государственного университета» – № 4 (39). – 2015 г.)

4. Бурлакова Т.Т. Мир памяти: толстовские места Тульского края. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1999. – 165 с.

5. ВСЕ НА БАЛ! Билеты на самый ожидаемый мюзикл сезона «АННА КАРЕНИНА» уже в продаже [Электронный ресурс] // События:[сайт]: «Московский государственный академический театр оперетты». –URL: <https://mosoperetta.ru/about/sobytiya/vse-na-bal-bilety-na-samyj-ozhidaemyj-myuzikl-sezona-anna-karenina-uzhe-v-prodazhe/> (дата обращения 25.11.2016)

6. Доронина Н.В. Литературное наследие как фактор туристской привлекательности Кавказских Минеральных вод // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. –Тамбов: Грамота, 2016. –№ 4 (66): в 2-х ч. –Ч. 2. –С. 36-40.

7. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне/ Вступ. ст. С.А. Розановой; Подг. текста и прим. Т.Н. Волковой.– М.: Правда, 1986. – 560 с. 16 л. ил.

8. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. – М.: Наука, 2000 [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова [Lib.Ru/Классика](http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml): [сайт]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml(дата обращения 19.11.2016)

9. Мартянова Е.Г., Чеснова Е.Н. Литературный туризм в Тульской области: по следам Л.Н. Толстого // Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; Отв. ред. Д. А. Романов, Н. А. Красовская.– Тула, 2016. – 387 с. –С. 264-271.

10. Об отражении жизни в «Анне Карениной» из воспоминаний С.Л. Толстого// Литературное наследство: [сайт]. –URL: http://litnasledstvo.ru/site/download_article/id/434(дата обращения 25.11.2016)

11. Отражение Ясной Поляны в произведении Толстого «Анна Каренина» [Электронный ресурс] // Музей Л.Н. Толстого на станции Лев Толстой: [сайт]. – URL: <http://tolstoy.lipetsk.ru/yasnaya-polyana-v-zhizni-i-tvorchestve-tolstogo/otrazhenie-yasnoj-polyany-v-proizvedenii-tolstogo-anna-karenina/> (дата обращения 10.11.2016)

12. Силаева Т.А. Литературный туризм как специализированный подвид культурно-познавательного туризма // Вестник Российского нового университета. –№ 2.– 2013.– С. 201-204.

13. Токутому Рока. Пять дней в Ясной Поляне// Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х томах / Сост., подготовка текста и коммент. Н. М. Фортунатова. М., «Худож. лит.», 1978. –Т. 2.–671 с. – С. 320-338. (Серия лит. мемуаров).

14. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман. Ч. 5-8/ Послесл., примеч. Э.Г. Бабаева. – Тула: Приок. КН. Изд-во, 1983. – 400 с., ил. – (Отчий край).

15. Толстой С.Л. Очерки былого. –Тула: Приокское книжное издательство, 1965. –512 с.

16. Фошина Т.Е. Современное состояние и перспективы развития литературного туризма в России // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VI Международной научно-практической конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет. Москва, 28-29 апреля 2009 г. –М.: Диалог культур, 2009. –712 с. –С. 680-684.

17. Ясная Поляна посвятит 2015 год «Анне Карениной» [Электронный ресурс] // Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»: [сайт]. URL: <http://yurmuseum.ru/ru/novosti/anonsy/2119-11-02-2015.html> (дата обращения 10.11.2016)

UDC: 7.042

Somkina N.A. Auspicious Animal Symbols of Chinese Culture

Китайская благопожелательная зооморфная символика

Somkina Nadezhda Alexandrovna

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg
somkina@yandex.ru

Сомкина Надежда Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Abstract: The article deals with the Chinese auspicious animal symbols, which constitute a significant part of the Chinese cultural heritage, as they embody the whole of the philosophy and the world view of the Chinese people, accumulated for thousands of years. Understanding of the meaning of the symbols is crucially important for cross cultural communication. Auspicious symbols are mostly based on the homophonic puns, often with a huge cultural background, which can pass unnoticed or not properly understood, so this article is intended to present a list of common or representative auspicious symbols along with their origin and meaning.

Keywords: auspicious symbols, animal symbols, Chinese culture, dragon, fenghuang, homonyms

Аннотация: В статье рассматриваются китайские символы животных, которые составляют значительную часть китайского культурного наследия, поскольку они воплощают в себе всю философию и с точки зрения китайского народа мира, накопленная в течение тысяч лет. Понимание смысла символов имеет решающее значение для кросс-культурных символов. Эта статья предназначена, чтобы представить список общих или представительных символов наряду с их происхождением и значением.

Ключевые слова: Благоприятные символы, символы животных, китайская культура, дракон, феникс, омонимы

One of the peculiarities of the Chinese language is that it has a very large number of written characters but a much smaller amount of spoken sounds. As a result, many Chinese characters share the same pronunciation, i.e. are homonyms. This feature brought about the emergence of a whole layer of the culture that is usually called “auspicious”.

The *auspicious symbols* and animals emerged in the Zhou Dynasty more than 3,000 years ago, the auspicious culture has survived all the collisions throughout the history of

China and reached its peak by the time of the Ming (1368 – 1644) and the Qing (1644 – 1911) dynasties.

The main auspicious symbols are as follows:

1. Divine creatures

Dragon

The most popular auspicious symbols are four benevolent creatures (dragon, fenghuang, qilin, tortoise), assumed relative of a dragon – pixiu, fish, golden three-legged toad, bat, etc.

Dragon, being one of the most ancient component of Chinese world view, has embodied all known kinds of goodness and well-being, so its use is almost universal.

The reason is that the two main incarnations of the dragon is representing the waters and the power of controlling water, on one hand, and representing the emperor and his power, from the other. These reflect two of the most important things throughout all the history of China, as it was always an agricultural country, which depended crucially both on water and the power to control human resources to manage it.

The image of the dragon is found everywhere. To present the image of a dragon means to wish one prosperity, power, happiness, success in a business, just a success, fame and outstanding achievements, To compare someone to the dragon means to make him the highest compliment. Nowadays, the dragon is perhaps the most popular element of the logos of companies, enterprises or institutions. Finally, all around the world the dragon is closely associated with China, being, along with the panda, the symbol of the country, overall [1, p.86-87].

The dragon is a creature with the dominant yang principle and associated with the east and spring.

Conjoined dragon and phoenix represent the union of a man and a woman.

Pixiu

Dragon known as to have nine sons, the most prominent of them in terms of auspicious symbols is non-canonical offspring named pixiu (貔貅, in the northern dialects pixie 避邪), a creature with a head of a dragon, a body of a horse, and hooves of a qilin, that also looks like a lion, is of gray-white color and is able to fly. It's believed to be ferocious to the extent of consuming everything in his sight, especially gold, gemstones, and other treasures, but the most prominent feature of him is the lack of bottom-hole, which means everything eaten by him remains inside forever. Therefore, it became largely known as a symbol of money-making and increasing wealth. It is also believed, that pixiu does not help those who are engaged in any dishonest activity, as he is able to distinguish right and wrong, as well as truth and lies, thus he also represents virtue and the spiritual purity. The statue of pixiu is usually set inside or before business offices.

Fenghuang (Phoenix)

The Chinese phoenix-fenghuang (凤凰), first of all, was always venerated by the Chinese as a divine bird, which symbolizes beauty and harmony. The dual nature of the bird can be seen in the very name of it, as Feng, being male, it is the principle of yang, and Huang, female, is the principle of yin; being solar bird and thus a Yang symbol (the reason behind it is not yet discovered, though some scholars assume it has assimilated some features of garudas, Buddhist fire birds), the fenghuang bird nevertheless is a female creature, especially in conjunction with the dragon. Thus, the fenghuang represents The Great Limit of Tai-ji, the unity of opposites and, as a consequence, a state of the perfect harmony.

The correlation of the phoenix with the principles of yin and yang is a very interesting question. The philosophical concept of *yin-yang* and the doctrine of the five elements, that has spread considerably in 5-4th centuries B.C., reworking a number of known phenomena and myths of Chinese culture, including the dragon and the fenghuang. During this period appeared the image of the paired dragon and

fenghuang shaped as the emblem of Tai-ji, heads to the tails of each other. Often, the fiery pearl or even the image of Taiji itself is placed between them. The fenghuang represents the fire element on this image and thus symbolizes the principle of *yang*, while the dragon, being the master of the waters represents the principle of *yin*. However, when it came to gender relations, the roles change dramatically vice versa: the dragon stands for the man (the groom, the emperor, the principle of *yang*), and the fenghuang symbolizes the woman (the bride, the empress, the principle of *yin*). Such a pair is one of the most popular auspicious design, especially on weddings.

Another common wedding wish is “[to live] in harmony and friendship as the pheonix and the luan” (凤友鸾谐, *feng you luanxie*) or “[to] sing together like the luan and phoenix» (鸾凤和鸣, *luanfeng heming*). In this case, instead of the huang, the luan acts as a female bird for the feng.

The image of the “fenghuang singing toward the sun” (凤鸣朝阳, *fengmingchao yang*) symbolizes an official serving his emperor (the sun). It is believed that the fenghuang only makes his appearance during periods of prosperity, peace and good government. The most eminent and virtuous noble men were compared with the aforementioned bird of luan, as on the image of “luan holding a ribbon» (鸾鸟绶带, *luan niao shou dai*). The character 绶 (*shou*) in the word “ribbon” (绶带, *shoudai*) is homonymous to the word “to get” (受, *shou*), while the character “带” separately means “belt”, i.e. that of an official. Thus, the image has hidden meaning of “the luan gets promoted to official rank”, and even now is presented as the wish for a brilliant career.

Qilin

Chinese unicorn qilin ranks the third in the four benevolent creatures and, like the fenghuang, embodies both principles of *yin* and *yang*, the five elements,

the five virtues and five symbolic colors. Its name consists of 麒 (*qi*, male unicorn) and 麟 (*lin*, female unicorn), thus reflecting the harmony of the unity of opposites.

In auspicious tradition the qilin was associated with childbirth and, in particular, with the birth of sons. A descending from the sky qilin brings son (麒麟送子, *qilin song zi*) is the traditional theme for wedding pictures. To wish a family the birth of sons, the Chinese presented a picture of qilin or an auspicious brick called “the bridge of the qilin” (麒麟桥, *qilinqiao*). The wish was a pun based on the homonymy of the words “brick” (砖, *zhuan*) and the word “to pass to a heir” (传, *chuan*). In addition, pictures of qilin surrounded by children (or ridden by Guanyin goddess holding a baby) often adorned the walls of the wedding bedroom in order to promote the emergence of a numerous progeny. Congratulations on the birth of a son sounded like “the joy of lin” (麟喜, *lin xi*). It is believed that the origin of this custom lies in the legend on the birth of Confucius, which ushered in the appearing of qilin to his mother or, in another version, that the mother has conceived Confucius after having stepped on the footprint of the qilin. However, the this tradition most likely has derived from the phallic semantics of the qilin.

2. Animals

Bat

Character 蝠 (*fu*) for the bat is homonymous to the character “happiness” (福, *fu*), therefore is commonly used as a visual pun. The bat is often shown flying upside down, because the character (倒, *dao*) for “upside-down” is consonant with the character “to have arrived” (到, *dao*), so “upside down bat” stands for “happiness has come”. Besides, “a bat descending from the sky” (蝠自天来, *fuzi tian lai*) sounds exactly like “happiness descends from heaven” (福自天来, *fuzitianlai*).

Two bats facing each other mean double good fortune or happiness. The most common form of the good wishes, however, is a *circular design of five bats*, which symbolizes the “five components of happiness”: longevity, health, wealth, virtue and natural death [1 (5), p. 84]. Sometimes, the five bats surround the Chinese character for “longevity” (壽 (寿), *shou*), and thus the picture represents the expression “five fortunes surround longevity” (五福捧寿, *wufupengshou*).

Chinese coin with a square central hole is sometimes referred to as an “eye coin” (眼钱, *yanqian*). The Chinese word for coin or money (钱, *qian*) is homonymous to the word “before” (前, *qian*). Therefore, a picture of a bat on (在 *zai*) an “eye coin” creates a visual pun for “happiness is before your eyes” (蝠在眼钱=福在眼前, *fuzaiyanqian*), and that of five bats (五蝠) surrounding a coin (眼钱) represents the saying “five happiness before your eyes” (五福眼前, *wufuyanqian*).

Badger

Badger (獾, *huan*) is not widely known, but as being homonymous to the character 欢 (*huan*) in the word “joy” (欢乐, *huanle*), also appears on the auspicious pictures. It’s often accompanied by magpie (喜鹊, *xi que*), which is consonant with the word “happiness” (喜, *xi*), thus together they form the word 欢喜 – “joy” or “hilarity”.

Bear

As for the ancient China, bear (熊, *xiong*) is not common symbol, though the Chinese believe it to be powerful and able to invoke fear in evil spirits, just as well as humans. However, nowadays the bear is sometimes pictured with an eagle (鹰, *ying*)

and in this case represents the word “hero” (英雄, *yingxiong*).

Cat

Cat (猫, *mao*) symbolizes wishes for a long life because it shares the same pronunciation with the word for an 80 year old or “octogenarian” (耄, *mao*). The cat is also the protector of silkworms because it can ward off and kill mice and rats, so the picture of a cat were commonly seen stuck to the inner walls of silk manufactures.

Somewhat apart in a row of the auspicious animals stands manekineko(招き猫)– “a luring fortune cat”. It is a figurine of a cat beckoning with an upright paw, and is usually displayed in shops, restaurants, and other businesses. The most interesting in this cat is the fact that the Chinese have borrowed it from neighboring Japan. Curiously, cats were not indigenous to the archipelago, and the first cats were introduced to Japan by the Chinese in the 5th century [2, p.115-116].

It is believed,manekineko became popular in the second half of the Edo period (1603-1867) and returned to its historic homeland somewhat around the middle of 19th century[4].

Deer

Deer (鹿, *lu*) is pronounced exactly as the word “the salary of a government official” (禄, *lu*), so the figurines and paintings of deer are the wishes for a top government office with a high salary.

Also, as the deer was the first creature to hear Buddha’s sermon, he became the peace and well-being, and also sometimes represents Buddhist disciples. Finally, the deer was one of the symbols of longevity, probably due to his kinship with immortal qilin. First mention of it was made by Daoist alchemist and scholar Ge Hong in his book “Baobuzi”, that goes as such: “Deer lives a thousand years, upon reaching five hundred years becomes white” [6, p.90].

Elephant

Elephant(象, *xiang*) is homonymous to the word “auspicious” (祥, *xiang*); he is depicted as being ridden by happy Buddha or a child that often holds the Ruyi scepter in his hands, or with a vase on his back. In the first two cases, the picture represents the encoded wish for “happiness and fulfillment of desires” (吉祥如意, *jixiangruiyi*), as “happy sign” 吉祥 (*jixiang*) is consonant with the combination “riding an elephant” (骑象, *qi xiang*) [6, p. 89]. In the third case, a vase (瓶, *ping*) is homonymous to the word “peace” (平, *ping*), and the elephant symbolizes the word 气象 (*qi xiang*) – “weather” or “scene”, or 景象 (*jing xiang*) – “view” or, again, “scene”, so the picture is actually a rebus meaning “太平有象” (*tai ping you xiang*) – “calm weather” or “peaceful scenery”, which in both cases represents the peace in the country and, therefore, the wishing peace and prosperity to the recipient.

Golden toad

A distinctive feature of the good fortune toad is the lack of the fourth leg, as the term “three-legged» (三足, *sanzu*) is homograph to the concept of “three prosperities”. The toad is portrayed with a coin or a cord with coins in its mouth, sitting on a pile of coins as well, thus being a powerful charm to attract money and welfare. People believed the one who caught it would certainly get rich. Nowadays, it is put in financial institutions, small enterprises, and casinos.

Lion

Lions were not indigenous to China, so first concept of the animal came along with Buddhist art and texts. It is considered to be a brave and intelligent animal, therefore it symbolizes power and majesty.

Two stone or bronze lions outside a residence or official building act as guardians protecting the occupants from harm. Usually they are of different gender, a male is represented with a ball and a female feeding her cub through her claws. A pair of lions is considered to be auspicious and represents happiness and the wish for

a successful career.

Lizard

Lizard (蜥蜴, *xi yi*) is homonymous with the character “happiness” (喜, *xi*), thus it has gained considerable popularity in recent years, especially as the character of the electronic greeting cards.

Monkey

Monkey (猴, *hou*) is consonant with the title Hou (侯) (the hereditary title, the second of the five highest nobility titles), so it is often portrayed in the pictures “with subtext”; for example, a monkey riding a horse (马上风猴, *mashang feng hou*) meant the rapid titling to nobility (马上封侯, *ma shangfenghou*), and a monkey sitting on the back (背, *bei*) of another monkey(s) was a rebus for a wish “[may you] be entitled to hou rank from generation to generation” (辈辈封侯, *beibeifenghou*). In addition, the consonance with the word “abundant, generous” (厚, *hou*) also played its role.

Pig

The pig traditionally symbolized the prosperity and good fortune, because not every family could afford such a quality food source. The word “pig» (猪, *zhu*) is homonymous to the word “wealth” (珠, *zhu*), so the animal has become one of the most common wishes for material prosperity [6, p.89].

Also, in old China young baby boys wore hats and shoes in the shape of a pig, because the parents believed this would make evil spirits think the child was actually a pig, so is of no interest to them.

Sheep / Goat

The Chinese do not make a distinction between sheep and goat, both of them being defined by the character 羊 (*yang*). The character is graphically similar to the character “happy sign” (祥, *xiang*), and has the same pronunciation (and therefore symbolizes) the male principle *yang* (阳). A single sheep was not too common, but

still an auspicious image, whereas the image of three rams (sometimes of two rams and one goat) is regarded auspicious on the New Year's eve. The picture is a rebus for 三阳开泰 (*san yang kai tai*), the quote from "The Book of Change" which most of the glossators interpreted as "after cold winter comes warm spring" and regarded is as a fortunate result of divination [8, p.244].

Also, lamb represents filial piety as it kneels before its mother.

Tortoise

The main characteristics of the tortoise – long lifespan, calmness and solidity of its natural armor – were noted not only by the Chinese, so in many culture the tortoise is a symbol of longevity, eternity and stability. The physical appearance of the tortoise resembles the Chinese view of the universe in that it has a round domed outer shell like the vault of heaven and its lower body is flat like the earth. Moreover, its plastron was used as oracle bone in divination in the late Shang dynasty, which made it somewhat of a mediator between the sacred and the human worlds.

In the auspicious formulas, tortoise often appears together with a crane, as he is also recognized by the Chinese as the symbol of longevity. So, the most popular combinations in traditional birthday celebration pictures are tortoise along with pine and crane, the latter two also representing longevity, and verbal wish sounds as "the turtle years and the crane longevity» (龟年鹤寿, *guinian he shou*). The paintings of a tortoise (especially alone) are much less frequent, if not rare, and mostly represented by Xuan-wu, a tortoise entwined by a snake, the guardian of the North, one of the four spirits of the cardinal directions. This is due to the fact that the attitude towards the tortoise was ambivalent: the Chinese attributed to it the ability to produce children without the participation of the male, thus its mating habits derives only from its natural lust. A common Chinese insults is "the son of a tortoise", meaning "bastard", so when it comes to best wishes, there's a need in clarification, e.g. "tortoise years" (龟年, *guinian*, or 龟龄, *gui ling*).

The divine tortoise aoyu (鳌鱼) can be seen carved, along with the dragon, on the stairs of the palace of the Son of Heaven since the Sung period (960-1279). There was a tradition to line up the brand new Jinshis, the graduates who passed the triennial court exam, on these stairs, with the best of the best standing next to the carved head of the aoyu. Therefore came the saying “to stand on the aoyu’s head” (独占鳌头, *du zhanaotou*), which meant “to show excellent results in the state examinations”.

3. Birds

Birds hold a dominant position mainly in the wedding symbolism, which is primarily due to the cultural and aesthetic tradition, in which love was steadily associated with birds.

Biyi bird

One of the matrimonial symbols was the one-eyed one-winged bird Biyi (比翼, *biyi*). According to the legend, it could not fly unless conjoined with another Biyi bird, and therefore this inseparable pair became the symbol of the harmonious marriage. In modern China there’s still a tradition of flying Biyi kites on a wedding day [7,p. 42].

Crane

Another well-known bird of happiness is **crane**, which was considered magical because of its ability to travel the long distances, as well as for its beauty and elegance. According to the legend, cranes were ridden by Daoist immortals, whence it was attributed with the role of a mediator between the world of the living and the world of the saints, and also left an imprint of the longevity the left on the bird [3, p.16-17]. The pictures of a crane, often next to pine, is another common symbol of a long life.

Also, because the word for crane (鹤, *guan*) sounds the same as the words for

an “official” (官, *guan*), a “[official’s] hat” (冠, *guan*), and “first place” (冠, *guan*), the crane also symbolized promotion to a government office.

Goose

As the geese always fly in pairs, they have become a symbol of the marriage and common gift for the engagement. It was believed that a widowed goose would never mate again. In addition, the lone goose was a common leitmotif through the classical Chinese poetry, symbolizing the suffering of separated lovers [1 (5), p.147, 216-217].

Magpie

Magpie (喜鹊, *xi que*) is frequently used to represent wishes for happiness because the first character *xi* is the same word as “happy” (喜, *xi*). Similar to an upside down bat, and upside down magpie is a rebus for the phrase “happiness has come” (喜倒 = 喜到, *xi dao*) . Two magpies facing each other symbolize “double happiness” (囍, *shuang xi*), the character widely used in wedding decoration and wishes for a harmonious marriage.

Also, magpie was regarded as some kind of Cupid, according to the legend of the Othello and the Weaving Maiden, who were two heavenly lovers separated by the celestial river (the Milky Way), and were allowed to meet each other only on the day of Double Seven (the seventh day of the seventh lunar month) by crossing the river on a bridge made of magpies.

There’s also a proverb saying “there is a magpie on the plum branch” (喜上梅梢, *xi shangmei shao*) that sounds as “happiness up to one's eyebrows” (喜上眉梢, *xi shangmei shao*), e.g. “extremely happy”.

Mandarin ducks

The same as other birds living in monogamous pairs, mandarin ducks symbolize fidelity, as there was a belief that being separated, they die of grief. On the wedding day, pictures of “Mandarin ducks playing in the water” (鸳鸯戏水,

yuanyang xi shui) [6, p.127].

Rooster

The rooster (鸡, *ji*) got the widespread popularity because of its homonymy with the word “auspicious” (吉, *ji*). The auspicious duo of rooster and peony is also well known. Both peony flower head (花冠, *huaguan*) and the rooster's comb (鸡冠, *jiguan*) are homonymous to the word “official” (官, *guan*), so the picture of rooster and peony is regarded as “official after official” (官上加官, *guan shangjia guan*), i.e. the wishing for all generations of men in the family to receive the high official positions. Sometimes there are five little chicks depicted around the rooster, which represent five sons of the Song historian Dou Yujun, all of whom have become the high-ranking officials [8, p.42].

4. Fish

The Chinese character for “fish” (鱼, *yu*) is pronounced the same as the Chinese character for “abundance” (余, *yu*), therefore fish is a common wish for “more” of different kind of goodness and well-being.

Fish is a part of Chinese New Year's traditions. By presenting a fish or a pair of fish, whether pictured, carved from jade or the very fish itself, cooked or ready to be cooked, is the encoded formula 年年有余 (鱼) – “[Let] wealth multiplies every year”.

Apart from New Year, fish can be presented on any joyful occasion, in this case along with a lotus. The character 莲 (*lian*) is homonymous to the character 连 (*lian*) meaning “in succession” or “one after another”. So the fish and lotus form a wish 莲莲有鱼 (连连有余 *lianlian you yu*) – “[Wish you] more and more of more”.

A well-known New Year's wish is also a picture showing two catfish and two

tangerines. The catfish (鲶, *nian*) is consonant with the word “year” (年, *nian*), and the character for tangerine (桔, *ju*) contains the grapheme “luck” (吉, *ji*), so the picture stands for “[Let] luck multiplies every year”.

Another popular “fishy” wish is a picture, which depicts a heron eating a fish. In the ancient language character for “heron” (鹭, *lu*) was homonymous to the character “plenty” (多, *duo*), and the fish, as was mentioned above, stands for the character “abundance”. Character “eat” (食, *shi*) is a homophone for the character “ten” (十, *shi*), thus, the phrase “heron eats fish” (一鹭食鱼, *yilushiyu*) is encoded wish “one plenty and ten surpluses” (一多十余, *yi duo shiyu*), i.e., wealth and prosperity.

Due of its reproductive abilities, the fish also represents fertility in marriage. A pair of fish represents happiness in marriage.

“Goldfish” (金鱼, *jinyu*) is consonant with “gold and jade” (金玉, *jinyu*), so its image is the wishes for wealth [6. C. 86].

In the imperial China there was a tradition to present the picture of a carp swimming and leaping against the current of a river, to a person who was about to participate the state civil service examination, as according to the traditional beliefs, if a carp manages to leap over the Dragon Gate (the canyon on the Huanghe river on the border between Shanxi and Shaanxi provinces) will become a dragon. This is a reference to a popular legend 鲤鱼跃龙门 (*li yuyue Long men*), and an allegory for the persistent effort needed to overcome obstacles, and, in a broad sense, for the possibility of reaching new heights through hard struggle and self-improvement.

The carp fish is also a commonly seen visual pun because the Chinese character for carp (鲤, *li*) is pronounced the same as both the character (利, *li*) for

“profit” and the character (力, *li*) for “strength” or “power”.

The Chinese word for crab (蟹) (who’s technically not a fish, but still a water creature) and the Chinese word for harmony (协) are both pronounced *xie*, therefore the crab is sometimes used on charms which express a desire for peace.

5. Insects

Butterfly

Butterfly is a symbol of long life because the second character of the word “butterfly” (蝴蝶, *hudie*) has exactly the same pronunciation as the character 耄 (*die*) which means “70 or 80 years of age”. Butterfly also signifies joy and warmth, as it is merrily colored and appears on the summer days.

Spider

Picture of a spider descending from his web is called *xizhu* (喜蛛) – “happy spider”, and the whole meaning of picture is “happiness descends from Heaven” (喜从天降 *xi cong tian jiang*). The reason behind this is that there is a spider’s specie called *xizi* - 蟠子 – of which 蟠 is pronounced as 喜 – “happiness”. This belief is known already in Han dynasty period. In Ge Hong’s *Xijingzazhi* (Miscellanies of the Western Capital) 西京杂记 said “蜘蛛集而百事喜”, means “in a place where spiders gather hundreds of happy events will happen”. Also, many believe that spider’s popularity grew due to the fact that the spider web caught flies and mosquitoes. Anyway, in old China spiders were never killed, but, on the contrary, were considered as auspicious creatures.

In Chinese culture, symbols and expressions of auspiciousness and happiness take special precedence, they are more than a language phenomenon, and have unique customary and cultural implications. Some of the auspicious symbols in

Chinese culture are derived directly from the nature and behaviour of the creature, but most of them are symbols because in spoken Chinese the word for them sounds similar to the word for the thing they symbolize. Ambiguity in spoken Chinese extends beyond single words and so this gives rise to a numerous auspicious combinations of various creatures and plants. The symbols usually take form of a “visual pun”, or a visual rebus, a picture with a hidden meaning behind each of the depicted part.

As well as linguistic symbolism, there are symbols that originated from ancient cosmological and mythical beliefs.

References:

1. LiYin, LiBeibei. Fulushouxi: ChineseTraditionalNewYearSayings (黎莹.黎北北.福禄寿禧：中国春节习俗典故). – Beijing: DazhongWenyichubanshe, 2002. – 342 p.
2. Mescheryakov, A.N. The Book of Japanese Symbols. The Book of Japanese Customs. – Moscow: Natalis, 2004. МещеряковА.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М., – 556 с.
3. Pang Jin, The Culture of Fenghuang. (庞进.中国凤文化) – Chongqing: Chongqing Chubanshe, 2007. – 294 p.
4. Schumacher, M. Manekineko // GODS of Japan, A to Z Photo Dictionary of Japanese Buddhism (Buddhist & Shinto Deities) – URL: <http://www.onmarkproductions.com/html/maneki-neko.shtml> (05.12.2016).
5. Williams C.A.S. Chinese symbolism and Art motifs. – Singapore, 1999. – 472 p.
6. Xu Bangxue. Popular Calendar for Prayers for Luck and Choosing Auspicious Dates (徐帮学.民间祈福择吉通书) . – Beijing: QixiangChubanshe, 2006. – 232p.

7. Yun Zhongtian. Kites / The Eternal Scenery – Chinese Popular Culture (云中天.风筝/永远的风景—中国民俗文化) .– Nanchang: BaihuazhouWenyiChubanshe, 2006.– 134p.
8. Zheng Jun. Chinese Lucky Pictures for Happiness, Official Salary, Longevity, and Joy (郑军. 中国福祿寿喜图案) – Shenyang: Liaoning MeishuChubanshe, 2000. – 262 p.

SECTION 4. ENVIROMENT

UDC 159.953.4

Ocminina E.S., Isakova Yu.B. The development of memory in children of primary school age

Развития памяти детей младшего школьного возраста

Eugenia S. Ocminina

South Ural state humanitarian-pedagogical University, Chelyabinsk

Yulia B. Isakova

South Ural state humanitarian-pedagogical University, Chelyabinsk

yisakova73@mail.ru

Евгения Сергеевна Осминина

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Юлия Борисовна Исакова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Abstract: in the article the theoretical bases of memory development of children of primary school age, described the establishing stage of experimental work, aimed at the diagnosis of subjects individual characteristics of memory, selected and tested software for development of memory of younger schoolchildren in the educational process conducted by the control slice, the dynamics of memory development among primary school children conducted quantitative and qualitative analysis of actual data, the conclusions.

Keywords: memory, development, primary school age, psycho - diagnostic methods, auditory memory, visual memory, significant differences.

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические основы развития памяти детей младшего школьного возраста, описан констатирующий этап опытно-экспериментальной работы, направленный на диагностику у испытуемых индивидуальных особенностей памяти, подобрана и апробирована программа для развития памяти младших школьников в образовательном процессе, проведен контрольный срез, выявлена динамика развития памяти у младших школьников, проведен количественный и качественный анализ фактических данных, сделаны выводы.

Ключевые слова: память, развитие, младший школьный возраст, психодиагностические методики, слуховая память, зрительная память, значимые различия.

Память лежит в основе способностей человека, является условием приобретения знаний, формирования умений и навыков. Без памяти невозможно нормальное функционирование ни личности, ни общества.

Актуальность темы обусловлена тем, что на сегодняшний день

существует проблема развития памяти младших школьников, так как память есть важнейшая определяющая характеристика психической жизни личности.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) ставит перед педагогами задачу формировать в начальной школе универсальных учебных действий (УУД): предметные, метапредметные и личностные, как собственно психологической составляющей фундаментального ядра образования, наряду с традиционным изложением предметного содержания конкретных дисциплин. Среди предметных УУД в новых стандартах особое место уделяется умению владеть учебными действиями и умение использовать знания для решения познавательных, практических и коммуникативных задач. Среди метапредметных УУД уделяется внимание умению владеть базовыми предметными и межпредметными понятиями, отражающими существенные связи и отношения между объектами и процессами. То есть, большая нагрузка ложится на смысловую память, что для детей младшего школьного возраста трудновыполнимо без специальной развивающей помощи.

Исследованием памяти занимались и в настоящее время заняты представители разных наук: психологии, биологии, медицины, генетики и других. В каждой из этих наук существуют свои теории памяти: психологические (Г. Эббингауз, К. Левин, П. Жане, Б.В. Зейгарник), биогенетические (И.П. Павлов, И.М. Сеченов), физиологические (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Остаются спорными многие вопросы относительно проблемы памяти.

В исследованиях А.А. Смирнова [6] и П.И. Зинченко [1] память рассматривается как процесс, раскрываются новые и существенные законы памяти как осмысленной деятельности ребёнка. Память не является какой-то самостоятельной функцией, а теснейшим образом связана с личностью, ее внутренним миром, интересами, стремлениями. Поэтому развитие и

совершенствование происходит параллельно с развитием ребёнка.

Над развитием возрастных закономерностей и индивидуальных особенностей памяти у детей работала З.М. Истомина, которая выявила заметные возрастные и индивидуальные различия в процессе изучения детьми языковой теории [2].

В настоящее время существует много подходов к изучению процессов памяти, в целом их можно считать разноуровневыми. Существуют теории памяти, изучающие эту сложнейшую систему психической деятельности на психологическом, физиологическом и нейронном, а также на биохимическом уровне.

Рассмотрев особенности развития и формирования памяти у младших школьников, мы выяснили, что память в этот период имеет ярко выраженный познавательный характер. В младшем школьном возрасте качественно меняется осознание мнемической задачи, а также формирование приемов запоминания. Непроизвольная память младшего школьника постепенно приобретает черты произвольности, становясь сознательно регулируемой и опосредствованной.

В результате изучения психолого-педагогической литературы, знакомства с существующим опытом работы по проблеме изучения особенностей памяти детей младшего школьного возраста были выдвинуты *цель опытно-экспериментальной работы и её задачи:*

Цель: выявить особенности развития памяти младших школьников.

Задачи:

1. Провести групповой и индивидуальный констатирующий этап опытно-экспериментальной работы, направленный на диагностику у испытуемых индивидуальных особенностей памяти;
2. Подобрать и апробировать программу для развития памяти младших школьников в образовательном процессе.
3. Провести контрольный срез, выявить динамику развития памяти у

младших школьников;

4. Провести количественный и качественный анализ фактических данных, используя программу SPSS, сделать выводы.

В практической части работы использовались следующие *методы*:

1. Аналитический метод – с целью анализа практического материала, касающегося явлений и фактов по исследуемой теме;

2. Экспериментальный метод – с целью проведения опытно-экспериментальной работы, подтверждающей теоретические положения.

3. Педагогическое наблюдение для описания целостной картины исследования.

4. Тестирование для определения уровня развития памяти младшего школьника.

5. Метод обобщения – с целью подведения итогов и формирование вывода об исследовании.

6. Метод математико-статистической обработки данных.

В практической части работы были использованы следующие *диагностические методики*:

1. Методика определения объема кратковременной зрительной памяти[5].

2. Методика оценки оперативной зрительной памяти учащихся [4].

3. Методика определения уровня развития слуховой памяти А.Р. Лурия[3].

Данные методы и методики были положены в основу опытно - экспериментальной работы.

База исследования послужило Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная гимназия № 19» города Миасса, Челябинской области. В эксперименте приняли участие учащиеся 3 «А» класса в составе 33 человек и учащиеся 3 «Б» класса в составе 21 человек. Численность группы обследуемых детей составила 63 человек (23 девочки и 40 мальчиков). Возраст детей – 9-10 лет.

В процессе проведения констатирующего этапа опытно-экспериментальной работы нами были выявлены гендерные различия в запоминании и воспроизведении информации. Мы увидели, что у мальчиков преимущественно развита зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 81,5%. Достаточно высокий уровень развития слуховой памяти – 66,5%. И хуже развита зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 47,5%.

У девочек преимущественно развита слуховая память – 82%. И достаточно высокий уровень развития зрительной памяти пространственное расположение геометрических фигур – 80%. И на третьем месте - зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 62%.

Анализируя, результаты исследования девочек обоих классов мы выяснили, что существуют отличия от результатов мальчиков этих же классов. На первом месте у мальчиков зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 81,5%, в сравнении с девочками, у которых этот же вид памяти набрал 80% и занимает 2 место. А у девочек на первом месте слуховая память – 82%, в сравнении с мальчиками, у которых этот же вид памяти набрал – 66,5% и находится на 2 месте.

Кроме того, мы увидели, что к третьему классу дети демонстрируют достаточно высокий уровень зрительной и слуховой памяти.

Но в большинстве случаев, по результатам наблюдения и опроса учащихся (80% - 3 «А» и 85% - 3 «Б»), их память базируется на механическом запоминании, заучивании, зазубривании. В то время как многочисленные наблюдения педагогов, исследования психологов убедительно показали, что ребенок, не научившийся учиться, не овладевший приемами мыслительной деятельности в начальных классах школы, в средних обычно переходит в разряд неуспевающих.

Поэтому было решено подобрать и апробировать программу развития памяти для детей младшего школьного возраста, которая бы познакомила ребят с приемами мнемотехники, научила их логическому запоминанию и воспроизведению информации. Основу программы составила система занятий по развитию памяти младшего школьника Сметаниной А.Г.

Цель программы: развитие памяти

Задачи программы:

1. Развитие памяти (расширение объема и устойчивости памяти)
2. Формирование приемов запоминания (развитие смысловой памяти)
3. Воспитание нравственных качеств.

Предмет развивающей работы: память, приемы мнемотехники.

Объект развивающей работы: младшие школьники.

Организационные условия проведения занятий:

- в программе принимает участие весь класс, в полном составе; занятия рассчитаны на учащихся 2-4 классов общеобразовательных учебных заведений;
- занятие проходит в классе, за партами, можно использовать компьютер, проектор, экран;
- программа рассчитана на полгода,
- 10 занятий, по 1 занятию в неделю продолжительностью 40-45 минут;

Контрольный срез показал, что у мальчиков 3 «А» класса после проведенной в этом классе развивающей программы повысились качественные и количественные показатели по всем шкалам, но сохранилось соотношение видов памяти. Так, у мальчиков 3 «А» лучше всего развита зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 95% (в сравнении с 90% на констатирующем этапе). На втором месте – слуховая память – 81% (в сравнении с 71%). И на третьем месте зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 66% (в сравнении с 49% на

констатирующем этапе).

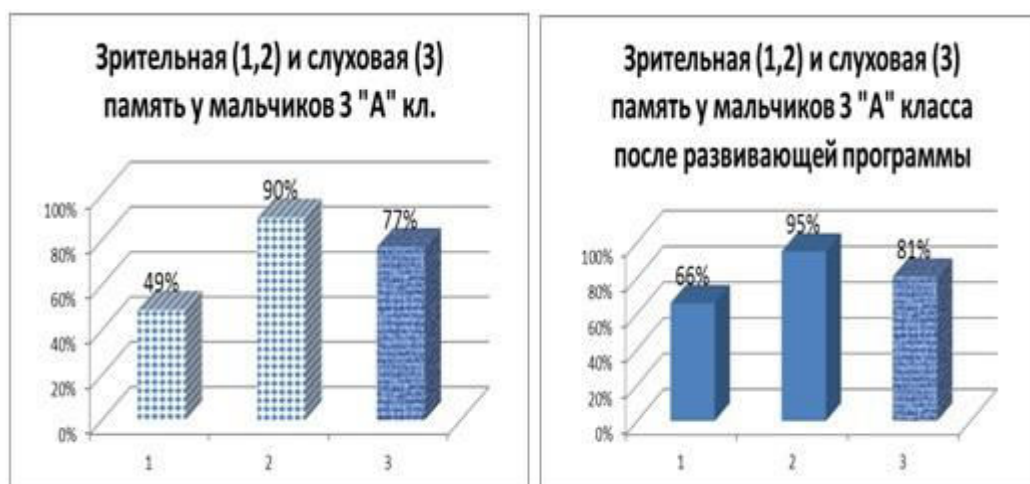

Рисунок 1. Особенности зрительной и слуховой памяти у мальчиков 3 «А» класса до и после реализации развивающей программы

Таким образом, мы видим, что наибольшие улучшения объёма памяти наблюдаются при запоминании большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (зрительная память, методика 1) – на 17%. И есть улучшение слуховой памяти (методика 3) – на 10%. Так же наблюдается улучшение зрительной памяти на пространственное расположение геометрических фигур (методика 2) на 5%. Это свидетельствует о том, что знакомство детей с приёмами мнемотехники, позволяет сделать их память более осмысленной и улучшить результат запоминания объектов.

Результаты контрольной диагностики показали, что у мальчиков 3 «Б» класса после проведенной в этом классе развивающей программы так же наступили улучшения по всем шкалам, но сохранилось соотношение видов памяти. Так, у мальчиков 3 «Б» лучше всего развита зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 86% (в сравнении с 74% на констатирующем этапе). На втором месте – слуховая память – 76% (в сравнении с 68%). И на третьем месте зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 67% (в сравнении с 47% на

констатирующем этапе).

Рисунок 2. Особенности зрительной и слуховой памяти у мальчиков 3 «Б» класса до и после реализации развивающей программы

Таким образом, мы видим, что наибольшие улучшения объёма памяти наблюдаются при запоминании большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (зрительная память, методика 1) – на 20%. И есть улучшение зрительной памяти на пространственное расположение геометрических фигур (методика 2) на 12%. Так же наблюдается улучшение слуховой памяти (методика 3) – на 8%.

Контрольный срез показал, что у девочек 3 «А» класса после проведенной в этом классе развивающей программы, так же как и у мальчиков, повысились качественные и количественные показатели по всем шкалам, и сохранилось соотношение видов памяти.

Результаты диагностик показали, что у девочек 3 «А» лучше всего развита слуховая память – 90% (в сравнении с 83%). На втором месте – зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 86% (в сравнении с 81%). И на третьем месте - зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 78% (в сравнении с 62%).

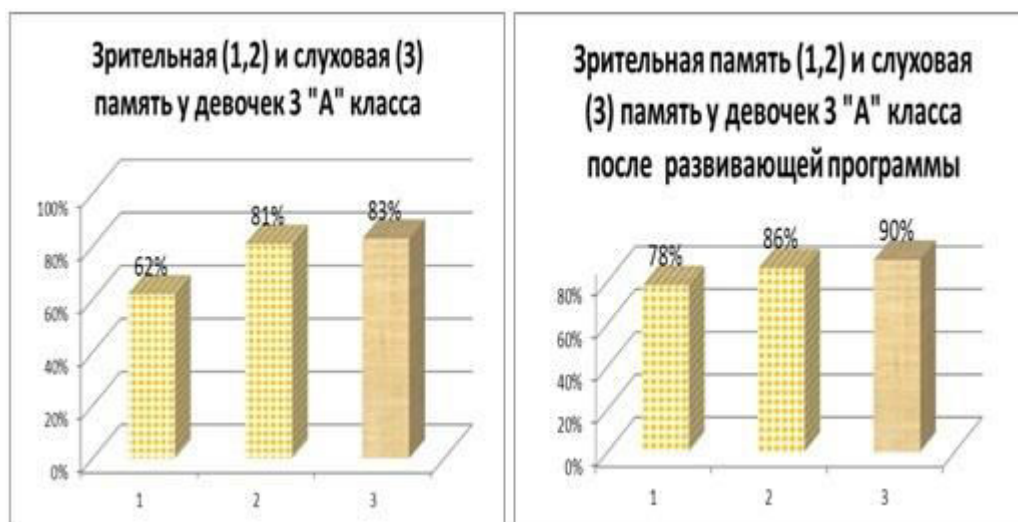

Рисунок 3. Особенности зрительной и слуховой памяти у девочек 3 «А» класса до и после реализации развивающей программы

Контрольный срез показал, что у девочек 3 «А» класса после проведенной в этом классе развивающей программы, так же как и у мальчиков, повысились качественные и количественные показатели по всем шкалам, и сохранилось соотношение видов памяти.

Результаты диагностик показали, что у девочек 3 «А» лучше всего развита слуховая память – 90% (в сравнении с 83%). На втором месте – зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 86% (в сравнении с 81%). И на третьем месте - зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 78% (в сравнении с 62%).

Таким образом, мы видим, что наибольшее улучшение объёма памяти наблюдаются при зрительном запоминании большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (зрительная память, методика 1) – на 16%, при слуховом запоминании (методика 3) – на 7%. И есть улучшение зрительной памяти на пространственное расположение геометрических фигур (методика 2) на 5%.

Анализ результатов контрольной диагностики показал, что при сохранении соотношения между параметрами слуховой и зрительной памяти, у

девочек, так же как и у мальчиков данного класса наблюдаются значительные улучшения качественных и количественных показателей преимущественно зрительной памяти при запоминании большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (методика 1).

Результаты диагностик показали, что у девочек 3 «Б» лучше всего развита слуховая память – 90% (в сравнении с 85%). На втором месте – зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур – 88% (в сравнении с 79%). И на третьем месте - зрительная память на большой объем предметов, не связанных между собой по смыслу – 71% (в сравнении с 62%).

Рисунок 4. Особенности зрительной и слуховой памяти у девочек 3 «Б» класса до и после реализации развивающих занятий.

Таким образом, мы видим, что наибольшее улучшение объёма памяти наблюдаются при зрительном запоминании большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (зрительная память, методика 1) и зрительном запоминании пространственного расположения геометрических фигур (методика 2) – на 9% и в том и в другом случае. При слуховом запоминании (методика 3) улучшение на 5%.

Таким образом, мы видим, что результаты девочек отличаются от результатов мальчиков этих же классов, как на контрольном, так и на

констатирующем эксперименте. На первом месте у мальчиков 3 «А» и 3 «Б» классов - зрительная память на пространственное расположение геометрических фигур, в сравнении с девочками, у которых этот же вид памяти занимает 2 место. А у девочек 3 «А» и 3 «Б» классов на первом месте слуховая память, в сравнении с мальчиками, у которых этот же вид памяти находится на 2 месте.

Таким образом, сопоставляя полученные результаты, мы можем сделать вывод, что сохраняются гендерные отличия в восприятии и запоминании информации мальчиками и девочками. Так, девочки преимущественно пользуются слуховой памятью, а мальчики зрительной.

Однако, после проведенного формирующего эксперимента, и у девочек и у мальчиков обоих классов наблюдаются улучшения запоминания большого объема предметов, не связанных между собой по смыслу (зрительная память, методика 1) 72% - 3 «А» и 69% - 3 «Б», что говорит об эффективности программы развития памяти для младших школьников.

Для того чтобы убедиться в достоверности полученных результатов, мы использовали программу SPSS. Мы сравнивали две независимые переменные: результаты диагностики до и после проведенного формирующего эксперимента по Пирсону и получили значимые различия по всем трём методикам (См. таблицы 1-3).

		VAR00001	VAR00006
VAR00001	Корреляция Пирсона	1	,833 ^{**}
	Знч.(2-сторон)		,000
	N	63	63
VAR00006	Корреляция Пирсона	,833 ^{**}	1
	Знч.(2-сторон)	,000	
	N	63	63

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

Рисунок 5 . Значимые различия по методике исследование зрительной памяти

Корреляция по Пирсону на уровне 0,01**, это означает высокий уровень различий между констатирующим и контрольным срезом, то есть при увеличении показателей по констатирующему срезу, показатели по контрольному будут тоже увеличиваться.

Корреляции			
		VAR00002	VAR00007
VAR00002	Корреляция Пирсона	1	,744 ^{**}
	Знч.(2-сторон)		,000
	N	63	63
VAR00007	Корреляция Пирсона	,744 ^{**}	1
	Знч.(2-сторон)	,000	
	N	63	63

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

Рисунок 6. Корреляционные различия по методике оценки оперативной зрительной памяти

Мы видим, что и по второй методике имеются значимые различия по Пирсону на уровне 0,01**, это означает высокий уровень различий между констатирующим и контрольным срезом.

		VAR00005	VAR00010
VAR00005	Корреляция Пирсона	1	,924**
	Знч.(2-сторон)		,000
	N	63	63
	Корреляция Пирсона	,924**	1
VAR00010	Знч.(2-сторон)	,000	
	N	63	63
	**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).		

Рисунок 7. Корреляционные различия по методике оценки кратковременной слуховой памяти

По третьей методике тоже были выявлены значимые корреляционные различия между констатирующим и контрольным срезом на уровне 0,01**.

Таким образом, наши выводы статистически подтвердились. По методике Пирсона при сравнении двух независимых переменных: данных констатирующего и контрольного срезов были выявлено достоверно значимые различия по всем трём методикам. Следовательно, программа развития памяти для детей младшего школьного возраста эффективна.

References

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. [Текст] /П.И. Зинченко – М.: ИНФРА-М.: 2007. – 156 с.
2. Истомина З.М. Развитие памяти. [Текст]: Учебно-методическое пособие./З.М. Истомина - М.: Просвещение, 2010. – 350 с.
3. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. [Текст] /А.Р. Лурия – М.: Педагогика, 2009. – 400 с.
4. Немов Р.С. Психология. В 3-х тт. [Текст] /Р.С. Немов - М.: ВЛАДОС, 2008. – 290 с.

5. Симаго М.М., Симаго Н.Я. Диагностический альбом для исследования особенностей познавательной деятельности. [Текст]/М.М. Симаго, Н.Я. Симаго - М.: АРКТИ, 2016. – 66 с.
6. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. [Текст] /А.А. Смирнов – М.: Педагогика, 2011. – 400 с.

SECTION 5. SOCIOLOGY AND ANTHROPOLOGY

UDC 32.019.5

Khrienko T.V. Socio-political identification of Crimean young people in current conditions

Социально-политическая идентификация молодежи Крыма в современных условиях

Khrienko Tatiana Victorovna,
The Crimean Federal V. I. Vernadsky University
Simferopolcity
t.v.khrienko@mail.ru

Хриенко Татьяна Викторовна,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь

Abstract. The article is concerned with the sociological research results based on the so-called "annexation of the Crimea" by Russian Federation; «Violations of human rights in the Crimea», as well as the legality and validity of the Crimean referendum of political and legal status of the region.

Key words: Crimean young people, referendum, annexation, human rights, social and political identification, sociological research.

Аннотация. В статье отражены результаты социологических исследований по проблемам так называемой «аннексии Крыма» Россией; «нарушения прав человека в Крыму», а также правомерности и обоснованности проведенного в Крыму референдума о политико-правовом статусе региона.

Ключевые слова: молодежь Крыма, референдум, аннексия, права человека, социально-политическая идентификация, социологические исследования

Начиная с 1991 года, под руководством автора данной статьи изучались основные направления развития мировоззренческих установок крымской молодежи в режиме длительного социологического мониторинга. Исследования проводились более чем по ста позициям. Основные результаты изложены в ряде монографий и статей. [1].

В представляемой статье отражены мировоззренческие позиции молодежи Крыма в отношении проблем, которые в настоящее время в наибольшей степени обсуждаются в масс-медиа, в политических кругах и среди научного сообщества преимущественно западных стран.

В конце 2016 года вопрос о Крыме особо актуализировался, о чем свидетельствует рассмотрение его в ООН, Международном уголовном суде, в Парламентской Ассамблее Совета Европы и другими международными организациями. В очередной раз некоторые страны ввели новые санкции против российских граждан. С украинской стороны в Верховной Раде и масс-медиа усилилось тенденциозное рассмотрение крымской проблематики, активизировались различные провокации украинских диверсантов непосредственно в Крыму и т.п. Вероятно, вся эта активность призвана обратить внимание вновь избранного Президента США Д. Трампа на «крымскую проблему» с «нужной точки зрения» или обострить международную обстановку в целом. [2].

Контент-анализ наиболее обсуждаемых проблем, связанных с Крымом, выявил, что преимущественно к ним относятся: «нарушение прав человека в Крыму», так называемая «аннексия Крыма Россией», а также подвергается особой критике правомочность и правомерность проведенного в Крыму референдума о политико-правовом статусе полуострова.

Обращает на себя внимание тот факт, что проблемы современного развития Крыма преимущественно рассматриваются масс-медиа и политиками. В научной литературе им уделяется внимания значительно меньше. При этом широко распространена точка зрения, которую еще в начале 90-х годов прошлого столетия высказал выдающийся американский социолог С. Хантингтон. Он полагал, что Украина – это расколота страна, и «этот раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России». А непосредственно вопрос отделения Крыма был поднят первым. [3, с.257].

Следует специально отметить, что проблемы развития современной Украины предельно политизированы, а это существенно препятствует осуществлять соответствующие исследования. Поэтому любые попытки обоснованного социологического анализа в контексте социально-политической

идентификации населения Крыма имеют исключительно важное значение с научной точки зрения, а также с точки зрения принятия адекватных управленческих решений, нормализации международной обстановки в целом.

22-30 сентября 2016 года нами проведено комплексное социологическое исследование по изучению общественного мнения молодежи Крыма (до 30 лет) по наиболее актуальным проблемам современной общественно-политической ситуации в регионе, включая вопросы, наиболее обсуждаемые в западных странах.

Объем выборочной совокупности при опросах составил 1320 респондентов, репрезентативно представляющий крымскую молодежь по критериям пола, возраста, национальности и месту проживания (город/село). Опросы проводились во всех городах и районах Крыма. Расчетная погрешность полученных результатов не превышает 1,7%. Ниже представлены отдельные фрагменты полученных результатов исследования.

Распределение ответов на вопрос:

«На Ваш взгляд, имели ли место нарушения прав человека в Крыму за последние два года нахождения его в составе Российской Федерации?» (данные в % к общему количеству опрошенных)

Да	– 4,5%
Нет	– 90,5
<u>Затруднились с ответом</u>	<u>– 5,0%</u>
Итого:	– 100%

Наиболее часто встречающиеся ответы на открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, наиболее актуальные проблемы, связанные с защитой прав человека в Крыму» (приводятся в авторской стилистике респондентов):

- *«наконец-то в Крыму стали относиться к людям по-человечески, прекратилась насильственная украинизация и фактический запрет на официальное использование русского языка»;*

- «украинский беспредел остался на материковой Украине, а российский, вероятно, еще не пришел»;

- «украинские власти, установив блокаду на воду, продовольствие, электроэнергию, фактически усугубили все стороны жизни простых крымчан, а теперь кричат о соблюдении прав человека, которые сами их и нарушают»;

- «Украина и Запад пытаются сделать из Крыма резервацию как у индейцев Америки. Разве это не нарушение прав крымчан?»;

- «политика «нарушения прав человека» в отношении Крыма – это форма борьбы с местным населением, направленная на разрушение мирной жизни в регионе»;

- «складывается впечатление, что все правозащитники и «борцы за права человека» – это преимущественно проплаченные провокаторы»;

- «как только у нас появился шанс жить, как сами того желаем, тут же масса так называемых правозащитников пытаются всячески этому помешать – маразм «правозащиты» более чем очевиден. Пусть на Западе сначала разберутся со своими проблемами и не мешают людям строить свою жизнь, как они сами того хотят»;

- «санкции западных стран в отношении Крыма – это и есть настоящие нарушения прав человека, прав крымчан на нормальную жизнь»;

- «крымчанам не могут простить, что они защитили демократию и отказались жить под оккупацией националистической Украины»;

- «почему вы не спрашиваете о вопиющих нарушениях прав человека на Украине? И не является ли нарушением прав человека государственный переворот в Киеве, который поддержала «демократическая» Западная Европа?»

- «пусть никто не решает за нас с кем и как жить в этом мире; давайте не болтать о демократии, а следовать ее принципам» и т.п.

Исследования показали, что существенных изменений в общественном мнении крымской молодежи по рассматриваемому вопросу за последние два года

не происходит. [4]. Имеют место и отдельные критические высказывания, но не по принципиальным проблемам.

Не менее обсуждаемый вопрос о так называемой «аннексии Крыма Россией». В данной связи в ходе нашего исследования специально ставился вопрос об отношении молодежи к данной проблеме. Ниже представлено распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением руководителей ряда западных стран об «аннексии Крыма» Россией? (данные в % к общему количеству опрошенных)

Да, согласен, произошла аннексия Крыма Россией	– 5,0%
Нет, не согласен. Это был акт исторической и правовой справедливости, отражающий интересы подавляющего большинства населения полуострова	– 85,5%
<u>Другое</u>	<u>– 9,5%</u>
Итого:	100%

По позиции «другое» наиболее часто встречались ответы следующего содержания (приводятся в авторской стилистике респондентов):

- *«если волеизъявление крымчан – принять их в состав России – называют «аннексией», то пусть будет так»*

- *«я и большинство моих друзей самостоятельно записывались в отряды самообороны, чтобы отразить агрессию укров и нациков, а теперь это называется аннексией?»;*

- *«кто мог аннексировать город русской Славы – Севастополь?»*

- *«Украина «аннексировала» Крым в 1991 году при распаде Советского Союза, при предательской политике части российского руководства»;*

- *«поезд ушел». Практически весь Крым выступил за вхождение в состав России. Так в чем здесь «аннексия»? Это называется «с больной головы переложить на здоровую»...;*

- *«в Крыму нет антиукраинских настроений, мы готовы жить вместе с*

Украиной, но не с бандеровцами»;

- «я выступаю против всяких аннексий, чтобы Украина и Россия были вместе, а Крым снова стал всесоюзной здравницей»;

- «спасибо России, что приняла Крым в свой состав и защитила его от той бойни, которая сейчас идет на Донбассе»;

- «многонациональный Крым готов и может жить в мире со всеми странами и народами, но крымчан при этом необходимо, по крайней мере, уважать»;

- «странная постановка вопроса: государственный переворот на Украине называют «революцией достоинства», а демократический выбор крымчан – «аннексией со стороны России»;

- «о какой «аннексии» идет речь, когда российские войска более 250 лет находятся в Крыму и никогда отсюда не уходили. Здесь – два города-героя русской славы...»;

- «более 90% украинских «воjak» незамедлительно после референдума перешли на сторону российской армии, а оставшаяся часть без единого выстрела разбежалась. «Третья оборона Севастополя» закончилась полной победой. И это – факт»;

- «я студент, и знаю, что в Великобритании все школьники обязательно изучают стихотворение Теннисона «Атака легкой бригады», в котором говорится, что русские бесстрашно защищали свою землю – Севастополь, а британская элита героически выполняла приказ... Теперь в той же Англии, утверждают, что Россия «аннексировала» свои же земли. Где же здесь логика?»;

- «что за «аннексия», если в Крыму на руководящих местах остались руководящие чиновники из украинской Партии Регионов, которые существенно тормозят преобразования в регионе?»;

- «аннексии нет, но и ничего к лучшему в экономике не меняется. Россия более решительно должна взять Крым под свое управление, а не доверять местной власти, сформированной при Украине»;

- «надеюсь, что российские власти не откажутся от Крыма, как это было в девяностые годы»

- «Крым должен быть территорией не разъединяющей, а объединяющей людей» и др.

Полученные данные по вопросу о так называемой «аннексии Крыма Россией», свидетельствуют, что в общественном сознании крымской молодежи в настоящее время отражается все «ровным счетом до наоборот» тому, что интенсивно навязывается западной пропагандой. Вектор мировоззрения молодых крымчан устойчиво направлен в сторону более интенсивной интеграции Крыма в Россию, преодоления в данной связи имеющихся проблем, а также преодоления трудностей «переходного периода».

В ходе нашего исследования мы также выясняли динамику изменения общественного мнения молодежи за последние два года по отношению к вопросу о государственном самоопределении Крыма. Ниже представлено распределение ответов на вопрос: «16 марта 2014 года состоялся общекрымский референдум о статусе Крыма. Как бы Вы ответили на вопросы референдума в настоящее время?» (данные в % к общему количеству опрошенных)

«Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?»	– 89,5%
«Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?»	– 6,5%
Нет ответа	– 4,0%
<hr/>	
Итого	– 100%

Таким образом, проведенные нами социологические исследования, а также обобщение соответствующей научной и публицистической литературы, дают основание для следующих выводов.

Первое. Традиционно крымская молодежь является политически активной. Это подтверждают не только данные социологических исследований, но и участие в различного рода референдумах и голосованиях. Ее активность более чем в два раза превышает соответствующую политическую активность молодежи, в частности, по Украине и в два-три раза в странах Евросоюза. На основе данных Центральных избирательных комиссий Украины и Крыма нами рассчитана активность участия молодых крымчан в референдумах и в голосованиях, проводившихся в Крыму.

1991 год, 20 января. Референдум. Вопрос: «Вы за восстановление Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника союзного договора?». Приняли участие 81,37% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 75%.

1991 год, 17 марта. Референдум. Вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в котором будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?». Приняли участие 79,3% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 70%.

1991 год, 1 декабря. Референдум. Вопрос: «Подтверждаете ли Вы акт провозглашения независимости Украины?». Приняли участие 67,7% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 65%.

1994 год, июнь. Выборы Президента Украины. Приняли участие 64% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 63%.

1994 год, 27 марта, 10 апреля, 26 июня, 10 июля. Выборы в Верховный Совет Крыма. Приняли участие 59% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 67% (средний возраст парламента Крыма составил 37,5 лет).

1998 год, 29 марта. Выборы в Верховную Раду Украины. Приняли участие

61% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 58%.

1999 год, 31 октября, 14 ноября. Выборы Президента Украины. Приняли участие 14 ноября 64% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 59%.

2010 год, 31 октября. Выборы в Верховную Раду Автономной Республики Крым. Приняли участие 44,05% городских жителей и 52,24% жителей регионов. Из числа молодежи до 30 лет – 27,5 %.

2012 год, 28 октября. Выборы в Верховную Раду Украины. Приняли участие по Крыму – 49,45% избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 25,5%.

2014 год, 16 марта. Референдум о статусе Крыма. Приняли участие 83,10% избирателей; из числа молодежи до 30 лет – 81,5%.

2014 год, 14 сентября. Выборы в Государственный Совет Крыма. Приняло участие около 55,0% избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 53,5%.

2016 год, 18 сентября. Выборы в Государственную Думу РФ. Приняли участие около 50,0% избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 45,0%.

Приведенные данные свидетельствуют о высоком уровне политической активности молодежи Крыма, что отражено ее участием в различного рода голосованиях, особенно по вопросам реинтеграции или по тем, которые объективно отражали интересы местного населения. Политическая активность также выражалась в традиционно массовом участии молодых крымчан в общественно-политических организациях и акциях в защиту своих интересов.

Второе. Нашими исследованиями определена и социально-политическая направленность активности крымской молодежи.

Прежде всего, общественное мнение молодежи Крыма отражает адекватность принятых решений по воссоединению Крыма с Россией. Проведенный нами двадцатипятилетний мониторинг показывает, что ежегодно сторонников воссоединения с Россией среди крымской молодежи было существенно больше, чем противников. Несмотря на интенсивные процессы украинизации, Крым сохранил свою преимущественно пророссийскую

ориентацию в целом. Русский язык, в частности, считали своим родным всегда более 80% молодых крымчан, что отражено не только результатами многочисленных опросов, но и официальными всеукраинскими переписями населения. Любая инициатива на расширение связей с Россией здесь всегда находила широкую поддержку.

Следует специально обратить внимание и на то, что не только в марте 2014 года, но и напредшествующих референдумах, где ставился вопрос о восстановлении Автономии как субъекта Союза ССР, сохранения СССР, российском статусе Севастополя и другие аналогичные реинтеграционные инициативы всегда поддерживались молодежью Крыма. [5, с.101-103; 151-159].

Третье. Полученные нами результаты исследований показывают, что большинство официальных заявлений лидеров западных стран и соответствующих оценок в масс-медиа находятся в противоречии с реальной ситуацией в Крыму, являются необъективными и политически заангажированными. Молодежь, как и все население Крыма, знает больше, чем кто-либо о правовой и других формах несправедливости, проявляемой в течение последнего двадцатилетия в отношении населения региона. Так, в 1991 году, в период распада Советского Союза, в соответствии с законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» №1409/1, Крымской Автономии предоставлялось право на самостоятельное решение вопроса о собственном государственном правовом статусе. Однако, несмотря на многочисленные требования крымчан, им в таком праве было категорически отказано. Незаконным путем украинскими властями была ликвидирована и Конституция Республики Крым от 6 мая 1992 года, которая предоставляла региону относительно больше прав и свобод. Абсолютно были проигнорированы результаты официального референдума жителей Севастополя 26 июня 1994 года, на котором около 90% жителей города высказались за российский статус Севастополя как главной базы Черноморского Флота России.

Как известно, попытки решить местным населением «крымскую проблему», опираясь на нормы права, жестко преследовались властями, вплоть до уголовных расправ. Такой абсолютно правовой произвол в отношении жителей Крыма поддерживался правящими элитами Запада и официальными властями Украины. В то же время абсолютно демократический выбор крымчан на референдуме и воссоединение Крыма с Россией считается теми же элитами антиправовым актом.

В целом, результаты проведенных нами исследований свидетельствуют, что позиция молодежи, как и всего населения Крыма, высказанная на референдуме 16 марта 2014 года, не является ситуативной, а отражает глубинные основания процессов социально-политической идентификации в современных условиях. Предпринимаемые западными странами санкции, идеологические диверсии в отношении Крыма воспринимаются здесь крайне критически, и имеют преимущественно обратное воздействие – еще более укрепляют мировоззренческие позиции местной молодежи в отношении правильности ее исторического выбора.

References

1. Хриенко Т.В. Мировоззренческий вектор молодежи Крыма . Опыт социологического мониторинга. 1991-2001 годы. – Симферополь: Таврия-плюс. 2001. – 136 с.; Хриенко Т.В. Мировоззренческая детерминация молодежи Крыма (опыт социологического анализа). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ» 2009. – 260 с.; Хриенко Т.В. Молодежь Крыма о политике и политиках (опыт социологических исследований). – Симферополь, 2013. – 206 с. и др.
2. Информационно-аналитический Центр «Socium» – www.socium.info/news/20161123/134.htm
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М: АСТ, 2005. – С.257 – 603 с.

4. <http://www.crimea9.ru/v-okruge/simferopol/18098goda-spustya-otsenki-obshhestvennogo-mneniya>; <http://www.crimea9.ru/obshhestvo/18115>_http://crimea-news.com/society/2016/03/20/181651.htm

5. Москва в новейшей истории Крыма(1991-2014). Симферополь, 2016. – С. 101-103; 151-159. – 164 с.

UDC 364.6

Nadutkina I.E., Kompaniets S.A. Social protection as an essential element of social change in the policy of regions: possible risks

Социальная защита как важнейшая составляющая социальных преобразований в политике регионов: возможные риски

Nadutkina Irina Eduardovna

Belgorod State national research University, Belgorod
nadutkina@bsu.edu.ru

Kompaniets Svetlana Aleksandrovna

Belgorod State national research University, Belgorod
shovgenya@bsu.edu.ru

Надуткина Ирина Эдуардовна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Компаниец Светлана Александровна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Abstract: discusses the organization of social protection of the population at regional level, social responsibility of the state and society in relation to the individual and his rights.

Keywords: social protection, governance, reform, social responsibility of the state, the politics of the regions.

Аннотация: рассматриваются вопросы организации социальной защиты населения на региональном уровне, социальная ответственность государства и общества по отношению к личности и ее правам.

Ключевые слова: социальная защита, управление, реформы, социальная ответственность государства, политика регионов.

В период социальных преобразований в политике регионов приобретает важнейшее значение социальная защита, это связано, прежде всего, с тяжелейшим кризисом в области социальной политики, что отражается на физическом, моральном, материальном, демографическом, экономическом, социальном состоянии населения регионов.

Вопросы обеспечения населения РФ целом и в регионах в частности социальной защитой и поддержкой связаны с выбором конкретных направлений действия механизма социальной защиты, что определяется целями

и приоритетами политики в отношении семьи, политическими и социально-экономическими условиями ее проведения.

Трансформация экономики, социальной структуры общества, основных социальных институтов за последнее десятилетие привела к тому, что увеличилось число людей, нуждающихся в социальной защите и поддержке, в получении от государства, региональной, муниципальной власти минимальных гарантий в связи с несчастным случаем, безработицей и другими социальными рисками.

Социальная защита является необходимым элементом любого развитого государства. Социальная защита обеспечивается государством путем установления основных социальных гарантий, механизма их реализации и функций предоставления социальной поддержки. Актуально и то, что социальная защита является практической деятельностью по реализации основных направлений социальной политики. Социальная защита населения обеспечивается также предприятиями или предпринимателями и непосредственно наемными работниками через свои профсоюзные организации.

Традиционно понятие социальной защиты в первую очередь ассоциируется с мерами в области социального обеспечения (выплатой пособий, дотаций, компенсаций). Система социального обеспечения как механизм защиты направлена на обеспечение минимальных гарантий, ответственность, за которую несет государство. В Концепции социальной защиты пенсионеров, инвалидов, семей с детьми и других нуждающихся в социальной поддержке групп населения, разработанной Минсоцзащиты России при участии других заинтересованных министерств, при определении социальной защиты отмечается, что социальная защита представляет собой комплекс дополнительных мероприятий по материальной помощи наименее защищенным группам населения (престарелым, инвалидам, малообеспеченным

семьям с детьми, учащейся молодежи, лицам, не имеющим средств существования), а также по предотвращению развала системы социальной защиты, сохранению уровня социального обслуживания. Этот комплекс мер осуществляется как за счет федерального и местных бюджетов, так и за счет специально создаваемых фондов социальной поддержки населения. Такое «специфичное» понятие социальной защиты не содержит каких-либо сущностных признаков, позволяющих сопоставить или отграничить социальную защиту населения от его социального обеспечения. Не позволяет это сделать и сформулированная в Концепции основная цель соцзащиты, связанная с тем, что социальная защита населения в нынешней кризисной ситуации преследует избавление от абсолютной нищеты (когда среднедушевой совокупный доход семьи ниже прожиточного минимума), оказание материальной помощи населению в экстремальных условиях, вызываемых проводимой экономической реформой, содействие адаптации социально уязвимых групп населения к условиям рыночной экономики.

Указанная цель, являясь многофункциональной, дает основание предположить, что есть понимание социальной защиты населения как более универсальной, чем социальное обеспечение, системы поддержки населения, сориентированной не только на классические социальные риски (старость, инвалидность, потеря кормильца, временная нетрудоспособность и др.), но и на риски, привнесенные в жизнь общества своеобразием периода, который связан с формированием в стране иной экономической системы.

Проведение реформ системы социальной защиты должно базироваться на двух основополагающих принципах - индивидуальной ответственности и солидарности всех членов общества. Работающие, работодатели и государство должны решать эти важные проблемы, исходя из собственных возможностей и интересов. При этом необходимо стремиться к достижению равновесия

интересов, согласованности их действий и гармонизации всех видов ответственности: личной, коллективной, общенародной.

Противоречия нормативно-правового характера обусловили необходимость реорганизации концептуальных основ социальной защиты, которая проводится с учетом изменяющегося общества. В определенный период актуализируется приоритет предоставления каждому конкретному человеку установленных государством социальных благ и гарантий его жизнеобеспечения. Для ее реализации была создана необходимая нормативная база. Приняты федеральные законы «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и «О государственной социальной помощи». Названные законы заложили основу для правоприменения прожиточного минимума при осуществлении мер социальной защиты населения.

Актуальны данные законы и для субъектов РФ, поскольку почти каждый регион страны относительно обособленно разрабатывал на их основе социальные стандарты, систему важнейших социальных индикаторов жизнедеятельности населения, используя при этом разные методики определения качества жизни, минимального прожиточного бюджета и т. п.

Это обстоятельство обусловило разработку своей нормативной базы по вопросам социальной защиты населения на региональном уровне, что в свою очередь способствовало стимулированию поиска ресурсного обеспечения проектной инновационной деятельности в регионах, характерных в частности для Белгородской области [1, с.161]. Так например, за последние годы эффективность демонстрирует система социальной защиты населения и здравоохранения Белгородского региона, в области зафиксирован рост рождаемости и продолжительности жизни, повышение качества оказываемой медицинской помощи. Продолжительность жизни белгородцев одна из самых высоких в России и превышает 72 года. Это даже выше планового показателя второго этапа реализации Концепции демографической политики РФ, в рамках

которой к 2016 году россияне должны жить не менее 70 лет. Все это является результатом длительной кропотливой работы 88 медицинских организаций региона. В области удалось сократить втрое естественную убыль населения, а показатель смертности за десятилетие снизился более чем на 13% и составил 14 случаев на 1000 населения. В то же время растет показатель рождаемости, и настоящее время он выше среднего по ЦФО [2].

К сожалению, в условиях социальной дезадаптации общества и сужения возможностей самообеспечения активных социальных субъектов в региональном законодательстве значительную долю составили нормы, направленные на социальную защиту малообеспеченных слоев населения (пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми).

Особенность происходящих реформ проявляется в постоянной работе над механизмом государственного правового регулирования в социальной сфере, в необходимости проработки на уровне регионов инновационно ориентированных проектов, организационных мероприятий в отношении реформирования управления при реализации социальных проектов с учетом специфики конкретных территорий [3, с.38], что позволило бы обеспечить баланс между федеральным и региональным законодательством. Необходимо активнее задействовать все уровни социальной защиты населения: федеральный, региональный, местный, учитывая при этом специфику каждого региона [4, с.229], определяя по каждому из них задачи, полномочия, механизмы реализации, источники финансирования. В свое время упорядочению данного процесса способствовало внесение изменений в Федеральный закон от 6 октября 2003г. №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В результате социальная защита населения выведена из сферы компетенции органов местного самоуправления, основная социальная нагрузка и ответственность возложена на властные региональные структуры. Отстаивая при этом, что

основными принципами социальной защиты трудящихся считаются: социальная ответственность государства и общества по отношению к личности и ее правам, социальная справедливость, всеохватность и обязательность социального страхования, разноадресность, многосубъектность социальной защиты и солидарность самих субъектов, свобода трудящихся в сочетании с их личной ответственностью. Тем более важно при организации работы по реализации проектной деятельности на местах, учитывать, преодолевать противоречия нормативно-правового характера. Данные обстоятельства обуславливают необходимость периодического обновления и уточнения правового механизма по мере изменения социально-экономической ситуации в регионах, где должна все шире работать практика привлечения регионального экспертного интеллектуального сообщества [5, с.3].

References

1. Надуткина И.Э., Шовгеня С.А., Ресурсное обеспечение проектной инновационной деятельности в регионе // Среднерусский вестник общественных наук (научно-образовательное издание. - 2011. - №4. - С.161-168.
2. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2015/04/13/2299-mnenie-zamestitel-gubernatora-belgorodskoy-oblasti-elena-batanova-prodolzhitelnost-zhizni-belgorodtsev-odna-iz-samyh-vysokih-v-rossii>
3. Сапрыка В.А. Проектное и программное управление при реализации моделей межрегионального приграничного сотрудничества // Региональная экономика: теория и практика. - 2012. № 10. - С. 38-43.
4. Гончаров Л.А., Быхтин О.В., Надуткина И.Э. Модели управления муниципалитетами в приграничном регионе // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2013. № 2. С. 221-225.

5. Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе// Власть. - 2014. №7. - С. 3-9.

SECTION 6. DEVELOPMENT STUDIES

UDC 368.91

Odinokova T.D. Russian life insurance market: problems of development and integration into the global insurance space and their solutions

Российский рынок страхования жизни: проблемы развития и интеграции в мировое страховое пространство и пути их решения

Odinokova Tatyana D.

Ural State Economic University, Ekaterinburg
tdo17@yandex.ru

Одинокова Татьяна Дмитриевна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Abstract:

Objectiv. Identification of problems and proposals in respect of development of Russian market of life insurance with the aim of integrating in the global insurance space with minimal negative consequences.

Methods. In the process of the study problems were used methods of logical and statistical analysis.

Result. Based on the analysis of modern state of the Russian life insurance market, the author has identified the main problems of development of life insurance products and proposed measures for their elimination.

Conclusions. The author concludes about the need to introduce the following measures: the absence of period of limitation of payments under policies of life insurance; you must cancel the restriction by limiting the amount to which the personal income tax return individuals, if you have a contract of any term life insurance; the complex of government measures to support organizations using corporate funded insurance programs, and other measures.

Keywords: global life insurance market, integration, Russian insurance market, life insurance products

Аннотация:

Цель. Выявление проблем и выработка предложений в отношении развития российского рынка страхования жизни с целью интеграции в мировое страховое пространство с минимальными отрицательными последствиями.

Методы. В процессе исследования проблемы использовались методы логического и статистического анализа.

Результат. На основе анализа современного состояния российского рынка страхования жизни автором были выделены основные проблемы развития продуктов страхования жизни и предложены меры по их устранению.

Выводы. Автором сделан вывод о необходимости внедрения следующих мер: отсутствие срока давности выплат по полисам накопительного страхования жизни; необходимо отменить ограничение по предельной сумме, с которой осуществляется возврат НДФЛ физическим лицам, в случае наличия договора любого долгосрочного страхования жизни; комплекс государственных мер поддержки организаций, использующих корпоративные накопительные

программы страхования и другие меры.

Ключевые слова: мировой рынок страхования жизни, российский рынок страхования жизни, продукты страхования жизни

В последнее десятилетие национальные рынки страховых услуг разных стран активно формируют интернациональные страховые пространства, причем тенденции к интеграции затронули все слои страхового бизнеса.

Расширению страхового бизнеса за национальные пределы и развитию тенденции глобального объединения на страховом рынке способствуют несколько объективных факторов, и прежде всего нивелирование культурных и экономических границ между странами и создание единого информационного, экономического и культурного пространства, что ведет к расширению как партнерства, так и зарубежных представительств страховых организаций и, соответственно, к установлению более тесных контактов между национальными рынками. Кроме того, процессу интеграции страхового бизнеса содействует либерализация режима международного обмена страховыми услугами: открывается доступ на развивающиеся страховые рынки, внедряются актуальные страховые технологии наиболее развитых транснациональных компаний. И, наконец, техническими предпосылками расширения страхового бизнеса за пределы национальных границ служит активное развитие глобальных коммуникационных и информационных систем.

Как показала мировая практика, страхование жизни является эффективным инструментом решения социальных проблем, выступая альтернативой программам государственных социальных гарантий, способствуя снятию нагрузки с расходной части бюджета. С экономической точки зрения активы компаний, занимающихся страхованием жизни, составляют значительную часть экономики большинства развитых и развивающихся государств, и данный сегмент часто составляет основную часть страхового рынка, где на его долю приходится от 40% до 90% от общей страховой премии (табл.1).

На мировом рынке страхования жизни объем премий в 2015 г. вырос на 4,6% в номинальном выражении (4,0% в реальном) и составил 2 534 млрд дол. При этом общий рост скрывает значительные различия между регионами и странами. Так в прошлом году рост премий по life-страхованию на развитых рынках замедлился, а ускорился на развивающихся рынках (табл.1).

Таблица 1

Развитие и состояние российского и зарубежных рынков страхования жизни в 2014-2015 гг. [1], [2]

Страна	Взносы по страхованию жизни (млрд. долл. США)		Доля взносов по страхованию жизни в ВВП, %		Взносы по страхованию жизни на душу населения (долл. США)		Доля страхования жизни на национальном рынке, %	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
США	528,2	552,5	3,0	3,2	1 657	1 719	41,3	42,0
Япония	371,7	343,8	8,4	8,3	2 926	2 717	77,5	76,5
Великобритания	235,3	214,5	8,0	7,5	3 638	3 292	67,0	67,0
Франция	172,8	150,1	5,9	6,2	2 552	2 263	63,9	65,1
Германия	118,5	96,7	6,1	6,7	1 437	3 513	46,5	45,4
Италия	145,3	124,9	6,5	6,6	2 332	1 968	74,6	75,6
Бразилия	45,0	37,1	2,1	2,1	222	178	52,6	53,7
Китай	177,0	210,8	1,7	2,0	127	153	53,9	64,6
Индия	55,3	65,7	2,6	2,7	44	43	79,1	79,0
Гонконг	36,9	41,3	12,7	13,3	5 071	5 655	89,8	90,2
Мексика	12,6		1,0	1,0	102	90	46,2	45,4
Россия	2,8	2,2	0,2	0,2	20	15	11,0	12,7

Источник: Swiss Re

Десятка стран-лидеров сегмента страхования жизни в 2015 г. осталась неизменной. Возглавляют рэнкинг по-прежнему США, за ними следуют Япония и Великобритания.

По данным Swiss Re, наиболее развит этот сегмент в таких странах, как Гонконг, Люксембург, Ирландия, Тайвань и Финляндия, где страхование жизни занимает 90,2%; 86,8; 85,9; 83,0 и 81,6% местных страховых рынков соответственно.

Как показал анализ табл. 1, если популяризировано и развито в стране

страхование жизни, то, как следствие, плотность страхования (страховые премии на душу населения) будет очень высокая: Гонконг (5 655 дол.), Люксембург (3 535 дол.), Ирландия (3 178 дол.), Тайвань (3 397 дол.), Финляндия (4 049 дол.) и Великобритания (3 292 дол.). У лидеров (ТОП-10 стран) данного рынка по плотности страхования премии на душу населения превышают 2 500 долл. Исключением являются Китай и Индия: при высоких страховых премиях плотность страхования здесь не значительна. Это связано, в первую очередь, с достаточно большой численностью населения на данных территориях: Китай – 1 376,8 млн чел. и Индия – 1 313,0 млн чел. Также интересен тот факт, что, несмотря на достаточно высокое развитие страхования жизни на локальном рынке, доля мирового рынка очень мала: Гонконг (1,63%), Люксембург (0,92%), Ирландия (1,87%), Тайвань (3,14%) и Финляндия (0,88%).

В условиях интеграции страхового рынка усиливается конкуренция между крупнейшими транснациональными страховыми компаниями (ТНСК), что побуждает страховщиков внедрять новые формы и методы конкурентной борьбы – разработку новых страховых продуктов, сращивание страхового, банковского и финансового капиталов. Тенденция интеграции страховых рынков не оставила в стороне и страховой рынок России.

Рассматривая структуру и специфику развития российского рынка страхования жизни, следует отметить достаточно устойчивое его развитие. Несмотря на сокращающееся количество страховых компаний, специализирующихся на страховании жизни, доля премий в общей сумме платежей по добровольному личному страхованию растет, что обусловлено ростом как собираемости премий так и увеличением количества заключаемых договоров (рис. 1).

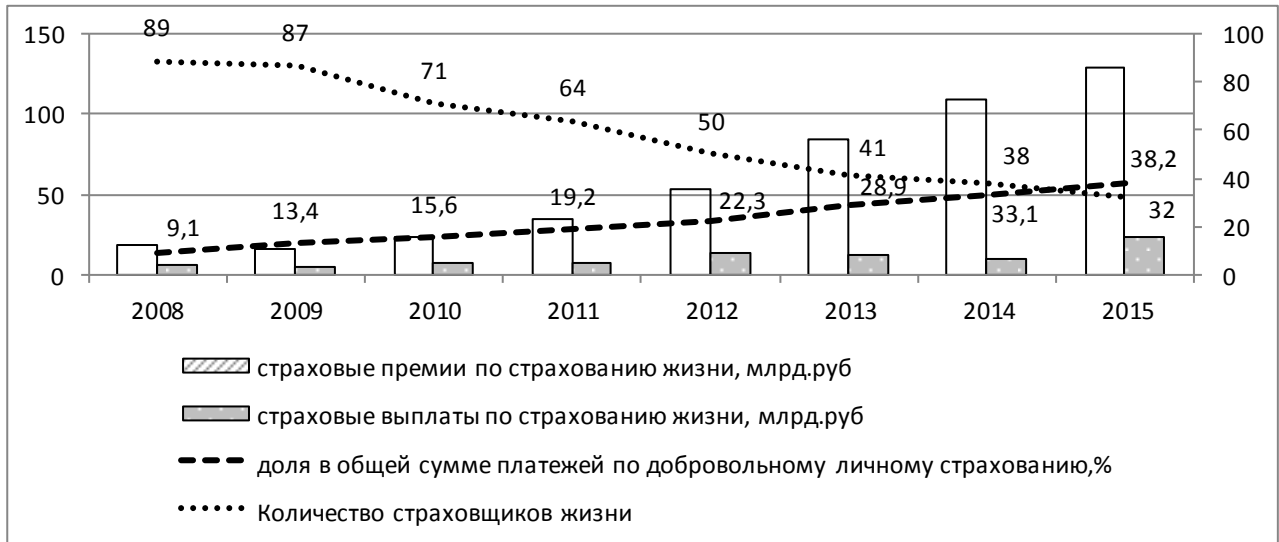

Рисунок 1. Динамика основных показателей развития рынка страхования жизни, млрд руб. [3]

Сокращение количества страховых компаний ведет к дальнейшей концентрации рынка (рис. 2).

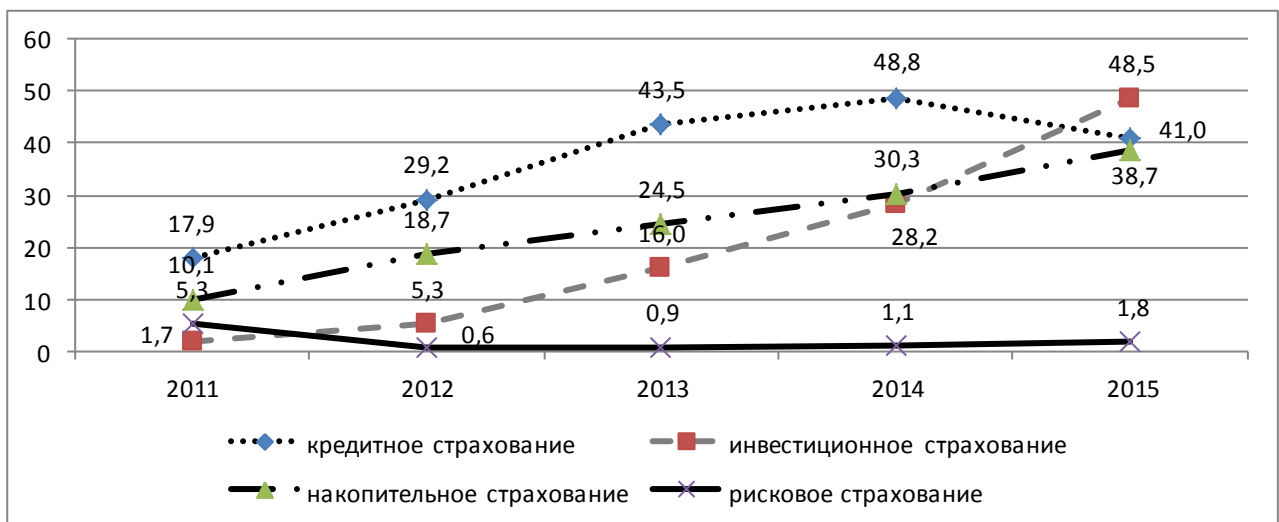

Рисунок 2. Динамика страховых премий по секторам, млрд руб.

Прирост взносов наблюдается во всех сегментах страхования жизни, наибольшие темпы прироста 2015 года по сравнению с предыдущими годами демонстрируют инвестиционные продукты страхования жизни. За прошедшие пять лет структура рынка страхования жизни претерпела значительные изменения. В 2014 году произошла смена драйвера роста сегмента: до этого

рынок страхования жизни рос в основном за счет кредитных продуктов, однако замедление кредитования населения привело к сокращению рынка страхования заемщиков [5].

При этом страхование жизни за счет юридических лиц сократился с 32% в 2008 году до 5% в 2015 году. И в ближайшие несколько лет, скорее всего, рынок страхования жизни, будет расти за счет взносов, полученных от физических лиц (рис. 3).

Рисунок 3. Соотношение премий по страхованию жизни в зависимости от типа страхователей, %

В топ-5 лидерах по ключевым сегментам страхового рынка также произошли изменения. В 2015 году вторую и третью позицию заняли РОСГОССТРАХ-ЖИЗНЬ и АЛЬФАСТРАХОВАНИЕ-ЖИЗНЬ, занимавшие годом ранее, соответственно, третье и четвертое места. Лидером второй год подряд на этом рынке является ООО СК «Сбербанк страхование жизни» (табл. 2).

Таблица 2

Рэнкинг страховщиков по премиям

2013				2014			2015				
	Топ-5 лидеров рынка	Страховые премии, млрд. руб	доля рынка, %	Топ-5 лидеров рынка	Страховые премии, млрд. руб	доля рынка, %	Топ-5 лидеров рынка	Страховые премии, млрд. руб	доля рынка, %		
1	Группа Ренессанс Страхование	20,8	24,5	ООО СК "Сбербанк страхование жизни"	36,5	33,5	ООО СК "Сбербанк страхование жизни"	43,9	33,9		
2	Страховая группа "АльфаСтрахование"	10,7	12,6	Группа Ренессанс Страхование	12,4	11,4	ГК Росгосстрах и Капитал	20,2	15,6		
3	ООО СК "Сбербанк страхование жизни"	9,1	10,7	ГК Росгосстрах и Капитал	12,1	11,1	Страховая группа "АльфаСтрахование"	13,3	10,3		
4	ГК Росгосстрах и Капитал	7,9	9,3	Страховая группа "АльфаСтрахование"	10	9,2	Группа Ренессанс Страхование	12,3	9,5		
5	АО "Страховая Компания Метлайф"	7,7	9,1	АО "Страховая Компания Метлайф"	6,5	6,0	Сив лайф	6,6	5,1		
Процент концентрации рынка по 5-ТОП лидеров			66,1	Процент концентрации рынка по 5-ТОП лидеров			71,1	Процент концентрации рынка по 5-ТОП лидеров			74,4

Как показал анализ современного состояния рынка страхования жизни:

- 1) при стабильном росте собираемости премий, растет и доля в общем объеме платежей по добровольному личному страхованию;
- 2) на сокращение темпов по страхованию жизни в 2014 и 2015 годах отразилась и меры Банка России по «чистке» рынка от недобросовестных и финансово неустойчивых компаний;
- 3) концентрация на рынке страхования жизни выросла. На долю топ-5 компаний по страхованию жизни приходилось 74,4% взносов за 2015 год. Также следует отметить, что все представленные компании относятся к финансово-промышленным или финансовым группам, имеющие в структуре свой банк.

Проблемы развития страхования жизни:

- 1) несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы;
- 2) отсутствие страховой культуры, которая проявляется в низкой финансовой грамотности населения;

- 3) недоверие населения страховым компаниям, которое обусловлено как историческим фактом;
- 4) наличие значительной доли населения, не имеющих возможностей для создания сбережений;
- 5) слабостью инструментов налогового стимулирования населения и организаций к заключению договоров страхования жизни;
- 6) низкой гражданской ответственностью руководителей и учредителей организаций за состояние здоровья, трудоспособности своих работников и финансовой защищенности их семьи в случае смерти такого работника;
- 7) и другие.

Для развития долгосрочного страхования жизни в России необходимо предпринять следующие меры:

1. обязательства социального характера должны быть на 100% гарантированы законом и выполнены страховыми компаниями перед клиентами в полном объеме в плановые сроки [4];
2. средства клиентов должны быть надежно вложены в предписанные и обеспеченные государством ликвидные финансовые инструменты;
3. введение санкций к страховым компаниям, нарушающим требования системы гарантирования страхователям и застрахованным гражданам получения накопленных сумм по договорам страхования жизни [5];
4. обязательный перерасчет (в твердую валюту) накопленной суммы по полису страхования жизни в случае её необратимого обесценения, который производится страховой компанией без ущерба для клиента;
5. «необходимо сделать перестрахование рисков страхования жизни как на национальном и интернациональном уровнях для исключения риска невыплаты по обязательствам перед клиентами» [4];
6. отсутствие срока давности выплат по полисам накопительного страхования жизни;

7. необходимо отменить ограничение по предельной сумме, с которой осуществляется возврат НДФЛ физическим лицам, в случае наличия договора любого долгосрочного страхования жизни; тем самым будет стимулирован спрос на данный инвестиционный инструмент со стороны граждан со средним и высоким уровнем дохода;
8. разработка и реализация «целевых проектов» [5] со стороны государства по стимулированию накопительного страхования жизни. Например, при заключении родителями договора накопительного страхования на срок не менее 15 лет с целью обучения ребенка, государство удвоит сумму страховых выплат. Перевод денежных средств должно производиться страховой компанией на счет учебного заведения. При этом, нецелевое использование страховой выплаты влечет за собой возврат суммы софинансирования страховой выплаты с начисленными на них процентами, а также наложение других санкций.

Для успешного развития рынка страхования жизни в России необходимы следующие основные условия:

- повышение финансовой грамотности населения, в том числе начиная с изучения предмета «экономика» в школах;
- доверие граждан к финансовым институтам, которое может быть достигнуто за счет создания системы гарантирования прав застрахованных лиц по договорам накопительного, смешанного и инвестиционного страхования жизни;
- допуск и осуществление деятельности на рынке только тех компаний, которые финансово устойчивы и обязательно являются членами саморегулируемой организации (СРО);
- наличие высококвалифицированных специалистов и продавцов, способных компетентно донести информацию по продуктам страхования жизни;

- понятная и прозрачная финансовая политика государства, в том числе в области социального страхования;
- сокращение налогового бремени для страховщиков жизни путем введения облегченного налогового режима;
- комплексная стандартизация как основа гарантии качества технологии страхования и страховой услуги, интегрированной в международную практику;
- наличие и повышение платежеспособного спроса населения за счет изменения системы налогообложения доходов граждан, а именно введения прогрессивной шкалы по НДФЛ с началом прогрессии ниже действующей ставки (13%) и введением семейных вычетов;
- комплекс государственных мер поддержки организаций, использующих корпоративные накопительные программы страхования, в том числе по негосударственному пенсионному обеспечению.

В заключение хотелось бы отметить, что развитие рынка страхования жизни способно, во-первых, оживить финансовый рынок России, который находится сегодня в сложной ситуации, что не замедлит отразиться на развитии экономики в целом. С другой стороны, улучшить финансовую и социальную защиту населения, способствуя сохранению достигнутого уровня благосостояния человека (и/или его семьи), а также его психологическому самочувствию. В-третьих, снизить темпы инфляции, поскольку увеличивается спектр применения денежных средств граждан и организаций.

References

1. World insurance in 2015: steady growth amid regional disparities <http://www.swissre.com/sigma/>
2. World insurance in 2014: back to life <http://www.swissre.com/sigma>
3. Одинокова Т.Д. Страхование жизни и его роль в развитии финансового рынка России //Труды Уральского государственного экономического

- университета: сборник научных статей: в 2 т. Ответственный за выпуск Е. Б. Дворядкина. Редакционная коллегия: Е. Г. Анимица; В. Ж. Дубровский; М. С. Марамыгин; А. Ю. Коковихин; В. П. Соловьева. Екатеринбург, 2016. С.52-59
4. Цыганов А.А. Обеспечение гарантий прав и интересов страхователей и застрахованных лиц //Финансы и кредит. 2005. № 18 (186). С. 72-79
5. Мкртчян А. Г. Зарубежное накопительное страхование для граждан России и СНГ-опыт, итоги и перспективы //Страховое дело. 2014. №9 <http://si-consult.ru/zhurnal-straxovoe-delo-o-nakopitelnom-straxovanii-zhizni/#jp-carousel-145>

SECTION 7. PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

UDC 373.31

Kuznetsova M.A. Expertise and modeling educational environment, contributing to the development in primary school children cooperation skills

Экспертиза и моделирование образовательной среды, способствующей развитию у младших школьников навыков сотрудничества.

Kuznetsova Marina Alexandrovna
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula
mrak_71@mail.ru

Кузнецова Марина Александровна
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула

Abstract: In the article shows the sequence of research steps in the design skill development model of cooperation in the educational environment. Evidence expertise educational environment, obtained by the methods of questionnaire, interview, characterize the environment on parameters «latitude», «activity», «emotional». The result of the pilot experiment It was the definition of pedagogical tools, able to contribute to the development in primary school children cooperation skills.

Keywords: educational environment, expertise educational environment, latitude educational environment, emotional educational environment, activity educational environment.

Аннотация: В статье представлена последовательность исследовательских шагов в проектировании модели развития навыка сотрудничества в образовательной среде. Данные экспертизы образовательной среды, полученные с помощью методов анкетирования, опроса, характеризуют среду по параметрам «широта», «активность», «эмоциональность». Итогом пилотного эксперимента стало определение педагогических средств, способных способствовать развитию у младших школьников навыков сотрудничества.

Ключевые слова: образовательная среда, экспертиза образовательной среды, широта образовательной среды, эмоциональность образовательной среды, активность образовательной среды.

Современность диктует новые требования к личности, ее открытости для сотрудничества, готовности к коллективному творчеству, умеющей не только высказывать собственное мнение, но и выслушать чужое. По данным последних исследований, проведенных Corporate Executive Board (CEB)

Скоттом Стейнбергом, ключевыми качествами, которыми должен обладать современный человек являются: *умение расставлять приоритеты, умение работать в команде, организационная осведомленность, эффективное решение проблем, самосознание, проактивность, способность оказывать влияние, эффективное принятие решений, способность к обучению, техническая смекалка.* [5] Подобные требования предъявляются не только крупными корпорациями, но и государством и обществом в целом. Практика доказывает: в основе успеха современного человека лежат умения коллективного взаимодействия, корпоративные черты характера, присущие создателям передовых брэндов, успешным политикам, ведущим ученым, педагогам современности. [2]

Формирование личности, способной к сотрудничеству с другими, готовой к активному взаимодействию необходимо начинать уже с младшего школьного возраста. Учитывая специфику сотрудничества (как социокультурного явления), психологические механизмы и особенности формирования навыков у младших школьников, мы приходим к выводу о необходимости поиска системного педагогического средства, способного обеспечить формирование навыка сотрудничества со взрослыми и сверстниками. По нашему убеждению отдельно взятые педагогические средства (технологии, методы и т.д.) не способны создать необходимые условия для развития навыков сотрудничества. При этом мы исходим из того, что экспериментальные педагогические средства (технологии активного обучения и специально организованная воспитательная работа) должны качественно изменить характеристики образовательной среды. А уже изменённая среда окажет необходимое воздействие на формирование навыка. Образовательная среда, есть педагогическое средство действующее как бы опосредованно, косвенно.

В данной ситуации задача учителя становится шире: он должен создать разнообразное поле деятельности для детей, раскрывающее их потенциальные

возможности, позволяющее ученику удовлетворять свои образовательные потребности. Такое поле для потенциальных возможностей ученика создает *образовательная среда*. [1] Наполнение и качество образовательной среды должны соответствовать решению задач личностного развития и отвечать современным запросам общества, быть адекватными мировым стандартам. [2]

В нашем исследовании в качестве основных характеристик образовательной среды были приняты: *широта, эмоциональность и активность* (по В.А. Ясвину). Объясним выбор именно данных параметром среды. [2]

Широта образовательной среды является ключевой характеристикой в нашем исследовании, т.к. формирование навыка сотрудничества строится на взаимодействии с субъектами среды, в различных социокультурных ситуации, что и определяет данная характеристика. Данный параметр выявляет все существующие связи, процессы и явления, которые протекают не только в образовательном процессе, но и за его пределами. Насыщение данной характеристики необходимым содержанием, приведет к созданию благоприятных условий для развития необходимых личностных качеств ученика, выработке необходимых умений. [2]

Ещё одной важной характеристикой для нашей образовательной среды является – *эмоциональность*. Формирование ценностного отношения к собственным успехам и неудачам не возможно без создания эмоциональной среды, способствующей развитию личностных качеств ребенка. Образовательный процесс должен удовлетворять возрастным особенностям младшего школьника, способствовать развитию личности с адекватными эмоциональными реакциями. Данная характеристика отражает соотношение рациональности и эмоциональности преподаваемого материала: средств, технологий, методик, форм работы. [2]

В качестве значимой для нашего исследования характеристики мы

выделяем – *активность среды*. Этот параметр интересен нам с двух позиций. Во-первых, это прежде всего показатель индивидуальной активности каждого субъекта, включенного в образовательную среду. И эта активность направлена на становление и развитие собственной личности. В любой образовательной среде основной движущей силой является сам ученик, поэтому от его индивидуальной активности зависит и состав окружающей его среды. [2]

Во-вторых, активность образовательной среды есть ничто иное как характеристика интенсивности, насыщенности, концентрированности значимыми свойствами. [2]

Одна из задач нашего исследования заключалась в разработке модели образовательной среды, позволяющей эффективно развивать навыки сотрудничества со взрослыми и сверстниками.

Решение данной задачи целесообразно начать с экспертизы образовательной среды экспериментального класса. Мы исходили из того, что образовательная среда создает условия, необходимые для развития указанных качеств.

Объект нашей экспертизы – это образовательная среда 3-в класса МБОУ «Центра образования №6».

Предметом экспертизы будут выступать её характеристики (широта, эмоциональность, активность) имеющие принципиальное значение для нашего исследования.

Цель экспертизы – оценка соответствия характеристик образовательной среды решению задачи развития навыков сотрудничества.

В качестве экспертов выступили все участники образовательного процесса – учащиеся экспериментального класса, их родители, педагоги и администрация МБОУ ЦО №6.

Для экспертизы образовательной среды по параметрам «*широта*», «*активность*», «*эмоциональность*» нами использовался метод опроса

родителей учащихся, учителей работающих с классом и администрации школы. Опросник состоял из трёх блоков вопросов, каждому из которых соответствовал определенный параметр образовательной среды.

Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале характеристики взаимодействия школы с социальными партнерами, интенсивность использования учителями педагогических технологий, насыщенность воспитательной работы в классе и т.д.

Таблица 1.

Сводные данные оценки «широты» образовательной среды.

Вопросы анкеты:	Родители	Учителя	Администрация	<i>Средний балл</i>
1. Широта материальной базы	3,12	2,87	3,76	3,25
2. Использование ресурсов социума	3,05	3,86	3,95	3,62
3. Взаимодействие с другими образовательными учреждениями	2,17	3,26	3,32	3,62
4. Практика приглашения гостей	3,18	2,88	3,43	3,16
5. Организация активного отдыха учащихся	2,67	3,45	4,67	3,6
6. Использования интерактивных форм образовательного процесса	1,8	2,59	3,18	2,52
7. Разнообразие форм воспитательной работы в классе	3,82	3,33	4,09	3,75
8. Взаимодействие с родителями	3,17	1,89	3,23	2,76
<i>Средний балл:</i>	2,87	3,02	3,7	3,2

Проанализировав результаты, можно констатировать, что средний балл по параметру «широта образовательной» среды немного выше среднего (3,2). Причем общий балл широты образовательной среды данный родителями меньше, чем оценка учителей и администрации. Это может свидетельствовать об общей неудовлетворённости родителями данной характеристики образовательной среды. Такие показатели не стимулируют ее участников к более высокой активности или свободному формированию и выражению своего мнения, что является базой для развития навыков сотрудничества.

Для оценки учащимися образовательной среды по параметру «широта»,

нами, применялось анкетирование учащихся. По результатам анкеты было выявлено, что 26% учащиеся предрасположены к сотрудничеству со взрослыми, хотя и не умеют ещё его правильно строить. Им нравится коллективно решать поставленные задачи, мероприятиями, которые им больше всего понравились они назвали праздники: «День матери» и «Посвящение в первоклассники», к которым велась подготовка всем классом. 74% учащихся оценили широту среды класса как «низкую», т.е. недостаточную. Этим учащимся не нравится взаимодействовать с другими, но комфортно выполнять все задачи самостоятельно. Мероприятиями, которые им больше всего понравились они назвали те мероприятия, где не требовалось сотрудничать с учениками: «1 сентября», поход в кино. Они с неохотой выполняют проекты, самые интересные уроки для них «те, в которых бывают самостоятельные работы».

Таким образом, проанализировав результаты опросника родителей, учителей, администрации и учащихся, можно сделать вывод, о недостаточности разнообразия структуры учебного процесса, узкой специфики компонентов образовательного процесса и малом количестве субъектов включенных в образовательный процесс. Что не создает необходимых условий для развития навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками.

Для экспертизы «активности» образовательной среды, применялся 2 блок вопросов опросника для родителей, учителей и администрации школы, а также видоизмененная методика изучения активности личности учащегося (разработанная профессором М.И. Рожковым).

Таблица 2.

Сводные данные оценки «активности» образовательной среды.

Вопросы анкеты:	Родители	Учителя	Администрация	Средний балл
1. Качество созданных условий для проявления учениками активности	2,12	3	4,2	3,11
2. Оцените активность личности классного руководителя	3,93	3,72	4,6	4,08

3. Создана ли в классе доброжелательная, демократическая среда?	2,14	1,86	3,1	2,37
4. Принимают ли учащиеся участие в организации воспитательных мероприятий (праздников, поездок и т.д.)	2,48	3,04	2,88	2,8
5. Разнообразии активных форм воспитательной работы в классе	2,3	3	2,8	2,7
6. Частота использования интерактивных форм образовательного процесса	1,5	2,5	2	2
7. Разнообразии форм взаимодействия детей и родителей	1	1,5	2	1,5
<i>Средний балл:</i>	2,21	2,66	3,07	3,2

Анализ результатов оценки «активности» среды родителями, учителями и администрацией школы, в среднем равен 3,2 балла, что соответствует среднему уровню. Самый маленький средний балл по ответам наблюдается по вопросу форм взаимодействия детей и родителей, что свидетельствует о том, что родители хотели бы проявлять большее участие в жизни детей, но возможно не знают как. Также, проблемные зоны обозначены в использовании учителем интерактивных форм образовательного процесса. Различие в оценках более, чем в 1 балл наблюдается в качестве созданных условий для проявления учениками собственной активности, родители оценили эту категорию существенно ниже. В целом, оценка «активности» образовательной среды родителями, учителями и администрацией – средняя.

Анализ результатов полученных с помощью методики М.И. Рожкова показал, что 53% учащихся оценивают «активность» образовательной среды на «среднем» уровне. Эти учащиеся уверены, что их могут выслушать и дать высказаться, хоть и не всегда. Они видят, что порой им оказывается поддержка, что они готовы стараться, чтобы добиваться успеха. Оставшиеся 47% учащихся оценили «активность» образовательной среды, как «низкую», потому что не стремятся добиваться успеха, не уверены, что им будет оказана поддержка и не стремятся побеждать.

Таким образом, «активность» существующей образовательной среды находится на среднем уровне. Однако, для эффективного развития у учеников

навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками, такого уровня характеристики будет недостаточно.

Для экспертизы «эмоциональности» образовательной среды, применялся 3 блок вопросов опросника для родителей, учителей и администрации школы, а также видоизмененная методика Н.Е. Щурковой «Круги».

Таблица 3.

Сводные данные оценки «эмоциональности» образовательной среды.

Вопросы анкеты:	Родители	Учителя	Администрация	Средний балл
1. Эмоциональность подачи учебного материала учителем.	3,7	2,88	3,57	3,37
2. Применение учителем эмоционально-ценностных для детей технологий	3,97	3,66	3,89	3,84
3. Качество организации внеклассных мероприятий	4	2,27	3,08	3,12
4. Качество создания условий для раскрытия индивидуальности учащихся	3,56	2,46	2,58	2,86
5. Качество организации активного отдыха учащихся	2,7	2,89	3,7	3,09
6. Качество использования интерактивных форм образовательного процесса	1,57	1,78	2,69	2,01
7. Участие родителей в жизни класса	2,07	1,02	1,87	1,67
Средний балл:	3,08	2,3	3,05	2,8

Средняя оценка «эмоциональности» образовательной среды данная родителями, учителями и администрацией школы равна 2,8 баллов, что говорит о её низком уровне. В зоне риска оказались такие характеристики, как качество использования интерактивных форм образовательного процесса и участие родителей в жизни класса.

Оценка учащимися «эмоциональности» образовательной среды показала, что 48% учеников находятся в «зоне благополучия», из них 16% оценивают эмоциональность среды, как высокую. 32% учащихся определили уровень среды, как средний. Этой категории детей комфортно в школе, у них есть друзья, школа вызывает у них всегда или почти всегда положительные эмоции.

Оставшаяся часть класса, 52% учащихся, находятся в зоне неблагополучия и оценивают эмоциональность образовательной среды как низкую. Из которых 26% учеников испытывают отрицательные эмоции к школе и 26% – не испытывают никаких эмоций вовсе.

В итоге, можно сделать вывод о низком уровне «эмоциональности» образовательной среды. Данная характеристика, также, сказывается на микроклимате класса, на взаимоотношениях детей и не удовлетворяем требованиям, необходимым для развития у учащихся навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в такой среде формируется личность, которая характеризуется активностью освоения и преобразования окружающего мира, высокой самооценкой. [4] Но в тоже время, такому ребенку трудной работать в группе, идти на компромисс, прислушиваться к чужому мнению. Такой ученик не готов к коллективной ответственности и не умеет распределять роли. Ему проще сделать всю работу самому по его личному плану. В связи с этим, мы можем сделать вывод, что данная среда не является благоприятной для формирования и развития у учащихся навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками.

Информация, полученная в ходе экспертизы среды, позволила определить, какие её параметры требуют расширения и преобразования. При построении модели образовательной среды с заданными свойствами, мы опирались на характеристики «психодидактической модели образовательной среды, в рамках парадигмы развивающего образования» В.И. Панова. [3]

Разработка модели проходила в несколько этапов. Сначала мы определились с формальными параметрами образовательной среды. Для нашего исследования мы использовали следующие характеристики: *широта, эмоциональность, активность*. Эти свойства насыщают всю образовательную среду, на всех этапах её построения.

Затем, мы разработали структуру и состав навыков сотрудничества и определили их место в модели.

Далее, в ходе пилотного исследования, мы подобрали педагогические средства, способные изменить характеристики образовательной среды таким образом, чтобы она несла в себе потенциал для развития навыков сотрудничества.

Таковыми средствами являются *групповые технологии*. Ценность данной технологии заключается в том, что с помощью неё будет обогащена ориентировочная основа действия навыка сотрудничества. Учащиеся узнают выстраивать алгоритм совместной деятельности, узнают о том, как можно в группе распределять коммуникативные роли, как организовывать совместную работу, а также о взаимопомощи и взаимопроверке. Также данные средства развивают у детей исполнительную часть действия: ученики научатся принимать во внимание желания и действия партнёра, понимать эмоциональное состояние участников действия, избегать конфликты. Рефлексия, которая проводится после окончания работы в группах, будет способствовать развитию у учеников контрольно-корректировочной части действия: анализу собственных действий, оценка работы и достижения целей.

Ещё одним, не менее важным, средством стали *диалоговые технологии*. Эти технологии учитель, вместе с учениками, использует при распределении функций и форм их участия в коллективной работе; происходит подготовка учащихся к роли оппонента. Школьники учатся задавать вопросы, делать замечания или дополнять. Иными словами взаимодействовать на фоне определенной проблемы или ряда проблем. Также, с помощью этих средств организовываются обсуждения и дискуссии.

Диалоговые технологии могут принимать формы деловой игры, «мозгового штурма», круглого стола, проблемно-поисковых диалогов, эвристической беседы и др.

Диалоговые технологии также будут способствовать развитию у учащихся ориентировочной основы действия, в частности о способах взаимодействия с учителем: алгоритм и рациональные способы совместной деятельности; знания об этических нормах действия: необходимость учитывать мнение других, правила ведения диалога. Регулярное применение различных форм диалоговых технологий, обеспечит развитие исполнительной части навыка, учащиеся научатся: задавать вопросы; высказываться и аргументировать свою точку зрения; вести диалог (дискуссию); понимать настроение другого; принимать чужую точку зрения.

Ещё одним эффективным средством развития навыков сотрудничества у младших школьников является *проектная технология*.

Проектная деятельность строится на основе взаимодействия учителя и ученика, ученика и родителя. Она выступает важнейшим средством самореализации и самоутверждения ребенка, способного определить цель, смысл предстоящей деятельности. Замысел проекта объединяет, роли распределяются, далее идёт содержательная работа. Так складываются группы, которые могут стать первым толчком к созданию прочных дружеских связей. Предлагая детям участвовать в проектной деятельности, мы получаем возможность управлять созданием групп. В групповых проектах у участников формируются все навыки, входящие в состав учебного сотрудничества.

Проектная технология может реализовываться учеником индивидуально с учителем и родителями, а также иметь коллективный характер. К последнему виду относятся и коллективно-творческие дела (КТД).

Благодаря коллективно-творческим делам, учащиеся получают знания о способах взаимодействия с родителями, другими учениками. Находят эффективные способы действий, учатся распределять роли, осуществлять взаимоконтроль.

С помощью проектной технологии, учащиеся овладеют такими действиями исполнительской части навыка, как: применение рациональных способов совместной деятельности; уметь распределять роли; работа по инструкции и заданному образцу; организационные действия; действия контроля и корректировки совместной деятельности.

При регулярном применении проектной технологии, учащиеся вырабатывают свой собственный стиль деятельности, привыкают к определенному алгоритму, подходят к делу более системно и качественно. Взаимодействие между детьми и родителями становится более эффективным и мобильным.

Помимо технологий, для развития навыков сотрудничества нами применялась специально организованная *воспитательная работа* (походы, поездки, праздники). Исполнительная часть развития навыка активно проявлялась на культурных мероприятиях: поездках, походах, экскурсиях, соревнованиях, праздничных мероприятиях. В этой ситуации ученики взаимодействовали не только с учителем и друг с другом, но также с родителями и учениками из других классов.

На совместных с родителями и другими классами культурно-массовых мероприятиях, учащиеся «оттачивают» навыки сотрудничества. Они будут стремиться добиться лучшего результата, самостоятельно распределяя роли в группе, применяя наиболее рациональные способы действий и чувствуя личную ответственность за свою часть работы. Навыки, формируемые на данной ступени, обеспечивают не только дальнейшее развитие ребенка, но и активное восприятие, и осмысление повседневной жизни.

Ценность данной формы работы состоит в том, что умение учиться познавать и преобразовывать мир, ставить проблемы, находить разные пути решения; учиться сотрудничать с другими учащимися и взрослыми не

привязываются только к урочной деятельности, но и также формируются за её пределами.

«Сотрудничество» это сложный социокультурный феномен, который требует системного подхода. Научить сотрудничеству можно при условии «погружения» ребенка в пространство насыщенное контактами, общением, взаимодействием с разными людьми. При этом совмещаются усилия в достижении одних и тех же целей, объединяются различные действия, распределяются роли и согласуются средства.

Обобщив сказанное можно представить графическую модель преобразования образовательной среды для решения задач формирования навыков учебного сотрудничества со взрослыми и сверстниками.

Рисунок 1. Модель развития навыка сотрудничества в образовательной среде.

Важно отметить, что в результате проектирования такой образовательной среды, мы не только развиваем у учащихся определенную группу навыков, а также формируем сплочённый детский коллектив. Как «побочный» эффект у школьников развиваются такие качества, как милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь, умение дружить.

References

1. Заир-Бек Е. С. Понятие «образовательная среда школы» и подходы к ее оцениванию в современных исследованиях [Электронный ресурс] / Е. С. Заир-Бек // The Emissia.Offline Letters, электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). – 2011. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1683.htm> (дата обращения: 15.11.2014).
2. Кузнецова, М.А. Исследования образовательной среды в контексте развития навыков сотрудничества у младших школьников [Текст] / М.А. Кузнецова // Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения академика РАО В.В. Краевского, Тула, 2016.
3. Панов В. И., Психодидактика образовательных систем: теория и практика. [Текст] – Санкт Петербург: Питер, 2007. — 352 е.
4. Рубцов В.В., Улановская И.М., Яркина О.В. Психологический климат как характеристика образовательной среды школы. [Текст] / Экспериментальные площадки в московском образовании. - Вып. 2. М.: МИПКРО, 1998.
5. Стейнберг С., The 10 Commandments of Social Media for Brands.: [Электронный ресурс] / Scott Steinberg. URL: mashable.com (дата обращения: 07.09.2016).

UDC 37

Nevolina V.V. Professional self-development as a pedagogical phenomenon

Профессиональное саморазвитие личности как педагогический феномен

Nevolina V. V.

FSBEI "Orenburg state medical University"

Orenburg

nevolina-v@yandex.ru

Неволина В.В.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет»

г. Оренбург

Abstract: the article analyses the modern study of the problem of professional self-development of personality, justifies the necessity of constant self-improvement, personal and professional growth of future specialists.

Keywords: self-development, professional self-development, structural components, factors and conditions of professional self-development of personality.

Аннотация: в статье проанализированы современные исследования проблемы профессионального саморазвития личности, обоснована необходимость постоянного самосовершенствования, профессионального и личностного роста будущих специалистов.

Ключевые слова: саморазвитие, профессиональное саморазвитие, структурные компоненты, факторы и условия профессионального саморазвития личности.

Анализ современных исследований Э.Ф. Зеера, В.В. Кузнецова, В.С. Леднева, А.М. Новикова, И.П. Смирнова, Е.В. Ткаченко, В.А. Федорова, В.Г. Маралова, В.И. Моросановой, А.В. Мудрика, Л.Н. Куликовой и др. свидетельствуют о возрастающем интересе научного сообщества к проблеме профессионального саморазвития, и в этой связи к определению педагогических условий, факторов, проектированию содержания профессионального образования.

Одним из важнейших требований, предъявляемых к современным профессионалам, является необходимость постоянного самосовершенствования, профессионального и личностного роста. Особенно важным является саморазвитие в период первичной профессионализации, когда

происходит формирование профессионально важных качеств специалиста, структуры профессиональных ценностей.

Важным условием формирования профессиональных качеств будущих специалистов выступает нацеленность обучающихся на профессиональное саморазвитие. Следовательно, обеспечение процесса саморазвития студентов является важнейшим элементом процесса обучения в высших учебных заведениях.

Анализ различных подходов к исследованию профессионального саморазвития, позволил установить такую особенность, как ориентированность его на будущее. Например, в работах М.М. Бахтина смысловое будущее рассматривается как идеальное проецирование человеком себя в будущее, как область, ценностно-мотивирующую личностное развитие. Важную роль играют представления субъекта о будущем, конструирование картины своего профессионального будущего, нахождение личностных смыслов в выполнении профессиональной деятельности. А.К.Маркова подчеркивает, что важно «стимулировать мотивационную сферу будущего специалиста (ценностные ориентации профессии, мотивы, цели, эмоции, установку на адаптацию, определяющие направленность личности), а затем на ее основе операциональную сферу (профессиональные знания, профессиональные способности, профессиональное мышление, профессиональные действия и технологии)».

В настоящее время предпосылкой актуализации проблемы профессионального саморазвития являются психолого-педагогические исследования, отмечается нарастающий интерес гуманитарных наук к саморазвитию. Обращает на себя внимание факт, что значимые характеристики профессионального саморазвития носят прогностический, перспективный характер. Другим результатом исследований является педагогический характер ожидаемых результатов: необходимые качества формируются в вузе. Таким

образом, результаты мониторинга демонстрируют потребность в формировании ресурса, пополняющего и развивающего это качество [9].

Среди тенденций современной педагогической концепции можно выделить ориентацию на всестороннее изучение профессионального саморазвития личности современного студента. Инновации науки 21 века существенно влияют на требования, предъявляемые к формированию и развитию личности студента в профессиональном образовании. Ожидаемые результаты современного образования должны включать характеристики саморазвития личности: стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности [8].

Можно привести целый ряд точек зрения на профессиональное саморазвитие личности.

Таблица 1

Профессиональное саморазвитие с позиции разных авторов

Автор	Взгляд на профессиональное саморазвитие
Т.А. Макаренко	Профессиональное саморазвитие как процесс усвоения различных аспектов труда (профессиональных ролей, мотивации, знаний, умений, опыта).
Р.С. Немов	Профессиональное саморазвитие является источником делового самосовершенствования, связанного с развитием у человека целого комплекса профессионально необходимых качеств, включая способности, умения и навыки, важные для успешной работы по избранной специальности
Е.Е. Чудина	Профессиональное саморазвитие - внутренне обусловленное прогрессивное самоизменение человека, выражающееся в изменении качества его профессиональной деятельности и диалектически связанное с динамикой изменения этого качества.
Л.А. Байкова Л.К. Гребенкина	Профессиональное саморазвитие - сознательная деятельность, направленная на совершенствование своей личности в соответствии с требованиями профессии к человеку.
Н.В. Самоукина	Профессиональное саморазвитие - целенаправленное самоформирование в себе тех качеств, которые необходимы для успешного выполнения будущей профессиональной деятельности.
М.Р. Битянова	Профессиональное саморазвитие - многокомпонентный личностно и профессионально значимый процесс, способствующий формированию индивидуального стиля профессиональной деятельности, помогающий осмыслению передового опыта и собственной самостоятельной деятельности, а также являющийся средством самопознания и самосовершенствования

В.А. Сластенин	Профессиональное саморазвитие - процесс интеграции внешней профессиональной подготовки и внутреннего движения, личностного становления человека. Внешняя профессиональная подготовка задает содержание, формы, схемы профессиональной рефлексии, а внутреннее движение обеспечивает энергию, реализацию, личностный смысл профессионального саморазвития.
А.А. Деркач В.Г. Зазыкин	Профессиональное саморазвитие - процесс развития личности, ориентированный на высокий уровень профессионализма и профессиональных достижений, осуществляемый с помощью обучения и саморазвития в процессе профессиональной деятельности и профессиональных взаимодействий
А.И. Бондаревская	Профессионально-личностное саморазвитие - взаимодействие процессов, отражающих собственные усилия личности в самоосуществлении себя как достойного человека и компетентного специалиста, постижении ценностей и смыслов жизни и профессии, вхождении в собственный личностный образ, выстраивании Я-концепции, овладении способами личностной саморегуляции и профессиональной самоорганизации
А.М. Бондарькова	Под профессиональным саморазвитием понимает процесс осознанного целенаправленного развития себя как профессионала, который включает самостоятельное совершенствование своих знаний, умений, личностных и функциональных качеств, обеспечивающих развитие компетентности, направленной на эффективную профессиональную деятельность.

Таким образом, профессиональное саморазвитие личности направлено на позитивное изменение личностных и профессиональных качеств на основе самопознания, самоопределения, самоуправления, самоорганизации, самосовершенствования и самореализации в его профессиональном становлении.

Профессиональное саморазвитие – показатель субъективности личности на всех этапах непрерывного профессионального образования. Данное интегративное качество личности является условием эффективной профессиональной деятельности, обобщающим показателем профессиональной компетентности будущих специалистов, целью профессионального самоусовершенствования. Далее рассмотрим структуру данного феномена.

С.А. Алешина под «саморазвитием личности студента» рассматривает становление интегративного качества — субъектности, включающего мотивационный (мотивы выбора профессии и степень выраженности

профессиональных мотивов и интересов), деятельностный (профессиональные знания, умения, познавательная активность и самостоятельность) и рефлексивно-регулирующий (самооценка способностей к самообразованию и саморазвитию личности, самооценка способностей к самоуправлению и особенностей коммуникативно-лидерских качеств личности) компоненты [1].

А.В. Коуров под системой профессионального саморазвития студента вуза понимает вид интеллектуального развития и становления личности, включающий компоненты, отражающие совокупность личностных качеств, способностей, психологических состояний, знаний, умений и навыков, необходимых для достижения студентами высокого уровня профессионального становления. Система профессионального саморазвития включает индивидуальные особенности субъекта обучения, будущую профессию, профессиональный уровень и особенности профессии с точки зрения самого обучаемого. А.В. Коуров выделяет следующие структурные компоненты профессионального саморазвития: мотивационно-целевой, содержательный, операционально-действенный, рефлексивно-оценочный.

Опираясь на анализ исследований, касающихся содержания профессионального саморазвития, в работе С.Ю. Тухватуллиной определен четырехкомпонентный состав рассматриваемого феномена:

- 1) мотивационно-целевой (стремление личности к саморазвитию, содержит мотивацию достижения и мотивационную готовность к самообразованию),
- 2) личностно-ценностный (терминальные ценности и профессионально значимые личностные качества),
- 3) профессионально-деятельностный (цель-средство-результат),
- 4) рефлексивно-оценочный (рефлексия (уровень субъективного контроля) - самооценка (самооценка своих качеств, самооценка готовности к самообразовательной деятельности) - индивид - саморазвитие).

Ю.В. Андреева рассматривает профессиональное саморазвитие личности студента как интеграцию интеллектуальных и физических возможностей личности, формирующиеся личностные, социальные и профессиональные компетенции, компетенции самооценки и акмеологические установки мотивации достижений в соединении внешних и внутренних условий, субъективных и объективных факторов образовательного процесса. Способность к саморазвитию создает преимущества к интенсивности профессионального развития, в продуктивной социализации и стабильности на протяжении всей профессиональной карьеры [2].

С.А. Цепляева под профессиональным саморазвитием студентов вуза понимает внутренне обусловленное прогрессивное самоизменение личности, выражающееся в изменении качества учебно-профессиональной деятельности и диалектически связанное с динамикой его изменения, представляющее собой единство компонентов:

- мотивационного (компетенции: стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства; сформированность профессиональных интересов),

- когнитивно-деятельностного (компетенции: способность и готовность к приобретению новых знаний, критическому восприятию информации, ее анализу и синтезу, изучению, систематизации и обобщению научно-технической информации, использовать информационные технологии и базы данных в профессиональной области),

- оценочно-рефлексивного (компетенции: осознание и оценка себя и своих способностей, поступков, мотивов и целей; способность конструктивно строить взаимоотношения с окружающими; осознание требований социума и их анализ с точки зрения поставленных целей профессионального саморазвития; способность к осмыслению результатов саморазвития в профессиональной сфере деятельности).

С.В. Бабина рассматривает компетенцию профессионального саморазвития студентов вуза как способность человека реализовать на практике свой субъектный опыт в области профессионального самоопределения и самореализации на основе осознанной саморегуляции своей учебно-профессиональной деятельности [3].

Е.А. Дерябина выделяет предпосылки саморазвития (активность – пассивность); побудительные характеристики (самооценка, уровень притязаний, мотивы эгоцентрические и социоцентрические); личностные характеристики (ответственность, самокритичность, самодостаточность, целеустремленность, сила воли); процессуальные свойства (прогнозирование, принятие решений, контроль, результат).

Итак, на основе анализа психолого-педагогической литературы профессиональное саморазвитие личности можно представить как процесс интеграции структурных компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-волевого, конструктивно-деятельностного, рефлексивного и результативного, которые характеризуются неравномерностью развития и взаимосвязанностью, т.к. изменение одного из них является условием развития любого другого.

- Мотивационно-ценностный компонент раскрывается через ценностные ориентации, личностные смыслы, потребности, интересы, мотивы внешнего стимулирования и внутреннего самоутверждения, что определяет содержательную сторону профессионального саморазвития. Он отражает психологический настрой, осознание себя как профессионала, своих профессиональных затруднений и лично значимых профессиональных качеств, целеполагание в условиях профессионального саморазвития.

- Когнитивный компонент включает в себя знание методик самоанализа и самодиагностики, технологические знания (система методов, средств, форм и механизмов профессионального саморазвития личности).

- Эмоционально-волевой компонент раскрывается через эмоционально-положительное отношение к содержанию и процессу профессионального саморазвития, осознание и позитивное восприятие собственного образа «Я» как профессионала, эмоциональную устойчивость, способность контролировать процесс саморазвития.

- Конструктивно-деятельностный компонент включает самостоятельную интерпретацию условий профессионального саморазвития, умение проектировать и реализовывать саморазвитие путем оптимального выбора форм и технологий реализации целей и задач саморазвивающей деятельности, отслеживать ход этого процесса.

- Рефлексивный компонент отражает способность к самопознанию и самооценке профессиональной деятельности и своей личности, рефлексивному анализу процесса самореализации, самоконтролю эффективности собственных действий, коррекции результата, стимулирует развитие способности к работе над собой.

- Результативный компонент включает в себя новообразования профессиональных знаний и умений, личностно-значимых качеств, процессов «самости», результаты профессиональной деятельности.

Итак, важнейшим качеством современного профессионала становится способность к самоактуализации в современных условиях – умение выдвигать новые цели и проектировать индивидуальную стратегию, траекторию саморазвития.

В качестве факторов профессионального саморазвития, представляющих собой источники влияния на личностную сферу, приводящие к прогрессивным, позитивным изменениям характеристик, появлению новых свойств и качеств, И.В. Бабичев выделяет следующие: индивидуально-характерологический, мотивационный, аутопсихологический, временной, образовательный, организационный, педагогический, социально-психологический [4].

Мотивационный фактор является одним из эффективных способов профессионального качественного изменения личности, средством воздействия на достижения

Обзор проблемы саморазвития личности в психологии, предложенный Н.Р. Битяновой, позволяет выделить следующие положения: развитие личности происходит в процессе успешного овладения значимой для субъекта профессиональной деятельностью; профессионализация оказывает влияние на личность, ведет ее к личностному росту, либо к деформации, выступая, тем самым, фактором саморазвития, определяющим его динамику и направленность; основными содержательными характеристиками саморазвития являются: ценностные ориентации, смысловые образования, Я-концепция, мотивационно-волевые компоненты, целеполагание; саморазвитие, личностный рост возможен лишь в том случае, если личность выступает активным субъектом деятельности и движется по пути самореализации, руководствуясь значимостью этой деятельности [5].

Таким образом, сущностью профессионального саморазвития является готовность решать актуальные и перспективные профессиональные проблемы, осознавать социальную значимость и личную ответственность за результаты профессиональной деятельности, необходимость постоянного самосовершенствования и ориентацию на профессиональную успешность.

Условиями саморазвития личности студента в образовательном пространстве с позиции С.А. Алесиной, являются: организация образовательного процесса с выраженной ориентацией на профессию; интеграция образовательных технологий саморазвития личности студента; актуализация рефлексивности личности студента [1].

«Главным условием развития способности к профессиональному саморазвитию является расширение профессионального самосознания человека, – считают А. Витовский и Л. Милина. – ... на начальной стадии

участники обучения получают важные для их профессиональной деятельности знания, занимаются работой, направленной на самопознание, обмениваются информацией о способах решения проблемных ситуаций. В результате студенты начинают лучше понимать себя, видеть альтернативные стратегии действий в конкретных ситуациях, запускается процесс переоценки собственных установок и способов взаимодействия с людьми. В результате использования активных методов обучения: ролевые игры, тренинги, коуч-практикумы, студент апробирует новые стратегии разрешения этих ситуаций, идет обучение навыкам самоанализа, регуляции собственных эмоциональных состояний, пониманию состояний других людей. В итоге, самооценка студента становится более адекватной, арсенал способов решения внутренних и межличностных трудностей расширяется, и в конечном счете, у человека формируется потребность в творческой самореализации...» [6].

Этапы становления профессионального саморазвития личности (Э.Ф. Зеер, Л.М. Митина, А.К. Маркова, В.А. Сластенин и др.):

1. Адаптационный – формирование у студентов профессиональных намерений, системы знаний о саморазвитии личности и ее профессиональной направленности, формирование адекватных представлений о профессиональном саморазвитии.

2. Исполнительный (непосредственная профессиональная подготовка) Приобретение студентами нового способа действия с приобретением теоретических и практических основ. Организация специальных практических занятий в рамках учебных дисциплин, спецкурсов по саморазвитию личности.

3. Деятельностно-корректировочный – освоение и закрепление на практике новых операционных действий студентов. Данный этап связан с профессионализацией, вхождением в профессию, ее освоением и профессиональным самоопределением. Эта цель достигается во время

прохождения практики при самостоятельном решении студентами учебных и практических ситуаций.

Роль саморазвития в период обучения: студент анализирует и оценивает собственные качества, соотносит их с нормами и требованиями профессии и учебной деятельности. Основными результатами саморазвития на этапе профессиональной подготовки являются: определение человеком себя относительно критериев профессионализма в избранной профессии, выработанных в обществе (взаимное соответствие или не соответствие требований человека к профессии и профессии к человеку, определение уровня своих достижений, оценка готовности); принятие или непринятие социально-профессиональных ролей (статуса студента и специалиста); выработка позитивного или негативного отношения к учебе и будущей профессии; значимость учебы и профессиональной деятельности; профессиональный план.

Л.М. Калнинш рассматривает профессионально-динамическую систему саморазвития, как систему, в которой предполагается самонаблюдение, обучение или переподготовка и рефлексивное самоуправление личностно-профессиональным развитием, систему, в которой инициатором и регулятором своего развития становится сам человек [7]. Профессиональное саморазвитие личности представляет собой деятельность, направленную на становление новых и усиление имеющихся позитивных личностных качеств, профессиональных умений и навыков.

В работах Ш.А. Амонашвили, А.К. Марковой, Г.М. Коджаспировой, Н.В. Кузьминой подчеркивается, что при выявлении уровня профессионального саморазвития личности важно видеть, не только застывшие психологические особенности, т.е. то, что уже достигнуто, сколько само стремление к исследованию собственных достижений, что позволило выявить актуальность анализа результатов личностно-профессионального саморазвития.

Критериями и показателями профессионального саморазвития личности являются:

- профессиональные качества: способность обучаться на протяжении всей жизни, способность работать над профессиональным самосовершенствованием; владение навыками здоровьесбережения и профилактики профессионального выгорания.

- профессиональные компетенции: обучение на протяжении всей жизни; профессиональная мобильность; инновационный поиск.

- профессионально-личностные качества: способность саморазвиваться, ассимилировать новые навыки самостоятельно, быть мобильным, легко адаптироваться к изменяющимся условиям образовательной среды [10].

Таким образом, профессиональное саморазвитие представляет собой многокомпонентный и профессионально значимый процесс целенаправленной деятельности по непрерывному самоизменению, сознательному управлению своим профессиональным развитием, выбору целей, путей и средств профессионального самосовершенствования. Профессиональное саморазвитие способствует формированию индивидуального стиля профессиональной деятельности, помогает осмыслению опыта и собственной самостоятельной деятельности.

References

1. Алешина, С.А. Саморазвитие личности студента в образовательном пространстве педагогического колледжа: дис..... канд. пед. наук / С.А. Алешина. – Оренбург, 2003. – 184 с.

2. Андреева, Ю.В. Саморазвитие как личностный рост в контексте психолого-педагогических стратегий / Ю.В. Андреева // Образование и саморазвитие. – Казань. - № 6(34). - 2012г.

3. Бабина, С. В. Формирование компетенции профессионального саморазвития студентов вуза: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / С.В. Бабина.- Москва. - 2009.- 152 с.
4. Бабичев, И.В. Акмеологические факторы развития профессионально важных качеств оперативных сотрудников правоохранительных органов: автореферат канд. психол. наук / И.В. Бабичев. - Москва. - 2011.
5. Битянова, М.Р. Психология личностного роста / М.Р. Битянова. - М.: Междунар. пед. Академия. - 1995. - 64 с.
6. Витковский, А. Педагогическая направленность на ребенка: диагностика, поддержка, развитие / А. Витковский, Л. Митина // Первое сентября. – 2012. – № 19.
7. Калнинш, Л.М. Теоретическая модель саморазвития учителя в профессионально динамической системе / Л.М. Калнинш // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3 (22). – С. 248–251.
8. Митина, Л. М. Личностное и профессиональное развитие человечества в новых социально-экономических условиях // Вопр. психологии. — 1997. —№4. —С. 28—38.
9. Неволina, В.В. Ресурсы профессионального саморазвития личности студента в медицинском образовании: теория и методология. Монография / В.В. Неволina. – Оренбург: Издательство «Перо», 2016. – 194с.
10. Шаршов, А.И. Профессионально-творческое саморазвитие субъектов образовательного процесса в вузе: дис..... докт. пед. наук / А.И. Шаршов. – Белгород.- 2005. -524с.

UDC 159.9.07

Tukhtieva N.Kh. Influence of irrelevant information on the contradictions³

Влияние иррелевантной информации на противоречия

Tukhtieva Nargiz Khamraevna

Saint Petersburg state university, Saint Petersburg
tukhtieva_n@mail.ru

Тухтиева Наргиз Хамраевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Abstract. This paper considered the possibility of the influence of irrelevant information to solve problems in a situation of contradiction. Object of this research was Einstellung effect as response to the contradictions. Research methods: fixed set method (D.N. Uznadze), and the method used in experiments of A.S. Luchins («water jar problem»). Problem of this research is studying of Einstellung effect in the conditions of regular and chaotic change of irrelevant information. It was revealed two types of the influence of irrelevant information. Regular change of irrelevant information led to decrease of Einstellung effect. Chaotic change of irrelevant information led to increase of Einstellung effect.

Keywords: Einstellung effect, irrelevant information, contradictions

Аннотация. В работе рассматривалась возможность влияния иррелевантной информации на решение задач в ситуации противоречия. Объект исследования - эффект установки как реакция на ситуацию противоречия. В качестве методов исследования использовались: метод фиксированной установки (Д.Н. Узнадзе) и метод, использовавшийся в экспериментах А. Лачинса («метод сосудов с жидкостью»). Исследование было направлено на изучение эффекта установки в условиях регулярного и хаотичного изменения иррелевантной информации. Выявлены два типа влияния иррелевантной информации: снижение эффекта установки в условиях регулярных изменений; увеличение эффекта установки в условиях хаотичных изменений.

Ключевые слова: эффект установки, иррелевантная информация, противоречия

Вопрос о влиянии иррелевантной информации на когнитивную деятельность исследователями решается неоднозначно. В ходе развития экспериментальных исследований представления изменялись от отрицания воздействия иррелевантной информации до невозможности ее игнорирования; от рассмотрения нейтрального и негативного влияния иррелевантной

³ Исследование поддержано грантом РФФИ № 14-06-00302

информации до изучения ее способности повышать эффективность основной деятельности.

В данной работе рассматривается возможность и условия воздействия иррелевантной информации на решение когнитивных задач в ситуации противоречия. К типу таких задач могут быть отнесены установочные задачи Лачинса и Узнадзе. Решение таких задач предполагает два этапа. На первом этапе происходит научение способу решения задачи. Для этого испытуемому предлагается ряд однотипных задач: в случае задач Лачинса – 6 задач (получить требуемое количество жидкости с помощью сосудов разного объема); в случае задач Узнадзе – около 10-15 (сравнить два одновременно предъявляемых объекта по величине). В ходе этого этапа у испытуемого фиксируется установка на решение задач определенным способом (использовать все три сосуда в задачах Лачинса; оценивать один из объектов как больший в задачах Узнадзе). Затем испытуемому предъявляются задачи (критические), внешне схожие с установочными, но требующие другого способа решения. Эксперименты Лачинса [15] и Узнадзе [11] продемонстрировали эффект установки как ригидной привязки к установочному способу и затруднению в осознании нового способа решения. Данные эффекты могут интерпретироваться по-разному.

С позиций теории сознания В.М. Аллахвердова [2] эффект установки может трактоваться как реакция сознания на ситуацию противоречия. Согласно В.М. Аллахвердову, особый механизм мозга (механизм сознания) на основе поступающей информации конструирует гипотезы об окружающем мире и организует деятельность по их проверке. При этом конструируется одновременно несколько гипотез, а специальный блок механизма сознания принимает решение, какие гипотезы осознать (сделать «позитивный выбор»), а какие – отвергнуть (сделать «негативный выбор»). Сам процесс принятия решения об осознании не осознается. Работа такого механизма обладает

последствием («позитивного» и «негативного выбора»), следовательно, однажды выбранная (или невыбранная) гипотеза будет иметь тенденцию повторного выбора. В целом, сознание направлено на подтверждение имеющихся гипотез. Поэтому в ситуации противоречия, возникающего между имеющейся гипотезой и реальным опытом, сознание начинает работу по выстраиванию «защитного пояса гипотез», направленную на избавление от этого противоречия. При этом сознание может работать с противоречиями разными способами: выбирать только одну из частей противоречивой информации и отвергать остальные; исказить информацию до исчезновения противоречия; совмещать несовместимое в непротиворечивое целое; обесценивать противоречие... [3].

В случае эффекта установки, вероятно, сознание работает только с уже выбранной гипотезой об установочном способе решения, игнорируя ее противоречие условиям критической задачи. При каких условиях возможна иная работа сознания с противоречиями и его отказ от выбранной гипотезы?

В школе В.М. Аллахвердова показано, что генерации новых гипотез способствует изменение иррелевантной информации [1]. Мы предположили, что изменение иррелевантных параметров задач Лачинса и Узнадзе может привести к снижению эффекта установки. В качестве иррелевантных параметров задач рассматривались: способы предъявления условий задач Лачинса и иррелевантные параметры объектов (цвет, форма) в задачах Узнадзе. Для проверки этой гипотезы было проведено экспериментальное исследование эффектов установки с использованием классических методов - метод фиксированной установки, разработанный в школе Д.Н. Узнадзе, и метод «сосудов с жидкостью», использовавшийся в экспериментах А. Лачинса («water jar problem»). Целью нашей работы являлось изучение возможности влияния на эффект установки разных типов изменения иррелевантных параметров задач, в

зависимости от наличия или отсутствия в них закономерности (изменения происходили регулярно или хаотично).

Была выявлена возможность изменения направленности смещения эффекта установки в условиях хаотичного и регулярного изменения иррелевантной информации.

При этом обнаружено, что внесение закономерности, т.е. регулярного изменения иррелевантных параметров задач приводит к ослаблению эффекта Лачинса и эффекта Узнадзе. Эти результаты подтверждаются данными В.А. Гершкович [5] и Я.А. Ледовой [7] о повышении эффективности запоминания в условиях регулярного изменения иррелевантной структуры задачи; а также данными

Н.В. Андрияновой, И.И. Иванчя об уменьшении числа устойчивых ошибок при регулярном изменении иррелевантных характеристик задачи [4].

Эффект установки формируется в условиях однотипности задач. В связи с этим некоторые исследователи считают, что использование разнообразного материала на стадии формирования и применения способов действий будет препятствовать сверхфиксации установки [13, 14]. В теории В.М. Аллахвердова утверждается, что в условиях разнообразия материала механизм сознания конструирует больше разных гипотез относительно решаемой задачи [1]. Это увеличивает возможность выбора гипотезы.

Кроме того, постоянные изменения иррелевантной информации могли привести к появлению дополнительной задачи работы с ней (возможно, выдвижению и проверке «иррелевантной гипотезы», т.е. гипотезы об изменениях иррелевантной информации). Такую интерпретацию можно соотнести с результатами исследования Н.В. Морошкиной [8], в котором показана возможность отвлечения сознательного контроля на иррелевантную задачу. Данное исследование основывается на утверждении о возможности интерференции действий

сознательного контроля с основной деятельностью [2]. Показано, что сознательный контроль может задерживать выполнение автоматизированных действий, перепроверяя правильность выполнения сложения чисел в пределах десятка. Введение дополнительной задачи способствует перефокусированию сознательного контроля, вследствие чего, эффективность автоматизированных действий увеличивается. Возможно, в нашем исследовании происходило то же самое переключение работы сознания на работу с иррелевантной информацией. Это приводило к отвлечению сознания от проверки подтверждения выбранной (установочной) гипотезы и игнорирования противоречий.

В нашем исследовании был получен еще один результат: хаотичное изменение иррелевантных параметров задач приводило к усилению эффекта установки. Каковы возможности интерпретации полученного результата?

Показано, что иррелевантная информация, в случае ее избыточности, может интерферировать решение основной задачи. Такая интерференция может проявляться в условиях энтропии (повышения неопределенности ситуации) [12]; в условиях «хаотической иррелевантности» [7]. Излишняя иррелевантная информация может привести к необходимости ее игнорирования, при этом фокус сознательного контроля может быть смещен на задачу такого игнорирования [1, 6]. Игнорирование может быть связано с появлением задачи когнитивной защиты выработанной гипотезы. Так, М.О. Олехнович [9] обнаружено, что воздействие иррелевантной информации в процессе выработки гипотезы может приводить к когнитивному смещению (как в сторону иррелевантной информации, так и от нее). Противодействием смещению являются когнитивные защиты, направленные на сохранения гипотез от опровержения. Подобная защита собственных гипотез от опровержения и стремление сознания избавиться от противоречий является проявлением «закона Фрейда-Фестингера» (по В.М. Аллахвердову) [2].

Можно предположить, таким образом, что в условиях хаотичных изменений деятельность сознания затрудняется: сознание сталкивается с необходимостью игнорировать как изменение релевантных условий, так и излишнюю иррелевантную информацию. В этом случае увеличение количества установочных способов решения задач происходит вследствие усиления когнитивных защит гипотез, выработанных в таких затрудненных условиях. Такое предположение можно соотнести с исследованием П. Найт, проведенном на материале модифицированных задач А. Лачинса. В исследовании автора испытуемые решали задачи разной степени сложности. Выяснилось, что испытуемые, решавшие более сложные установочные задачи, и затратившие на них больше времени, на критической стадии продемонстрировали большее количество установочных решений. Таким образом, «чем больше усилий мы затратим на открытие принципа решения, тем с большей вероятностью и с большим упорством будем придерживаться его в дальнейшем» [10, с. 106].

Таким образом, установка возникает как выбор сознанием гипотезы относительно способов решения задач и последующий повтор этого выбора. Сознание, ориентированное на подтверждение однажды выбранных гипотез, стремится к их защите, игнорируя противоречия. Смена иррелевантных параметров в дополнении к релевантному изменению критических задач приводит к изменению работы сознания с противоречиями. При этом важным становится соотношение релевантной задачи и иррелевантной информации.

Таким образом, выявлены возможности воздействия иррелевантной информации на работу сознания в ситуации противоречия. Регулярное изменение иррелевантной информации может приводить к отказу от игнорирования противоречий, что проявляется в снижении эффекта установки. Хаотичные изменения могут активизировать деятельность сознания по защите гипотез и игнорированию противоречий, что приводит к увеличению эффекта установки.

References

1. Аллахвердов В.М. Размышления о науке психологии с восклицательным знаком. – СПб: «Формат», 2009. – 264 с.
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (“Экспериментальная психологика, т.1) - СПб.: «ДНК», 2000. - 528 с.
3. Аллахвердов В.М., Науменко О.В., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Аванесян М.О., Воскресенская Е.Ю., Стародубцев А.С. Как сознание избавляется от противоречий // «Шаги», №1, 2015. С. 165-181.
4. Андриянова Н.В., Иванчей И.И. Влияние иррелевантных характеристик задачи на возникновение устойчивых ошибок // «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта» – 2015. – № 4 (122). С. 212-218.
5. Гершкович В.А. Влияние усложнения фигурно-фоновых отношений при предъявлении целевого стимула на процесс его заучивания// Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010. С. 368-371.
6. Гершкович В.А. Игнорирование как способ работы сознания с информацией // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного/ В.М. Аллахвердов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006. С. 187-214.
7. Ледовая Я.А. Как иррелевантные параметры информации способствуют заучиванию // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного/ В.М. Аллахвердов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006. С. 214-229.
8. Морошкина Н.В. Сознательный контроль в задачах научения, или как научиться не осознавать очевидное // Экспериментальная психология познания:

КОГНИТИВНАЯ ЛОГИКА СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО/ В.М. Аллахвердов и др.
– СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006. С. 142-165.

9. Олехнович М.О. Когнитивное смещение под воздействием иррелевантной информации: Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук: 19.00.01. СПб., 2002. - 143 с.

10. Спиридонов В.Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем. - М.: Генезис, 2006. - 319 с.

11. Узнадзе Д.Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001. «Психология-классика». - 416 с.

12. Уточкин И.С., Большакова К.Г. Усиление и ослабление эффекта Струпа при вероятностном научении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 3. С. 139–149.

13. Chen Z., Mo L. (2004). Schema Induction in Problem Solving: A Multidimensional Analysis. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 30, 583-600.

14. Chen Z. Schema Induction in Children's Analogical Problem Solving// *Journal of Educational Psychology*. December, 1999. Vol. 91, No. 4, 703-715.

15. Luchins, A. S. (1942). Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung. *Psychological Monographs* (6, Whole No. 248).

SECTION 8. JOURNALISM

UDC 101.1:316

Anikienko S.V. Origin and Development of Music Journalism in the Kuban Region in the Historical Aspect

Зарождение и развитие музыкальной журналистики на Кубани в историческом аспекте

Anikienko Sergey Victorovich

Krasnodar State Institute of Culture
anikienko1966@mail.ru

Аникиенко Сергей Викторович

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар

Abstract. The history of music journalism is one of the most unexplored problems Kuban musical culture. On the basis of the documents kept in the State Archives of the Krasnodar Territory, and publications of regional periodicals attempt periodization of formation and development of music journalism in the Kuban. A brief description of each of the stages.

Keywords: Krasnodar region, mass media, music journalism, music culture of Kuban.

Аннотация. История музыкальной журналистики относится к числу самых неисследованных проблем музыкальной культуры Кубани. В статье на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), и публикаций региональной периодической печати делается попытка периодизации становления и развития музыкальной журналистики на Кубани. Дается краткая характеристика каждого из этапов.

Ключевые слова: Краснодарский край, средства массовой информации, музыкальная журналистика, музыкальная культура Кубани

В истории зарождения и становления русской музыкальной журналистики Кубань стоит несколько особняком. Здесь эти процессы начались гораздо позже, чем в других провинциальных губернских городах России – только с середины 1860-х годов. Это связано с особенностями социального и политического развития этого региона.

Административный центр Кубанской области – г. Екатеринодар, основанный как военный лагерь, а позже – крепость, получил статус гражданского поселения в 1867 г., и вместе с этим – все социальные институты:

губернскую администрацию, гражданские учебные заведения, средства массовой информации.

Первая газета – «Кубанские войсковые ведомости» – вышла из печати 30 марта (11 апреля) 1863 г.; с этого момента можно говорить и о зарождении на Кубани музыкальной журналистики.

Однако вопросы развития музыкальной журналистики на Кубани до сих пор остаются в числе наименее исследованных.

А. А. Слеповым в «Указателе материалов по истории музыкальной культуры Кубани (1865 – 1985)» [8, 9, 10], составленном в 1988 г. и хранящемся в фондах Государственного архива Краснодарского края, была сделана единственная попытка периодизации и классификации материалов в региональной прессе, посвящённых вопросам музыкальной культуры и искусства. Все материалы исследователем были разделены на две части – дореволюционный (до 1917 г.) и советский (с 1918 г.) периоды. В свою очередь последний был разбит им на две части; за промежуточную точку исследователем брался 1942 г. В конечном результате периодизацию А. А. Слепова можно представить следующим образом:

I период: с 1865 по 1917 гг.;

II период: I этап – с 1918 по 1942 гг.;

II этап – с 1943 по 1985 гг.

Такой подход обусловлен социально-политическими событиями в стране и на Кубани. В 1917 г. кардинально меняется политический строй, 1942-1943 гг. – период оккупации и освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков.

Однако в истории кубанской прессы утвердился несколько иной подход. Так, Н. Н. Петрова [4, с. 7-9] предлагает два периода: досоветский (до 1920 г.) и советский (с 1920 г. по настоящее время); издания, выходившие «в годы двух революций 1917 года и Гражданской войны (1918-20 гг.)» [4, с. 7], включены

автором в первый из них. Такой подход, по нашему мнению, является не совсем корректным: на сломе советской эпохи (1990-1991 гг.) кардинальные изменения произошли и в журналистике, в том числе музыкальной.

Более логичным нам представляется членение процесса зарождения, становления и развития кубанской прессы на пять этапов:

I этап (зарождение кубанской музыкальной журналистики): 1865 – октябрь 1917 гг.;

II этап (переходный период): октябрь 1917 – март 1920 гг.;

III этап (становление кубанской музыкальной журналистики): март 1920 – 1942 гг.;

IV этап (бурное развитие кубанской музыкальной журналистики): 1943 – 1991 гг.;

V этап (современный): с 1992 г. по настоящее время.

Зарождение музыкальной журналистики началось несколько позже появления первого печатного издания региона. Только в январе 1865 г. в «Кубанских войсковых ведомостях» публикуется очерк П. Короленко «Кубанские свадьбы» [2], включающий и сведения по музыкальному фольклору. В марте того же года были опубликованы первые сообщения о литературно-музыкальных вечерах. В них имеется информация, что на этих вечерах, в числе прочих, были исполнены фрагменты из опер Д. Верди «Эрнани» и «Трубадур» (в исполнении оркестра), фрагменты «Стабат Матер» А. Львова (хор любителей) [1], концерт Д. Бортнянского [6], а также пьеса из оперы Верди «Травиата» (кавалерийский хор) [7].

Основными и наиболее характерными для музыкальной журналистики жанрами периода её зарождения становятся хроники. Среди других публикаций этого периода: краткая информация о событиях музыкальной жизни, рецензии на спектакли, обзоры сезонов, критико-биографические очерки о композиторах

и исполнителях, нотографические и биографические заметки и обзоры, теоретические и исторические работы и пр.

Это время отмечено широким употреблением псевдонимов. Для кубанской печати характерны не только буквенные сокращения имен вроде «А.», «П.-б. С.» или «N». Многие авторы скрывались под именами «Дай-Биг»⁴, «Один из присутствовавших», «Проезжий», «Человек, который смеётся» и т.д. Встречаются и более характерные для столичной прессы псевдонимы «Минор» или «Дубль-диез». Многие материалы, особенно из отделов «Хроника», «Театр и музыка», «Городская хроника», «Местная жизнь», не подписывались.

Анализ региональной музыкальной прессы этого периода показал, что для неё характерны тенденции, свойственные другим столичным и провинциальным центрам страны. Как отмечала И. Ф. Петровская, «значение газеты или журнала как источника истории музыкальной культуры далеко не всегда совпадает с оценкой в истории журналистики. Издание, ничтожное по своему литературно-художественному содержанию, по отражению общественной борьбы и т.п., нередко сосредоточивает ценные материалы о музыке <...>. С другой стороны, ведущие общественно-политические журналы второй половины XIX – начала XX века музыкой мало интересовались» [5, с. 155-156].

По сведениям И. Ф. Петровской [5, с. 173], во второй половине XIX века всего издавалось более 250 провинциальных «политических и литературных» газет, большинство из которых откликались на события музыкальной жизни. На Кубани до 1917 г., по данным Н. Н. Петровой [4, с. 24-30], издавалось около 140 периодических изданий. И только чуть меньше 40 из них в той или иной степени затрагивали тему музыкальной культуры. На фоне появления большого количества частных изданий, в «официальной» газете правительства Кубанской области – «Кубанских войсковых ведомостях» – удельный вес материалов о

⁴ А. А. Слепов установил, что под этим псевдонимом печатался А. Д. Бигдай.

музыкальной культуре год от года неуклонно снижался. Первенство по количеству музыкально-критических материалов принадлежит малоизвестным и издававшимся в течение весьма непродолжительного времени газетам «Заря», «Новая Заря», «Отклики Кавказа» и пр.

Отличительной особенностью музыкальной журналистики Кубани было полное отсутствие специализированных изданий. Однако с редакциями газет регулярно сотрудничали видные кубанские музыканты, педагоги и музыкальные просветители А. Д. Бигдай, П. А. Махровский, Я. А. Назаров, а чуть позже – М. Ф. Гнесин, А. Н. Дроздов и др. Материалы о музыкальной жизни региона регулярно печатались в столичных журналах «Русской музыкальной газете» и «Музыка».

На сломе эпох, в течение 1917 г. на Кубани были закрыты практически все периодические издания; до 1919 г. продолжили свою деятельность только 5 из них. Между тем только в течение 1917 г. в Кубанской области было открыто 18 новых газет, а в 1918-1920 гг. – ещё 17.

Заметим, что юг России, в том числе Кубанская и Кубано-Черноморская области, после событий октября 1917 г. превратились в своеобразную «мекку» для тех, кто мечтал эмигрировать из Советской России. Театры и концертные залы Екатеринодара и приморских городов были переполнены столичными музыкальными знаменитостями. Сюда же переместились многие ведущие журналисты страны. Этот период в истории журналистики практически не исследован и может хранить многие научные открытия.

Период с октября 1917 г. по март 1920 г. (до установления в Екатеринодаре Советской власти) мы предлагаем считать «переходным» в истории музыкальной журналистики Кубани, т.к. многие деятели культуры и искусства, приехавшие в это время на Кубань (С. Я. Маршак, М. Г. Эрденко, В. А. Золотарёв и др.), остались работать здесь в последующие годы.

После установления на Кубани Советской власти направленность музыкальной журналистики резко меняется. Основными героями публикаций становятся самодеятельные исполнители и музыкальные коллективы. Появляется не свойственная периоду зарождения идеологизация прессы.

Полностью исчезают частные издания, в каждом административном отделе, а позже – районе появляется свой орган печати. При этом в 1924-1937 гг. Краснодар не является административным центром региона. Это, безусловно, оказывает своё влияние на состояние журналистики. В этот период кубанская музыкальная журналистика развивается в недрах более сильной прессы Дона.

После образования Краснодарского края и возвращения Краснодару статуса административного центра журналисты Кубани продолжают развивать традиции музыкальной журналистики, заложенные екатеринодарскими и донскими авторами.

К концу 1950-х годов отечественная журналистика претерпевает серьёзные изменения. Как отмечает Е. С. Молдованова [3], средства массовой информации в эти годы стали рассматриваться не только как средство пропаганды, но ещё и как один из институтов советской социалистической демократии. С одной стороны, они информировали граждан о деятельности государственных и общественных организаций, отдельных руководителей, а с другой – ежедневно выносили на газетные полосы, в радио- и телеэфир мнения, советы, размышления и предложения людей, открыто подвергая критике те или иные негативные явления и поддерживая передовой опыт. Они давали возможность выявлять мнение граждан по определенным вопросам, узнавать их настроение.

Советские СМИ способствовали объединению людей в социальное и культурное целое посредством трансляции ценностей официальной идеологии в формах массовой культуры, унифицировали вкусы и потребности массового

реципиента. СМИ стали не только носителями культуры, но и мощным средством манипулирования сознанием и настроениями людей с помощью продуктов этой культуры.

На этом фоне в 1960-1980-е годы начинается расцвет кубанской музыкальной журналистики. Этот период совпадает с бурным ростом профессиональной культурной жизни региона. Начинается активная деятельность филармонии, краевого театра оперетты, Государственного ансамбля песни и пляски кубанских казаков (позднее – Кубанского Государственного казачьего хора), создаются хор молодежи и студентов города Краснодара и краевая организация Союза композиторов, Краснодарский государственный институт культуры, открываются музыкальные училища в Новороссийске и Сочи. Проводятся первые фестивали искусств «Кубанская музыкальная весна», ставшие традиционными. Все эти события находят отражение в прессе.

В это же время в масс-медиа края особое место начинает занимать телевидение: в день открытия Краснодарского телецентра 1 ноября 1959 г. транслировался концерт ансамбля песни и пляски Кубанских казаков. К этому времени уже осуществляли вещание мощный телецентр в г. Сочи и любительский телецентр в г. Армавире.

В структуре Комитета по радиовещанию и телевидению при Краснодарском крайисполкоме были созданы редакции музыкальных программ.

Отсутствие специализированных музыкальных изданий в регионе компенсировалось активным сотрудничеством со средствами массовой информации профессиональных музыковедов А. А. Слепова, Н. Н. Гаврюшенко, В. А. Фролкина и, в первую очередь, В. Г. Комиссинского, внёсшего значительный вклад в развитие кубанской музыкальной

журналистики. Доминантой музыкальной журналистики в этот период является её просветительская направленность.

После распада СССР, с 1992 г. по нынешний день происходит очередной этап развития музыкальной журналистики. Он характеризуется с одной стороны резко возросшим количеством печатных изданий, большая часть которых становится частными, и появлением электронных СМИ. В жизнь прочно вошли интернет-ресурсы. С другой стороны наблюдается резкое снижение профессионального уровня журналистов, освещающих вопросы музыкальной культуры и искусства. Эти тенденции характерны и для российской журналистики в целом.

Заметим, что в это время в структуре ГТРК «Кубань», ставшей преемницей Краснодарского краевого телевидения и радио, были ликвидированы редакции музыкальных программ.

Изменилось и «лицо» главного героя публикаций. Сегодня это – многочисленные деятели шоу-бизнеса. Во главу угла современной музыкальной журналистики Кубани поставлено не профессиональное музыкальное искусство, а, по сути, самодеятельное творчество сомнительной художественной ценности, подающееся как эталон.

В настоящее время журналистика нашего региона настолько интегрирована в общероссийские масс-медиа, что, по сути, не является самостоятельной единицей; в основном это филиалы многочисленных российских СМИ – как печатных, так и телерадиовещательных.

В последние годы музыкальная журналистика Кубани применительно к академической музыке всё больше теряет свою просветительскую направленность, возвращаясь к традициям конца XIX – начала XX века – краткая информационная заметка становится основным жанром.

Таким образом, за последние 150 лет музыкальная журналистика на Кубани прошла большой и сложный путь, переживая и свои взлёты, и свои

падения. А оценить её роль в истории музыкальной культуры нашего региона ещё только предстоит.

References

1. Г. Екатеринодар // Кубан. войск. ведомости. 1865. 6 мар.
2. Короленко П. Черноморские свадьбы // Кубан. войск. ведомости. 1865. 2 янв.
3. Молдованова Е. С. Развитие средств массовой информации в 1950-60-е годы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 8. – ISSN 1991-3087. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/hist9.html> (Дата обращения: 1 марта 2016).
4. Петрова Н. Н. Кубанская журналистика: страницы прошлого и настоящего : программа-хрестоматия; учеб. пособие. – Краснодар: КСЭИ, 2011. – 77 с.
5. Петровская И. Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. – М.: Музыка, 1983. – 215 с.
6. Программа музыкально-литературного вечера, 14-го марта 1865 года // Кубан. войск. ведомости. 1865. 13 мар.
7. Программа музыкально-литературного вечера, 21 марта 1865 года // Кубан. войск. ведомости. 1865. 20 мар.
8. Слепов А.А. Указатель материалов по истории музыкальной культуры Кубани (1865-1942 г.). Вып. 1 // ГАКК. Ф. Р-1513. Оп. 5. Д. 2. – 1986 г. – 365 л. – Машинопись.
9. Слепов А.А. Указатель материалов по истории музыкальной культуры Кубани (1943-1985 г.г.). Т. 1 (Концертная и музыкально-театральная жизнь, народное музыкальное творчество, авторские произведения) // ГАКК. Ф. Р-1513. Оп. 5. Д. 3. – 1986 г. – 326 л. – Машинопись.

10. Слепов А.А. Указатель материалов по истории музыкальной культуры Кубани (1943-1985 г.г.). Т. 2 (Музыкальное образование, музыкальное просветительство, музыкознание, именной указатель, архивные документы, примечания) // ГАКК. Ф. Р-1513. Оп. 5. Д. 4. – 1986 г. – 270 л. – Машинопись.

Scientific edition

HUMANITIES, SOCIAL SCIENCES AND ENVIRONMENT CONFERENCE

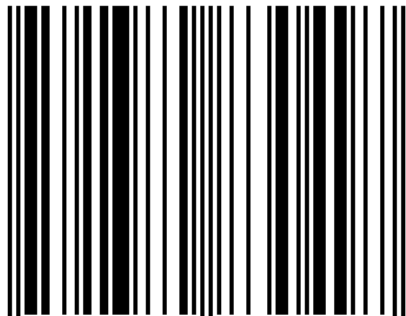
materials of the I international research and practice conference

November 30th 2016

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the author's original texts

ISBN 978-1-370-83049-7

9 781370 830497

Format 60x84/16. Conventional printed sheets 7,4
Circulation 100 copies
The publisher Sole proprietorship N.A. Krasnova
Adress: USA, Los Gatos (CA) 15951 Gatos Blvd., Suite 16 Los Gatos, CA 95032